

18+

Любовь Сушко

Хранитель Тени

Пушкин и Тургенев.
Хроники

AS

Любовь Сушко

**Хранитель Гения. Пушкин
и Тургенев. Хроники**

«Издательские решения»

Сушко Л.

Хранитель Гения. Пушкин и Тургенев. Хроники / Л. Сушко —
«Издательские решения»,

Тургенев и все остальные гении. Повести о веке гениев созданы на основе пьес, предназначены для всех, кому дорога наша литература. На обложке и в книге удивительные работы Лизы Котт (Евгении Савчук)

Содержание

Перстень Пушкина	8
Часть 1	10
Глава 1 Дорогой гость. Учитель	11
Глава 2 Вторжение Ивана	13
Глава 3 В старой беседке	15
Глава 4 Варвара Петровна и Учитель	17
Глава 5 Встреча на Лунной дорожке	19
Глава 6 Московский дом	21
Глава 7 Иван в доме у Жуковского	22
Глава 8 Варвара Петровна и Елизавета Алексеевна	23
Глава 9 И снова Спасское	25
Глава 10 В поле чистом	27
Глава 11 Дом Учителя	28
Глава 12 А тем временем в Париже	30
Глава 13 Еще одна встреча	31
Глава 14 Император и Василий Андреевич	32
Глава 15 Учитель и Варвара Петровна	33
Глава 16 Рукописи Пушкина	34
Глава 17 Василий Андреевич и Варя	35
Глава 18 Возвращение домой	36
Глава 19 Арест В Москве	37
Глава 20 Камера полицейского участка	38
Глава 21 Здравствуй, Спасское	39
Часть 2 Любовь и Свобода	41
Глава 1 Тень в старинном зеркале	42
Глава 2 Письма матери	44
Глава 3 Фета пожаловал	46
Глава 4 Встреча жандармов	47
Глава 5 А вот и жандармы	48
Глава 6 Вторжение Фета	50
Глава 7 Иван и Фет снова в Спасском	51
Глава 8 Император и цензор	52
Глава 9 Обед в Спасском	53
Глава 10 Фет, Иван и Николай	55
Глава 11 Исчезновение	56
Глава 12 Почти у цели	58
Глава 13 Обратный путь	61
Глава 14 Последняя проверка	62
Глава 15 1876 год Буживаль	63
Глава 16 Дочь Пушкина и сын Жуковского	64
Глава 17 Иван и Флобер в кафе	65
Глава 18 Вторжение генерала	66
Глава 19 Москва 1880 Памятник Пушкину	67
Глава 20 Возвращение в Спасское	69
Глава 21 Писатель и актриса	70
Глава 22 Буживаль Последние дни	71

Сны и грезы Варвары Петровны	73
Глава 1 Ужин в семейном кругу	74
Глава 2 После ужина	76
Глава 3 Николай и Иван перед ужином	78
Глава 4 Ужин в Спасском	79
Глава 5 Иван и Николай, а саду	80
Глава 6 Вечеринка у княжны	82
Глава 7 Ярость влюбленного	84
Глава 8 Прощальный обед в усадьбе	86
Глава 9 Иван в старом парке	87
Глава 10 Муж и жена	88
Глава 11 Опоздавший	90
Глава 12 Свидание с белошвейкой	91
Глава 13 Тревожные дни и часы	92
Глава 14 Барыня в трауре	94
Глава 15 Встреча братьев	95
Глава 16 Петербург. Театр, Полина	96
Глава 17 Варвара Петровна и Иван	97
Глава 18 Первый сон Варвары Петровны	98
Глава 18 Второй сон Варвары Петровны	100
Глава 19 Третий сон Варвары Петровны	102
Глава 20 Разговор с матушкой То ли сон, то ли явь	104
Глава 21 Четвертый сон. Разговор с дочерью	105
Часть 2	106
Глава 1 И снова в столице	107
Глава 2 Ссора в усадьбе Фета	109
Глава 3 Парижское кафе	112
Глава 4 Свидание с дочерью	114
Глава 5 Иван и Полина	116
Глава 6 Возвращение через 20 лет	118
Глава 7 Выхожу один я на дорогу	120
Глава 8 Писатель и актриса	121
Письма к жене. Подвиг Тургенева	122
Глава 1 1863 год. Дом генерала Ланского	123
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Хранитель Гения Пушкин и Тургенев. Хроники

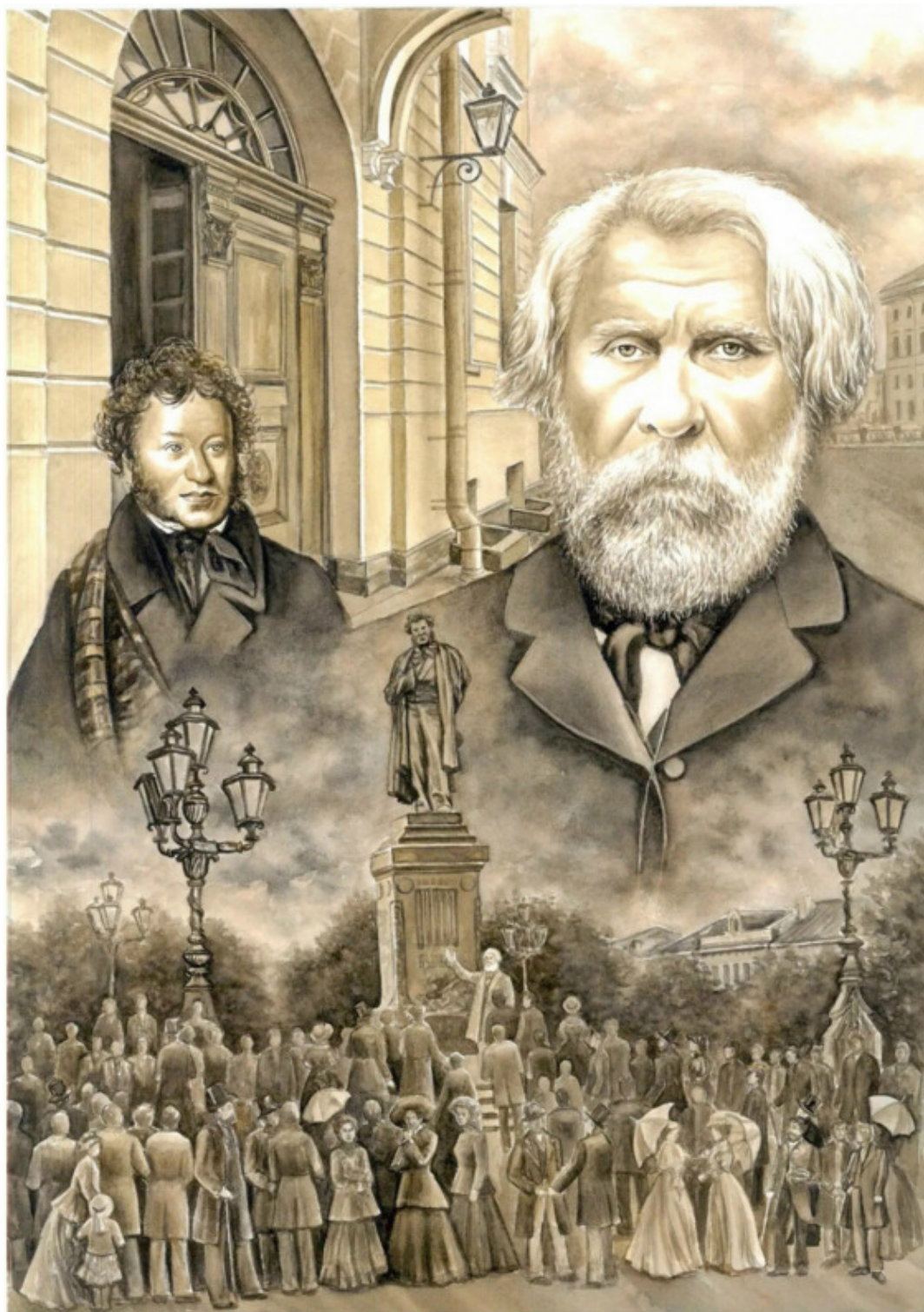
Любовь Сушко

Иллюстратор, автор обложки и иллюстраций Лиза Котт (Евгения Савчук)

© Любовь Сушко, 2026

ISBN 978-5-0070-8138-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Перстень Пушкина

Дар — это нелегкая доля. Он как раскаленный уголь на ладони. Да, гонит прочь тьму, но и обжигает, и приносит нестерпимую иногда боль.

И, так печально устроен этот мир, что судьба Поэта как правило только и начинается после смерти носителя Дара. И потому именно сейчас так важно каждое слово о Поэте. Чтобы не дать тьме забвения завалить, затоптать тот свет, который вложил он в свои строки.

И. Царев

Пролог

Последний монолог

И больше ни звука, ни вздоха, ни взгляда,
И мечется где-то в тумане Дантес,
А кто это тут? И учитель лишь рядом,
Таков ли финал им написанных пьес?
Все было так странно, так зло и нелепо,
Но это случилось, и адская боль
Уносит куда-то в свинцовое небо,
А им остаются тоска и юдоль.
Их после охватит метель, завывая,
Пока ж император печален и зол,
Но только и он никогда не узнает,
Как к огненным рекам в тумане я брел.
Чего-то хотел и напрасно пророчил,
Вдыхая болот неизменную хлябь.
Покой? Но теперь и покоя не хочется,
И ярость, и горечь, на Мойке сошлась
Та публика, кто-то стоит у окошка.
Зачем они здесь, в этом жутком чаду?
Открой, пусть шумят, я побуду немножко
Средь них, а потом в неизвестность уйду.
Но где же Данзас, да какая морошка.
Мне холодно, жарко, и снова мороз,
Впустите жену, пусть побудет немножко,
Но только без воплей, без стонов, без слез.
Мне Аннушка снилась, какая, не помню.
И все-таки снилась плутовка опять,
Как пусто в провалах покинутых комнат,
И флейта еще продолжает звучать.
Русалка утопит седого монаха,
И слышу пронзительных строк торжество,
А небо молчит, нет ни слова, ни знака,
Как долго смотрел я тогда на него.
Февраль, говоришь, значит, марта не будет,
Печаль и покой, и туман забытья,
В прихожей толпятся какие-то люди.
Но мир обойдется уже без меня.

А дети, что с ними, какая досада,
А книги, прощайте навеки, друзья.
Но кто это там, в пустоте снегопада,
Сальери, о горькая доля моя.
Но нет, не уйду я, мы будем стреляться.
Как мог промахнуться, какая досада,
Спустились с небес, или только мне снятся.
За мною мой Дельвиг и Пестель, не надо.
А впрочем, судьба за меня все решила,
И Реквием, слышите? Это за мной,
Лишь книги и музыка — вечная сила,
Они вдохновенье несут и покой.

Часть 1

Глава 1 Дорогой гость. Учитель

В Спасском часто появлялись разные люди, гости любили побывать здесь и побеседовать с хозяйкой о высоких материях, о литературе. Она была приветлива и прямолинейна. Но мнение ее ценилось очень высоко.

И многие не верили слухам о том, что она может быть жестока по отношению к своим слугам, крепостным и даже близким людям. Это подтверждало, что никогда не знаешь и не ведаешь, что творится в барской усадьбе, когда гости разъехались, и они остаются в одиночестве за закрытыми дверями и воротами той самой усадьбы.

На этот раз в Спасское пожаловал Василий Андреевич Жуковский, которого Варвара Петровна считала близким другом и дарила подарки сотворенные своими руками, что означало особую привязанность к Учителю молодого императора и по сути второму человеку в государстве. Но связано ее отношение к Учителю было вовсе не с желанием похвастаться перед другими такой дружбой, а стремлениями более земными и возвышенными одновременно — он должен был не только хранить все связанное с Пушкиным, любовь к которому у нее был безгранична, но и поспособствовать тому, чтобы кто-то из молодых писателей или поэтов продолжил это дело и довел до конца, до возвращения Пушкина, до памятника на главной площади в столице.

Вероятно сам Учитель терял покой и сон от того, в каком плачевном положении оказался гений, но чувства Варвары Петровны были значительно сильнее и выражались ярче. Она готова была все перевернуть и пойти на крайние меры, чтобы он вернулся, он занял свое место.

Варвара Петровна и сама была бы прекрасным литератором, судя по ее письмам и заметкам. Но она не смела и думать о том в те трагические дни, когда стояла у гроба поэта и сжимала в ладони серебряный медальон с локоном его волос, который передал ей Василий Андреевич, а на следующий день она не отрываясь, смотрела на посмертную маску — дар бесценный, не сравнимый ни с какими богатствами в мире.

Василий Андреевич стремился к ней, хотя пока сам не знал, для чего ему это было нужно. Но что-то толкало и заставляло действовать. И здесь, под открытым небом так легко дышалось, и можно было поговорить о Пушкине.

— Полгода прошло, а я все места себе не нахожу. Пусто без него, совсем пусто. Кажется, распахнется дверь, и он влетит, как метеор и всех осветит.

— Но мы же еще живы, и сами будем помнить и детям своим накажем. И всему миру не дадим забыть гения нашего, — отвечала Варвара Петровна.

— Как там ваш Иван? — неожиданно спросил Учитель

— Растет, развивается, на камеристке вроде жениться не собирается. Пока больше порадоваться нечему.

— И вы стихами заговорили, все в рифму. И кажется он с нами, — Василий Андреевич поднял глаза к небесам. Мимо проплывало облако, и ему показалось, что там был профиль поэта, такой, каким он любил себя изображать на полях рукописей,

— Да, я —то что, а вот Ваня, как сейчас помню точно поэт, когда Иван Иванович Дмитриев гостил у нас, так он маленький еще был, прочел его басни, и когда тот спросил, нравятся ли, заявил с важным видом, что у Крылова лучше. Я не знала куда деваться, что сказать гостю дорогом. А он все выпалил и глазом не моргнул

— Ведь и правда лучше, что же его врать заставлять?

— Так в отца покойника пошел, тот тоже правдуробом всегда был, что думал, то и говорил. Трудно ему придется со всеми нами общаться, а особенно императорами и писателями. Не любят они такой прямоты, ой, как не любят.

— Как пусто стало без Пушкина. Вроде покоя не давал, а вот думаешь теперь: и пусть бы буянил, зато стихи какие был и проза, и драма развиваться стала. Он везде успевал, словно знал, что скоро уйдет, торопился жить. Все говорили про балы и дуэли. Да чтобы столько написать, это надо было день и ночь за письменным столом сидеть.

— Поэзия умерла с Пушкиным «Но вот проза, слово русское храниться и развиваться будет, несомненно, — задумчиво говорила Варвара Петровна.

— И я о том же думаю. Когда я почувствую, что он готов к тому, передам ему тот перстень, пусть с ним до конца остается. Поэт верил, что он и вдохновение приносит, и оберегает его от всех напастей. Но самое главное — он передал ему Дух вдохновения.

— Только не торопитесь, всему свой срок. С медальоном он не расстанется — это хороший знак. Есть в мире ценности, которые дороже серебра и золота, и всего материального.

— Хорошо, что вы такое решение приняли, пусть у вас и у Ивана все получится, а я с небес его хранить стану.

Глава 2 Вторжение Ивана

Узнав, что к ним пожаловал Василий Андреевич, Иван отложил все дела и поспешил к нему. Так много хотелось сказать, спросить, послушать его. Ведь он уже убедился в том, что может оказаться поздно, слишком поздно. Человек смертен, а если еще дуэли и все прочее, то он будет смертен внезапно, и тогда останется только стоять у гроба и руками разводить.

— Как же я рад вас приветствовать, дорогой Василий Андреевич, — немного смущенно говорил Иван, искоса поглядывая на матушку.

— Вот наша надежда и опора. А мы о Пушкине говорим, о том, что нужен кто-то, святое место пусто не бывает. Да и мне пора еще хоть что-то для нашей бедной словесности сделать.

— Надеюсь, вы не обо мне говорите? — осторожно спросил Иван.

— О тебе, голубчик, о ком же еще, в детстве ты смелее был, а сейчас, что случилось? — довольно ласково отвечала Варвара Петровна.

— Ну где Пушкин, и где я? Не смущайте меня, маменька, да еще перед Учителем его.

— Не скромничай, тайком заглянула в твою «Парашу» конечно, в наше время так не писали, так и времена наши проходят. — призналась матушка,

— Матушка, ради всего святого, только Учителю не показывайте. Я пытался, но ничего не получилось.

— «Параша», — прекрасное начало. Я не люблю это имя, Но! твоя первая дочь будет Парашей, и я желаю ей во всем — и даже с пороками — походить на свою литературную сестру»

— Я вижу, начало положено, покажете мне, когда можно будет, но поторопитесь, мы уже не так молоды, а хочется благословить крестника моего, как Державин когда-то, он-то успел Пушкина благословить, — ласково улыбнулся Василий Андреевич. И Иван невольно улыбнулся ему в ответ, что-то в душе его потеплело, хотя тревога не оставляла того, кого только что назначили Хранителем под небом Спасского.

Василий Андреевич пошел прогуляться по парку. Варвара Петровна осталась с сыном

— И что ты нос повесил? Ничего страшного не случится, пока мы с тобой

— Да слишком высоко вы мне взлететь предлагаете. Расшибусь в лепешку, ничего от меня не останется, — Иван **прикоснулся** к медальону на груди

— Пока не предлагаю, вот когда ты получишь перстень от Василия Андреевича, тогда и поговорим. А пока зови гостя нашего к столу и думай, как жить дальше. Но не забудь, покорного судьба ведет, а упрямого тащит.

Иван ушел в глубину сада. Матушка посмотрела ему в след и стала читать начало поэмы, о которой они говорили совсем недавно.

Читатель, бью смиренно вам челом.
Смотрите: перед вами луг просторный,
За лугом речка, а за речкой дом,
Старинный дом, нахмуренный и черный,
Раскрашенный приходским маляром...
Широкий, низкий, с крышей безобразной,
Подпертой рядом жиденьких колонн...
Свидетель буйной жизни, лени праздной
Двух или трех помещичьих племен.
За домом сад: в саду стоят рядами
Всё яблони, покрытые плодами...
Известно: наши добрые отцы
Любили яблоки — да огурцы

№№№№№

Она перевела дыхание и улыбаясь, смотрела, как они возвращаются вместе. И в этой живой картине было что-то удивительное, символичное и страшно для нее притягательное. Рядом с учителем шел ее сын, в которого она вложила все, что у нее было, и даже немного больше. И ради того, чтобы он вырос таким, стоило жить и страдать, и радоваться.

— А ведь не плохо, надо поработать немного, кое-что подправить, но первый блин получился точно не комом у сына моего, — переключилась она на поэму, которую только что читала.

— А я все еще о нем, никак боль не утихнет. Иван, ты ведь встречался с Пушкиным?

— Довелось трижды встретиться. В первый раз у литератора Плетнева, но я так робел, что ничего не смог бы сказать, даже если бы гений заговорил со мной. Остолбенел, как жена Лота, так и простоял, словно вкопанный. А он пролетел мимо, рассмеялся, кому — то что-то сказал и исчез. О, если бы не эта робость. Как много хотелось спросить и сказать.

— А второй раз, да не тяни ты нищего из могилки, говори.

— На концерте, на утреннем концерте. Не мог глаз от него оторвать, тогда времени чуть больше было. Но все равно сидел и ничего сделать не мог.

— А третья встреча, да что ж из тебя слова надо вытягивать?

— У гроба, мы же с вами, матушка, там были. Едва уговорил камергера локон мне тайком отрезать, вот с тех пор с ним и не расстаюсь. Три встречи и целая жизнь.

Все надолго замолчали, переживая тот страшный момент. И понимали они, что и всю оставшуюся жизнь вот так будут думать и вспоминать, и не верить в то, что Пушкина больше нет с ними. Но в то лето утрата казалась особенно горькой и невосполнимой

Глава 3 В старой беседке

Иван в дальней беседке в парке, все чаще ему хотелось побыть одному, подумать о том, что и как будет дальше. Но матушка сама разыскала его и подошла почти не слышно. Порой она умела так ступать, что заставляла сына врасплах.

— Едва тебя нашла, ты словно убегаешь от меня, но напрасно, от матери никуда не убежишь.

— Да и не собирался я убежать. Просто странный мне приснился сон. Как будто я в нашем Спасском. Все вроде как обычно, но приходят жандармы с обыском, и говорят, что я в ссылке из-за какой-то статьи и не могу покидать этих мест без особого позволения.

— Час от часу не легче. Этого я всегда и боялась. Сколько таких ссылок у гения нашего было. Но они его и спасли в 25 году, когда бунт начался. Но ты у меня спокойный, с тобой такого не случится.

— Но я все так ясно видел, словно и не сон это был. Они мне сказали, что император мной не доволен и видеть не желает. А потом все книги перебирали и записи, искали все время что-то.

— Император, жандармы, цензура, в мире нет ничего нового, все повторяет. И дальше что? Чем все это в твоём сне закончилось?

— И нашли у меня список того стихотворения гусара, а за это еще срока добавили. Но я не за него, а за медальон боялся больше всего и за перстень, он был у меня, тот перстень, о котором Василий Андреевич говорил.

— Пусть про перстень сбудется, а вот про ссылку забудется. Но что я тебе сказать хочу. Что такое поэт, писатель? Твои проферансы, то есть забавляешься, между дела — безделье. Выиграл, проиграл — не разоришься, а время прошло без скуки» Разве же это не самое лучшее из всего, что случиться может со всеми с нами?

— Да что же вы меня уговариваете, матушка. когда я и так согласен с самого начала. Одно только страшно, пушкинская высота. А вдруг чего не выйдет. Я же себе такого никогда простить не смогу.

— Да волков бояться, в лес не ходить. Все, кто с ним были — не потянут этот крест, потому что не молоды уже, да и у каждого свое место, на чужое не запрыгнуть. Они доживают свой век и каждый хочет для себя что-то урвать, кто девушку молодую, кто славы у него хоть немного отнять. А у тебя все впереди. Василий Андреевич просто так бы говорить не стал. Нельзя на произвол литературу нашу бросать, нельзя. А с ним рядом ты и сам выше и лучше станешь.

— Да я и не отказываюсь, но и согласиться никак не могу. Пока не могу, но пройдет это как-то уляжется.

— Вот придет гусар со всеми его демонами и страстями, тогда попляшете. Мы-то уйдем, а вам с ним жить. Ты спокойно спать тогда будешь? Зная, что мог противостоять да смалодушничал?

— **Вы** видели его, он и правда так страшен?

— Тьма на мир опустится. Ты взгляни на него, это же мрак сплошной, жалко мне Елизавету Алексеевну, с ног она сбилась, а он только и знай, творит свои непотребности. И чем дальше, тем хуже, а все воспитание ее. Пороть его надо было с утра до вечера, а она носилась с ним, как с писаной торбой, горемычная.

— Но ведь хорошо пишет, почти гениально. Порой даже не замечаю, а подражать ему начинаю, — пожаловался Иван

— Если бы плохо писал, так и речи бы никакой не было. Но нельзя его на место Пушкина ставить, нельзя. Пока мы живы, не бывать этому, а вот потом, как знать, что твориться начнет.

— Ой, матушка, лишаете вы меня покоя и сна. Но это тот редкий случай, когда не могу я с вами не согласиться.

— Одно тебе скажу, чтобы сон не сбылся, поменьше о крестьянах пиши после того, что все мы пережили, нельзя о них много говорить, да еще такими привлекательными их делать, тут с императором нашим не поспоришь. Помнишь, как Пушкин говорил, про бунт бессмысленный и беспощадный, и он был прав. И в тех «Записках» твой бунт кроется, хотя сразу так и не скажешь.

— Да как же без них —то. Они люди, и порой еще какие славные. Диву даешься, как с ними пообщаешься.

— Гладко было на бумаге, да забыли про овраги видать.

Она развернулась и отправилась к дому, а Иван еще сидел в той беседке и думал о том, что было и что не было сказано матушкой. Какая она разная бывает. Часто права, порой совсем не права. Но ясно одно — он ее очень плохо знает, а может не знает совсем.

Глава 4 Варвара Петровна и Учитель

На этот раз ждать Василия Андреевича пришлось долго, дела государственные не давали ему передохнуть и не выпускали к близким людям, отчего он страдал и очень переживал, никак не мог успокоиться.

Но все-таки появился на той самой аллее, и бодро зашагал в сторону барского дома.

— Как долго я вас ждала, дорогой Василий Андреевич. Совсем меня с ума сводит сын мой милый

— Не стоит так волноваться, молодость всегда бунтует.

— Хоть он молчит, но чувствую, что Демоны и тьма гусара его милее. Я внимательно «Парашу» его почитала, там столько всего крамольного да черного. Но сама его своими руками придушу, если по стопам Гусара пойдет.

— Так я к вам за рукописью и пожаловал, пора мне с ней познакомиться. Надо взглянуть на все самому, а то деликатность наша далеко заведет.

— Я тоже думаю, что пора, давно пора, это конечно не «Смерть поэта», на Кавказ не сошлют, да и куда ему на Кавказ, только много там гусара, слишком много. А его надо каленым железом выжигать.

— Вы меня заинтриговали, буду читать в дороге, а может до дома отложу, уж проникнуть больно хочется в мир его

— Но вот что меня пугает и тревожит. Новая литература французская час от часу лучше, приятнее, проще, любо и весело читать. А мы, бедные русские, совсем упали... Поэзия умерла с Пушкиным». Но прозу нам надо поднимать, на это, надеюсь сил хватит.

— А мне накануне сон снился

— Сон и вам тоже, не пугайте меня. Ваня себя в ссылке видел, жандармов, обыск проводивших. И будто прятал он Пушкинские вещи, чтобы чужим они не достались.

— Нет, не такой страшный. Вижу, стоят они на Лунной дорожке рядом, и такой свет от них исходит, словно солнце среди ночи загорелось. И никаких французов, только они вдвоем, и о чем-то мирно беседуют. Гусара там и близко не было. Вряд ли он до тех лет дотянет. Весь день перед глазами стоял у меня этот сон и радовался я всему, что там творилось.

— Ну дай, бог, ваши слова да богу в уши. Зря что ли мы с вами так старались. Это должно дать свои плоды рано или поздно, лучше, если случится все пораньше.

Я помню сам старинный, грустный сад,
Спокойный пруд, широкий, молчаливый...

Я помню: волны мелкие дрожат
У берега в тени плакучей ивы;
Я помню — много лет тому назад —
И в том саду хожу в траве высокой
(Дорожки все травой поросли),
Заря так дивно рдеет... блеск глубокой
Раскинулся от неба до земли...

— Недурственно, но то как вы это прочли, просто замечательно, милый друг, с такой любовью и нежностью.

— Хорошо, что Иван ничего этого не слышит, рано ему пока радоваться, работать да работать надо. Но ведь есть проблески таланта, определенно есть. Это и вселяет надежду.

— Еще с большим любопытством буду это читать. Но уверен в одном, мы с вами ошибиться вместе не можем. Все со временем получится.

Он мимолетно взглянул на перстень

— А когда у него перстень будет, тогда и вовсе силы утратятся, я это сам чувствую, он столько сил дает, кажется, что вся жизнь впереди, хотя умом понимаешь, что ничего от нее не осталось больше.

Глава 5 Встреча на Лунной дорожке

Ивану не спалось в ту спокойную лунную ночь. Не было грозы, вороны не кричали, волки не выли, как бывает в тревожные ночи, но он поднялся и в летнем костюме отправился туда, на воздух, где светила ярко лучная, мелькали какие-то тени, весь мир жил и дышал в полную грудь.

— Выхожу один я на дорогу. Но разве человек где-то и когда-то бывает один, даже в лунную ночь в чистом поле. Только здесь думается и дышится легко. И сколько незримых спутников рядом.

— Иди прямо и не оглядываясь, я давно ждал тебя, — услышал он голос гения. Не испугался, тревожиться не стал, просто подчинился. И потом часто так бывало, когда раздавался этот голос, он воспринимал его спокойно, как что-то вполне реальное.

— Ведь этого не может быть, матушка, Василий Андреевич только о вас и говорят.

— Да и я наслышан, не думал даже, что так много людей будут печалиться об уходе и любить мое творчество и сочувствовать мне, и заботиться о судьбе посмертной. Не думал, и очень растроган.

— Посмертная судьба поэта только и начинается после его ухода, вот здесь бы не забыть, не затоптать, все, что было сделано. Они роба это прекрасно понимают, и меня не оставляют, хотя что душой кривить, мне это самому очень и очень мило и дорого.

— Я рад, что они выбрали тебя и тоже больше не вижу никого, кто бы соответствовал, ну хотя бы вот этому.

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим

Когда я вас случайно встретился у Плетнева, мне так хотелось спросить, а возможно ли такое. Бывают ли такие чувства. Но робость не позволила и рта раскрыть, хотя тогда я подумал о том, что у меня еще будет время, а его совсем не оказалось. И с тех пор одной моей главной мечтой и было — говорить с вами столько, сколько вы захотите.

Да я и сам не думал, что все оборвется так быстро. Да что теперь об том сожалеть. У тебя получится, у тебя все получится, мой друг, не дай им погрузить нашу литературу во тьму и заполнить Демонами

— Мне это далеко не всегда удастся, я балансирую где-то на грани, а зло так притягательно. От него трудно отказаться, откреститься.

— Ничего, с тобой будет мой перстень, он защитит и от демонов, и от бесов. Они просто разбегутся от него, как от ладана, да и сам я вместе с тобой пройду этот путь до конца.

Все говорят о перстне, если бы хоть взглянуть на него. В нем такая магическая сила и связь.

— Ты его получишь, от милого Василия Андреевича, как же мне его не хватает, он был всем с самого начала, а теперь его нет. Я так перед ним виноват.

— Он бывает у нас, часто. И очень тоскует без вас

— Вот и передай, что не было никого дороже в этом мире. Мы встретимся, обязательно встретимся, но пока очень больно.

— Как тревожно и одиноко стало в тот роковой день.

— Скоро все переменится, судьбоносная встреча убережет, и такая вот любовь, как в стихотворении будет тебя хранить. Не потеряй ее и не отступай. Полина поможет. И мне и тебе Полина поможет обязательно.

— Полина, он сказал Полина. Нет никакой Полины, но как я могу ему не поверить? Значит она будет, она появится, ему с небес виднее.

Иван стоял один в чистом поле, мерцают звезды, птицы поют. Пока он не пытался даже понять, что это было, только какие-то непередаваемые чувства и несказанная радость — это все, что оставалось в его усталой душе в ту лунную ночь.

Глава 6 Московский дом

— Добрый вечер всем, он и правда добрый, я почти счастлив, — приветствовал Иван всех, кто был в их доме в тот вечер.

— Что-то случилось вдруг, дорогой мой? А ведь с утра ничто не предвещало беды. Птица черная залетела в дом, но я старалась о том не думать

— Помните, матушка, я вам рассказывал о встрече в чистом поле с Пушкиным. Это он мне тогда предсказал перемены в жизни, и любовь, большую любовь. Я многого не понял, но не поверить ему никак не мог, ведь с небес все лучше видно.

Не хочешь ли ты сказать, что та проклятая цыганка из Парижу, она и есть твоя вечная любовь? Не говори этого, пощади свою бедную мать. Я этого не переживу, так и знай.

Никогда не видел Иван, чтобы такая паника вдруг охватила душу матушки, она не позволяла себе быть слабой, и вдруг

— **Вы** очень проницательны, матушка. Ее зовут Полина, Полина Виардо, и я влюблен с первого взгляда, с первой ноты. Сражен раз и навсегда. Я вам называл имя ее, когда понятия не имел, кто она такая. Оно возникло в разговоре на Лунной дорожке, я вам рассказывал.

— Ничего не хочу слышать. Ищи другую Полину, это ошибка, или шутка гения. Эту я никогда не приму. Не смей даже думать. Что я скажу Василию Андреевичу? Никакого Парижа, никакой цыганки быть не может.

— Но только такая любовь сделает меня великим писателем, как вам того хотелось. Как я могу не верить пророку?

— Ты заблуждаешься, она сделает тебя несчастным и лишит матери родной, России лишит. Не смей не то что говорить, даже думать о ней не смей. Я не хочу ничего слышать.

— **О**, матушка, не заставляйте меня делать такой выбор. Я не могу и не хочу выбирать между ней и вами. Это жестоко, это несправедливо.

— Да, кто же тебя будет любить так, как мать родная, не эта же певица с большой дороги, комедиантка и мой сын. За что мне такое?

— Полина полюбит. Да и моей любви на двоих хватит.

Услышав такие речи, Варвара Петровна громко рассмеялась.

— Эта чертова цыганка замужем, если ты не знал или позабыл в пылу страсти. У нее есть муж и дети, дорогой мой.

— Я все знаю, но и это меня не остановит. Неужели вы этого не понимаете?

— Хочешь без средств остаться. Поедешь за ней в Париж, ни копейки не получишь. Так нищим приживалом там и останешься. А долго она тебя без денег терпеть будет? Ты об этом подумай. А я сделаю все, чтобы тебе было лучше, мать тебе зла не пожелает.

— Вы же сами говорили, что я его приемник. Гений наш никогда не был в Париже, да и вообще за границей. Это он меня к Полине и туда уводит.

— Какую отговорку ты нашел. Любовь творит чудеса, как я погляжу, заставляет выкручиваться.

— Мы должны там побывать, я верю, что моя слава оттуда вернется на Родину. И Пушкина я сюда привезу, вот посмотрите.

— Я устала спорить с тобой, пусть нас Василий Андреевич рассудит. Как он скажет, так и будет. Но помни, что ты меня убиваешь.

Иван ожидал все это услышать, но надеялся, что со временем она смягчится, и не станет так реагировать и напоминать о том, что он ее убивает. Но теперь, что-то ему подсказывало, что не будет такого. Были задеты какие-то самые заветные материнские струны, и она такой и останется навсегда.

Но это не значило, что он собирался отступать. Только не в этот раз

Глава 7 Иван в доме у Жуковского

Пребывая в полной расстройстве чувств, и не зная, что делать дальше, Иван отправился к Василию Андреевичу. Ведь матушка же сказала, что все будет так, как он решит. Решит не решит, но с ним нужно было поговорить обязательно.

— Дорогой Василий Андреевич меня к вам отправили. Макушка в ярости ничего слышать не хочет о любви моей вечной.

— Ну хоть так с тобой свижусь. А что случилось? Из-за чего поссорились?

— Рассорились мы с ней из-за Полины и Парижа, — признался Иван.

— Вот оно что, она надеялась на другое. Но не сердись на нее, мне тоже жаль вас отпустить, милый друг. Хотя я понимаю, что так быть должно. Как же удержать голыми руками птицу на взлете?

— Я не смогу жить и писать без любви, без большой любви. Это буду уже не я. А в Полине и музыка, и свет, и любовь и Париж.

— Я поговорю с ней в самое ближайшее время. Хотя это совсем не просто, но деваться некуда. Рано или поздно она все поймет и простит. Но придется подождать немного.

— Только на вас последняя надежда, — тяжело вздохнул Иван.

— Отправляйся со спокойной душой. Ты проживешь долго и больше, чем он написать сможешь, — отвечал Василий Андреевич, разрешив таким образом спор с Варварой Петровной.

Иван взглянул на Перстень, Учитель посмотрел внимательно на него:

— В нем есть странная сила, и гений все время рядом. Даже на расстоянии это чувствую.

— Прости старика, пока я не могу с ним расстаться, но обещаю, что он будет у тебя. А ты поборешь всех демонов в душе, они тебе очень мешают, дорогой мой. Но со временем все меняется.

— Если бы вы знали, как я стараюсь от них уйти и в пьесах, и в прозе. Не всегда получается. Это наваждение какое-то, и так трудно с ним бороться.

— Да, гусар так просто не отступит. Он заколдовал многих. Правда, недолго ему осталось. Он сам себя губит и уничтожает, нам ничего не надо делать, только ждать. Хватило бы времени. Ведь потом еще надо отстроить то, что он успеет разрушить. Так и получается, одни безжалостно рушат, а строить приходится другим.

— Я верю, что тьма не поглотит Его свет, и он мне о том же сказал.

— На место этому придет новый демон, вот в чем беда.

— А кто он, как его узнать? — поинтересовался Иван

— Он пока томится где-то в Сибири, но он вернется. Ты его узнаешь, роман так и будет называться «Бесы». Там и ты будешь героем, увы, но не вздумай останавливаться и отступать, иначе их станет больше, и они победят

— Вот и матушка говорит: Не переставай писать, не убивай от одного критика свой талант. Я ей дал слово, что все пройду достойно. Да и как я могу отступить, ведь у меня такой учитель.

— И правильно говорит. Отступишь, они только рады будут, там ведь все друг другу тайно враждебны. Но ты и один в поле воин, уж поверь мне и не забывай о том.

Иван остановился перед ним и молча смотрел в бескрайнее небо. Ему хотелось, чтобы там появился снова гений, и напомнил о том, что они вместе, что они едины. Потом он понял, что тот не может появляться так часто и простился с Учителем

Глава 8 Варвара Петровна и Елизавета Алексеевна

Они вращались в одном свете, но встречались очень и очень редко, просто потому что бывали на таких больших и шумных мероприятиях не часто, каждая появлялась там, только в особых случаях, когда были какие-то важные дела.

На этот раз так случилось, что они встретились

О, Варвара Петровна, сколько же мы не виделись? — усмехнулась Елизавета Алексеевна

— Долго, голубушка, долго. Да и желания нет куда-то выходить, с тех пор, как вдовой стала. Вы — то привыкли к такому положению, а я все никак не могу.

— Ничего, привыкните, ко всему привыкаешь, когда есть дети, внуки, скучать не приходится. Да и в салоны надо заглядывать хоть иногда, там столько всего интересного.

— Это да, но без Пушкина поэзия умерла, не устану повторять

Елизавета Алексеевна пристально посмотрела на собеседницу.

— Но жизнь продолжается. Нельзя жить прошлым. Появились новые поэты, что же вы все Пушкин да Пушкин. Его нет и никогда больше не будет

Она сказала это напрасно, ее собеседница едва сдерживалась, чтобы не сказать чего-то резкого. И все же она пока сдерживалась.

— Старые все разбежались, а новых я что-то не вижу, у Василия Андреевича спрашивала, он тоже никого не заметил.

— И не мудрено, когда с закрытыми глазами по миру ходить, да за прошлое хвататься, — размышляла Елизавета Алексеевна.

Как дела у вашего внука? Сколько он шуму наделал.

— Служит, пишет. Что еще ему остается?

— Скажу прямо, мне не нравится его влияние на молодых, и с этим я буду бороться, сколько хватит сил. Демоны и тьма не годятся для грядущего

— Вам стихотворения его не нравятся, хотите сказать, что он бездарен? Или это что-то личное?

— Да если бы так, я и не думала бы о нем вовсе. Талантом он не обделен, но это и страшно.

— Тогда оставьте Мишеля в покое, прошу покорнейше, он Пушкина затмит со временем, многие так говорят. И я в это верю.

Варвара Петровна едва сдерживала ярость

— А вот этого не дождетесь. Не верите мне, у Василия Андреевича спросите, не бывать этому.

Он ворчливый и злой старик. И сердит на весь мир. Ему никто не нужен. Вот если бы Пушкин воскрес, а он не воскреснет. А жизнь идет дальше.

— Ему не нужны бунт, тьма и демоны, как и всем нормальным людям. И разве он не прав?

Елизавета Алексеевна отошла в сторону

Не знаю, каковы ваши цели. Но вы видно хотите быть моим личным врагом.

Она говорила не громко, сквозь зубы, но у Варвары Петровны был прекрасный слух,

— А вы моим личным? Редко таких отважных старух встречала. Ну что же, вызов принимается.

— Все говорят о перстне Пушкина. Как только старик передаст его Мишелю, а я о том позабочусь, он станет непобедимым. В нем есть магическая сила, им должен владеть первый поэт. А это мой Мишель.

— Размечталась. Никогда не бывать этому, а я о том позабочусь. И явилась же эта Полина не вовремя. Мне одной придется сражаться с Елизаветой и ее чертовым внуком. Но никакой демон меня не испугает. Своими руками удушу, если что.

Вы не одна, голубушка, — раздался голос рядом

— Вот на это последняя надежда, светлые силы с нами. Но кто это был? — она оглянулась по сторонам, — Никого нет рядом, уж не схожу ли я с ума, от всех бед, на меня свалившихся?

Глава 9 И снова Спасское

Варвара Петровна покинула столицу и поселилась в Спасском, ей здесь уютно и хорошо, но бывает мало гостей, потому она скучает по шумной столице, в которой летом жизнь невыносима. Но ей сообщили о том, что приехал Василий Андреевич, и она торопливо идет навстречу к его карете, не в силах подождать его дома.

— Лучше было бы в городе встретиться, но мне хотелось вас здесь дождаться, поговорить под открытым небом. Простите мои капризы. Я все это время для вас подушку вышивала, и о вас только и думала ну и о последних днях гения, конечно. Как же все в этом мире связано, оказывается.

— Так что же такое случилось, дорогая Варвара Петровна.

— Да случилось вот, такое, что не знаю, как я жива осталась. Только вышивка и отвлекала немного.

— Говорите скорее, не томите, а то, что-то сердце шалит. Дорога дальняя была, кочки да ухабы. А мы моложе не становимся, увы.

— Сначала Иван говорил, что в чистом поле в звездную ночь видел Пушкина, разговаривал с ним. Тот порадовался, сказал, что не было никого дороже, чем вы в его жизни.

— Ах, если бы мне хоть на минутку его увидеть, побыть с ним рядом. Это же такая мука смертная, без него в этом мире оставаться.

— И я радовалась, что гений с нами согласен, и мы поступаем правильно. Тревога возникла только когда он стал бормотать стихотворение «Я вас любил» по нескольку раз на дню.

— И в этом есть какой-то тайный знак?

— Вот я и стала его пытаться тогда со всей страстью и прытью, даже за розги взялась, хотя успела про них позабыть за это время. Но допек он меня, право, допек.

— И что вам Иван поведал?

— Сказал о большой любви и больших переменах в его жизни, что это будет Полина, с которой он и останется до конца дней.

— Ему оттуда видней. Но есть ли какая-то Полина у вас на примете? — поинтересовался Василий Андреевич.

— Среди всех его девиц и чужих жен, вроде нет. Только рано я успокоилась. Николая мне признался, что они ходили на концерт Полины Виардо.

— Это та французенка, о которой весь Петербург говорит?

— Та самая проклятая цыганка. Она украдет моего сына, она увезет его в свой Париж и сделает покорным щенком, за что мне все это? Для этого разве я его растила?

— Вы же помните, как Пушкин всегда мечтал побывать за границей. Неужели это он все устроил, чтобы хотя бы там оказаться вместе с Иваном.

— Я думаю, что он сам решил сбежать от нас с вами, спрятаться и забыть про всё. Может быть мы слишком на него давили?

— Не стоит думать о плохом, вы же сами все твердите, что послушного судьба ведет, а упрямого тащит. Если все так, а Иван не способен лгать, то значит такова его судьба. А нам придется с этим смириться, дорогая Варвара Петровна.

— Я не допущу этого. У нее ничего не выйдет, пусть и не надеется.

— Если бы это было в нашей с вами власти. Пойду пройдуся, может и мне доведется его увидеть и услышать. Не может же он быть так жесток, не может.

— Я не допущу этого, не бывать этому.

Василий Андреевич не даром так любил бывать в имении — только здесь ему дышалось и думалось так легко и свободно, как ни в каком другом месте не бывало. И он тайно надеялся,

что появится перед ним поэт не в шумной гостиной, а в чистом поле, и тогда им удастся увидеться и поговорить обо всем на свете. Ведь нельзя же так долго прятаться от Учителя.

Глава 10 В поле чистом

Помня о том, как Иван встретился с гением на лунной дорожке, Варвара Петровна тоже решила туда отправиться, и сама не поняла, как оказалась в чистом поле, довольно далеко от усадьбы. Теперь она тосковала по сыну и по Пушкину одновременно, потому что умчался он в Париж только его и видели

— Как же далеко теперь Иван, а ведь казалось, что он останется со мной до последних дней. Вот так растишь детей, холишь, лелеешь, явилась какая —то цыганка и след Ванечки моего простыл.

И тогда она услышала голос, который так ждала, и все-таки прозвучал он неожиданно.

Не убивайтесь так, замечательно в Париже. Таким счастливым я никогда и не был прежде. И это все ваш Иван, волшебник. Одна только беда

Варвара Петровна торопливо оглянулась, словно желая поймать того, кто от нее так упорно ускользал.

— Какая же там беда?

— Даже он не сможет перевести на французский мои стихи. И я бы сам не смог, что там говорить, вся их прелесть теряется без возврата.

— Это так трудно?

— Это невозможно. Да и в прозе ведь самое главное — поэзия. А она-то непереводаема. Но там хоть можно понять, о чем они писали, а тут все непереводаемо, непередаваемо.

— Вот это печально. Я о том догадывалась, но не хотелось верить. Поэт навсегда остается в России.

— Я сейчас бы такое написал, если бы смог. Жаль, что это теперь невозможно. Вот и останется лишь то, что успел сделать. Но я все-таки попробую что-то диктовать другу моему любезному Данзасу, он выходит со мной на связь, он слышит и видит.

— Что-то тревожно мне, словно что-то скверное случиться должно. А почитать ваши новые творения, да за все богатства мира.

— Какая вы чуткая, однако, в горах Кавказа убит на дуэли тот, кто нас с вами так тревожил. И об этом вы узнали первой здесь, в средней полосе.

— Не может быть, я так долго и мучительно этого ждала, и все случилось так быстро. Вот это хорошая новость, хотя о покойниках, вероятно так говорить нельзя, но собаке собачья смерть.

— Он лежит под проливным дождем, друзья не смогли его забрать. Он смотрит в бескрайнее небо и не может понять, что произошло. Как же ему хотелось повторить мой путь — вот и получил то, что получил.

— Но ведь после смерти любят еще больше, они становятся безгрешными, делаются мучениками, — наверное, радоваться рано тому, что случилось.

— У вас осталось лет десять, чтобы этого не случилось. Потом будет поздно от него избавляться, увы.

— Это не мало. Я для этого все силы приложу. Пока мы живы, сделаем все, что от нас зависит.

Но голоса больше не было слышно, он растворился где-то вдалеке. Но она все еще смотрела в небо и увидела, как там пролетела комета и поняла, что тень гения ее покинула. Но он был здесь, он был, он говорил с ней и это ли не самое великое счастье

Глава 11 Дом Учителя

Варвара Петровна после ночной беседы с гением не смогла сидеть в Спасском и отправилась к Василию Андреевичу, чтобы поделиться последними новостями.

— А я к вам с печальной вестью, хотя она должна нас обрадовать, — усмехнулась Варвара Петровна.

— Иван вернулся, вы простили его? Вы не простили его и прогнали? Я знаю, что в вашем доме запрещено произносить его имя и имя Полины, Но давно пора сменить гнев на милость, если уж все равно ничего не изменить. Он же ваш сын.

— И более того, мне прислали ее портрет. Он где-то в сарае так и остался. Не хочу ни видеть, ни слышать.

— Вы хотите сказать, что Полины больше нет

— Так если бы, это же радость бы такая была, но пока это невозможно. И доживу ли я до тех дней, сомневаюсь.

— Тогда что же, не томите, а то я половину друзей и знакомых с вами перехороню. И хорошо, что в итоге они живы остаются.

— Вчера на закате была дуэль на Кавказе.

— И вы хотите сказать?

— Именно то, что вы подумали. Передаю дословно, то что слышала сама. **Он** лежит под проливным дождем, друзья не смогли его забрать. Он смотрит в бескрайнее небо и не может понять, что произошло.

— Даже боюсь спросить, откуда вам это известно?

— А ведь накануне на прошлой неделе мы столкнулись с Елизаветой и стали врагами. А как еще могло быть. Она уверяла, что внучек ее бесценный получит от вас перстень и станет первым и единственным поэтом.

— Она была у меня и у императора, пыталась нас убедить, что время ее Мишеля настало.

— Я ее так ненавидела, а сейчас мне ее даже жаль немного. Потерять свое сокровище, это как же жить дальше? Бабушки не должны хоронить внуков, это противоестественно, только и тут бывают исключения.

— Для нее он навсегда любимым внуком останется. И очень тяжело переживать детей и внуков, врагу не пожелаешь. Но если думать не о людях, а о словесности нашей горемычной, то это даже очень хорошо будет.

— Не говорите даже, мне ли этого не знать, когда умер Сережа, думала не переживу этого. А ведь знала, что хворый он был и долго не протянет, но разве с этим можно смириться.

— Значит, у вас есть сердце, смерть даже врага — это страшная трагедия. И как оно все повернется?

— Будем ждать вестей с Кавказа. Но нет сомнения, что все так и было.

Они еще долго говорили о современных поэтах, о том, что может быть и чего быть не может в этом странном мире. Но последняя новость как-то вдохновила и окрылила обоих.

— Жаль, что де Сад так скоро не помрет, — тяжело вздохнула Варвара Петровна

— И вам известно это имя, как, однако быстро в нашем мире разносятся характеристики для некоторых персонажей.

— Да пару страниц писания этого почитайте, и ничего другого в голову не приходит. Они, читатели наши дорогие, порой кажется специально выбирают их худшего самое ужасное и начинают возносить до небес, и получают от этого какое-то особое наслаждение

— Может потом, — размышлял Учитель, — что таких, в ком эта истерика откликается, становится все больше и больше в этом мире?

Имя писателя не было названо, оба помнили, что не стоит звать Лихо, оно и не явится. Хотя это был вовсе не тот случай, явится, еще как явится.

Глава 12 А тем временем в Париже

Париж жил своей многогранной неповторимой жизнью. И в пригороде его. В особняке оставалось семейство Виардо. Иван поселился по соседству так, что они не просто встречались часто, но и работали вместе, иногда спорили о чем-то важном, часто Иван соглашался со своей бесценной Полиной. Но и она тоже старалась на него не давить, понимая, что белый и пушистый он только внешне для тех, кто ничего или почти ничего о нем не знает. Но если дело касается литературы, а уж тем более Пушкина, то все сразу становится иным, и тут с ним спорить бесполезно.

— Что-то пусто и тоскливо, никаких новостей нет из России? И письма где-то задерживаются, а может матушка просто не хочет писать, все злится. А я не могу дожидаться пока все пройдет и ей придется смириться с тем, что у нее все хорошо, и мы не собираемся расставаться даже из-за ее каприза

— Да ничего такого нового, а вот, говорят, что на Кавказе, на дуэли погиб поэт Лермонтов. Это тот самый о котором ты так много говорил?

— Да, тот самый, конечно, второго такого там не было. Как он рвался повторить судьбу Пушкина. Даже дуэль организовал. Словно это самое важное, сплошная имитация, ничего более. Не думаю, что кто-то будет по нему там убиваться.

— Говорят, что в начале ты ему подражал

— Было такое, а потом пытался изгонять всех демонов. Скольких сил мне для этого потребовалось, ты и представить не можешь. Просто я увидел, что такая дорога ведет в тупик, да что там, в пропасть ведет.

— А ты видел его, каков он?

— Самая первая встреча была на балу у княгини Шаховской. Я только со стороны за ним наблюдал. Такой тяжелый взгляд я больше в жизни не встречал. Это какая-то черная туча и мрак.

— О нем все примерно одинаково отзываются. Не должен быть таким поэт, не должен. Но был ли какой-то просвет? Нельзя же все одной краской писать, тем более человек перед нами, а не Демон. Он просто заигрался.

— Была еще одна встреча, он сидел на скамье с двумя известными красавицами, выглядел оживленным, но в его облике все равно сквозило нечто трагическое и «недоброе».

— Но характер, каков он был?

— Высокомерен и желчен — редко у нас такие встречались. Это болезненное состояние души проступает во всех чертах.

— Значит встретились, **но** так и не поговорили?

— Мне не хотелось к нему подойти, не о чем было с ним говорить. Он мне мешал жить, дышать, писать — вот это главное. И не думаю, что соберется там хоть десяток поэтов на его похороны, никого там не будет, кроме близких людей, а это о многом говорит.

— Я верю тебе. Думаю, с его уходом в поэзии будет меньше тьмы и страстей.

— Говорят он хотел перстень получить, чтобы владеть всем миром, но слава богу Василий Андреевич еще жив, а гусару он больше и не нужен теперь. Кольцо власти и вдохновения не должно оказаться в руках демона и темных сил. Это будет крахом для всех, и можем ли мы себе такое позволить?

Как только Иван замолчал, они услышали какой —то свист, а потом негромкий смех. Переглянулись и отправились переодеваться на ужин больше о погибшем поэте не говорили

Жизнь продолжалась и оба почувствовали, насколько легче стало дышать и творить. Такое случается, когда черные силы отступают.

Глава 13 Еще одна встреча

Вести с Кавказа шли значительно дольше, чем послания с небес, и Варвара Петровна ждала и гадала, так ли все будет в реальности, как ей было сказано на таинственной встрече в чистом поле

Когда на пороге появился Василий Андреевич, она поняла, что теперь ей суждено было это узнать, и она не ошиблась

— Я обещал вам поведать обо всем, так и есть как вы говорили все слово в слово, так и сбылось, словно вы в ту ночь сами на Кавказе побывали.

— Я бы больше удивилась, если бы что-то было не так. Но император, что император об этом всем думает?

— Я давно не видел его в такой ярости. Только от той дуэли отошли, и уже новая, да еще после всех скандалов с гусаром. И только императрица пытается гусара защитить, она мечтала о придворном поэте. А вот здесь он отказался имитировать Гения. Заявил, что никогда никому не станет служить, за что жизнью и поплатился.

— Не мог он иначе, имитатор настоящий, все как у Пушкина. Лучше погибнуть, чем жить и в творчестве с поэтом состязаться.

— Только любовь не купишь, если вместо сердца черная дыра, и мрак вместо света кругом.

— Неужели и у Ивана так будет. Ведь в мире нет ничего нового, все повторяется.

— Не будет, у него хранитель вон какой. Он не позволит ему на кривую дорожку свернуть и требовать покоя от бури.

— Но у него и в поэмах, и в пьесах столько темного. Гусар ушел, а влияние его остается.

— Пушкин нас спасет, я передам Ивану рукописи «Повестей Белкина». Столько света и тепла нет в других его творениях, вот и пусть читает и вникает. Он поймет, как писать надо, от чего отталкиваться и идти дальше. Рукописи — такая чудесная штука, что они учат без всякого нашего вмешательства, словно одна рука другую пожимает. И начинаешь все сам понимать и беседовать с поэтом за письменным столом. Мне уже вряд ли к творчеству своему вернуться, а ему в самый раз будет.

— Как же я вам благодарна за сына, вы и не представляете.

— Да разве я вам в чем отказать могу? И ведь это для нашего общего дела, для того, чтобы костер его творчества не угас. Возвращать значительно дольше придется, чем казалось сначала, нашего с вами века на то не хватит — это точно, а вот Иван — другое дело.

— Запомнила что-то, а как там бабушка поживает?

— Совсем плоха она, даже ко мне бросалась в ноги и все с одной просьбой — перевезти тело Мишеля сюда и перезахоронить в ее Тарханах, куда она и удалилась, велела все иконы из дома вынести. Никогда прежде я ее такой не видел. Сердце разрывается, на нее глядя.

— Бедняжка Елизавета Алексеевна. Разве они о нас думают, когда на дуэли свои отправляются.

Но слова о жалости снова сменились торжеством, ведь она победила, все стало так как ей хотелось, как ей предсказывалось, как она сама того желала. И это придавало Варваре Петровне новых сил, у нее словно крылья появились за спиной.

Глава 14 Император и Василий Андреевич

Как редко я вас вижу, дорогой Василий Андреевич, А мне нужен ваш совет, — услышал Учитель голос императора, как только там появится.

— В имении я был, воздухом свежим дышал. С душами ушедших там проще беседовать, чем в шумных столицах.

Император немного удивленно на него взглянул

— А мне вот о живых приходится думать, а не о мертвых. Мы ведь с вами вместе столько всего пережили.

— Я с вами всегда был и останусь, Ваше величество,

— Вот и хотелось узнать, что делать с новым бунтарем?

— . Так убит он, что же тут делать?

— Елизавета Алексеевна прощениями меня замучила. Требуется, чтобы вернули его назад и перезахоронили в Тарханах. Я уж не знаю, куда от нее деваться прикажете.

— Мне говорили, как она страдает, И я бы уважил ее просьбу, ведь для нас он чудовище, а для нее внук родной.

— Мне не хочется, чтобы даже тело его тут было. Спокойнее, пока оно далеко, но она ведь все равно не остановится. И нет уже никаких слов, чтобы убедить ее в обратном.

— И я не видел, чтобы кто-то так страдал, хотя большой любви к господину Лермонтову не испытывал. Но бояться бунта не надо, он был одиночкой. Никого за ним не стоит. Никто не пойдет к вам его спасать, кроме бабушки родной. С такими не дружат, а если их кто-то и любит, то старается держать это в тайне.

— Вам придется следить за тем, как там все будет происходить. И если что, то меры будут приняты незамедлительно.

— Да ничего не будет на этой раз. У него не было друзей и последователей. Вряд ли кто-то захочет повторить его путь. Имитировать имитатора — это уже перебор.

Вы хотели сказать, что это не Пушкин- усмехнулся император, вспомнив как они дали клятву с императрицей вместе не произносить имени поэта во дворце, когда спасали от смертной казни полковника Данзаса.

— Примерно так и хотел сказать, уклончиво ответил Учитель

— Успокоили, пусть они отправляются на Кавказ. Мы никогда не мстили мертвецам,

Так и было принято решение о том, что тело мятежного гусара перевезли домой и похоронили в фамильном склепе имения в Тарханах

Глава 15 Учитель и Варвара Петровна

— Отправил Ивану бесценный подарок. Никому бы рукописи не отдал. Но Иван должен ими владеть, — сообщи Учитель, как только встретился с Варварой Петровной.

— Как же вы великодушны, а меня он только разочаровывает.

— И что же теперь случилось, почтенная Варвара Петровна?

— Да читала я и письма его редкие и «Записки охотника» Мне казалось, что после второй дуэли он возьмется за ум. Но каким был наш Ванечка, таким и остался. И воспитывала я его, и спуску не давала, но мало чем от гусара отличается, вот только на Вас последняя надежда.

— Но что же там крамольного. Я отстал от всего с ним происходящего. Вы уж поведайте, а мы вместе решим, что да как делать дальше.

— Не может он о холопах не писать, да с такой любовью, порой с таким восторгом. Но зачем все это, если только меня не позлить. Ведь когда-то я забрала рукопись, чуть не сожгла ее в ярости, Николай выкрал из комнаты, ему вернул, думала он опомнится, да где там, опомнился, рассказов все больше, и каждый из них для меня так страшную угрозу таит.

— Да не мучайтесь так. Они тоже люди. Я слышал, что Иван им читал Пушкина, что они его лучше понимают и чувствуют, чем многие из нас. Вот ведь в чем-беда-то наша. Не может он себя отделить от людей, которые рядом живут, часто с ним пересекаются. Наверное, это не так и плохо. Мы с вами помним двадцать пятый год, потому у страха глаза велики, а для них это что-то страшно далекое и не очень понятное

— Гусара захоронят и забудут и за него возьмутся. У того никаких Хорей и Калинычей сроду не было. Максим Максимович холопом тоже не был, так и то, как он к нем по-свински относился.

— Давайте надеяться на лучшее. Не будем притягивать дурные мысли и сны, и всякие прочие беды.

— Он был робок еще недавно, и это меня злило. Но за робостью, какая сила, какое упрямство кроется. И это злит еще больше, — призналась Варвара Петровна.

Но все-таки после разговора с учителем ей стало немного легче, он умел ее успокоить и убедить в том, что не все так страшно, как ей могло показаться.

Глава 16 Рукописи Пушкина

Петербург 1850. Прошла тринадцать лет со дня гибели Пушкина. Надвигались самые главные события для каждого из героев. Хотя в тот вполне мирный под еще никто не мог знать, какие потрясения их ждут через пару лет.

Варвара Петровна вспомнила, что им оставалось 14 лет на все про все, как пророчил гений при первой встрече, и это ее странно взволновало. Но тогда Ивану об этой дате она не сказала, и он был спокоен.

Вот и на этот раз Иван бережно склонился над рукописями и с трепетом листал страницы. Ему хотелось постигнуть их суть, понять что же там происходит, как все может измениться в его творчестве после его прикосновения к этим листам.

— Какие рисунки на полях, какой полет почерка.

— Вот эти художества мне и самому больше нравились, они вдохновляли и подсказывали, как все должно быть в тексте, — услышал он до боли родной голос и невольно вздрогнул.

— А мне карикатуры больше нравятся. Они помогают образ создать.

— Хотелось мне что-то еще в повестях написать, но откладывал, все казалось слишком просто. Драмы, поэмы, сказки, а вот повести так и остались недописанными.

В тот момент в комнате появилась Полина и удивлённо оглянулась вокруг

— Пришло письмо из дома, но почерк незнакомый

— Это Варя писала. Странно, она обычно только дописывает что-то в конце, в письмах матушки.

— Что-то случилось? Ну что же ты молчишь?

— Варя пишет, что домой надо возвращаться, матушка совсем плоха, могу и не успеть. Интересно, это каприз или она на самом деле слегла? Она так часто звала меня назад, что не всегда я мог ей верить.

— Надо ехать. А вдруг самое страшное случится, как потом жить? Ты же не себя ни меня не простишь.

— Не могу я так просто все бросить и туда рваться только потому что ей меня увидеть хочется. Коварству ее порой нет конца и края. Я и правда не знаю, что думать.

— О, Иван, меня и так по всем винят, а если.

— Не дави на меня, ангел мой. От ее власти никак отвыкнуть не могу

— Я не стану давить, не бойся. Да и как я могу с великим писателем ссориться? Нет, нет решай все сам, как скажешь, так и будет.

— Прости, письмо Вари выбило меня из колеи. Если бы я мог с Николаем поговорить. Узнать, что и как там творится, он никогда врать не станет.

— **Она** умерла. Мне не хотелось тебе среди ночи о том говорить. Но нынче это случилось, — услышал он голос гения

— Значит, надо в Москву отправляться. Тут не так далеко к похоронам успею поди, хотя, как же этого не хочется. Но порой мы не вольны в своих делах и стремлениях. Там о наследстве начнется дело и у нас с тобой будет денег больше, чем требуется. Я не хотел даже думать о том, да что теперь —то, если она умерла.

Глава 17 Василий Андреевич и Варя

Это случилось, Московский дом был погружен в траур, после мук и немалых страданий, Варвара Петровна покинула этот мир. В последний момент появился Николай, и она должна была его простить, Ивана она так и не дождалась, хотя и чувствовала, что он едет к ней, что он близко, но как-то устала она от многолетних ожиданий, и поняла, что лучше вот так уйти, пока он еще в дороге. Пусть он запомнит ее живой.

В тот момент в доме были кроме слуг Варя и Василий Андреевич, он велел послать за ним, если случится непоправимое.

— Дорогой Василий Андреевич, вы на несколько часов опоздали.

— Как это случилось?

— **Мы** с Николя были в гостиной, я удивилась, что в ее комнате так тихо. А когда вошла, поняла, что все кончилось.

— Отмучилась. Теперь я остался совсем один. Не с кем поговорить о Пушкине и об Иване.

— Но вы нужны Ивану, он вами живет и дышит.

Василий Андреевич подошел к кровати и стал всматриваться в странно переменившееся лицо Варвары Петровны

— Вот и вы ушли, Варвара Петровна, вот и нам с вами расставаться пора. Но вы же нас и там не оставите? Поэтому я не прощаюсь.

Он вышел в гостиную. Сколько раз ему приходилось смотреть в лицо смерти самой, и с каждым разом делать это было все труднее. Особенно сейчас, когда все его ровесники уходили по одному, и оставляли его с молодыми да дерзкими. Он всегда ладил с ними, но оставаться очень тяжело, порой почти невыносимо. И в тот полдень он понял это особенно хорошо.

В гостиной вместе с Варей был Николай

— Словно вчера стоял в библиотеке Пушкина. Неужели дюжина лет пролетела? Время несется все быстрее к старости. О, как же он мучился. И от полного бессилия оставалось только разрыдаться. А люди все шли и шли к дому, и под окнами стояли. А какой был лютый холод в том феврале.

В комнату вошел доктор Берс. Он уже был тут, и снова вернулся, чтобы побыть вместе с Варей.

— Что вы думаете, будем ждать Ивана или хоронить надо? — обратился он к Василию Андреевичу.

— Нет, нет, хоронить. Он не приедет так быстро, он далеко.

— Какой упрямый ваш ученик. Даже Варе не поверил, а мне казалось, что ей он во всем доверяет. А ведь он с ней с самого ее рождения был, сам воспитывал и все всем доверял.

— Да и я не думал, что она нас так быстро покинет, как же можно было знать такое. Борец была, настоящий борец. Но как-то в последнее время силы ее оставили. Пропала воля к жизни.

Варя готовила ужин и уговорила их побыть с ней.

Как только тело Варвары Петровны обрядили и отнесли в часовню, все немного успокоилось. Она стала привыкать жить без матушки и упорно ждала Ивана, потому что без него все было не то и не так.

Глава 18 Возвращение домой

Иван не успел на похороны, по дороге из Петербурга в Москву что-то его все время удерживало, и трудно было понять, почему все так случилось, то ли он упорно не хотел ее хоронить, то ли это были обстоятельства, над которыми он был не властен.

Когда же он переступил порог дома на Остроженке, там его ждал Николай, и Василий Андреевич

— Сколько лет прошло. Каждую ночь наше Спасское снилось, но все никак вернуться не мог.

— Во всех газетах о смерти Гоголя пишут, -услышал он голос Николая.

— **И** он меня покинул, беда одна никогда не ходит. Кому же еще некролог написать, только мне. Вряд ли кто-то отважится, все понимают, что там, где Гоголь, там и Пушкин рядом. А это смертельно опасно для нас всех.

— В Петербурге печатать отказались. Мне вроде и бояться уже нечего. Но вежливо так отказали. И намекнули, что не надо этого делать.

— Значит будем брать Москву, где наша не пропадала? Я понимаю только одно —нельзя молчать. Это самое малое, что мы для него можем сделать.

— И все-таки не стоит цензоров дразнить, ты мало жил в России. А тут так много перемен и не слишком приятных случилось, — предупредил Учитель,

— Но я не могу, как они промолчать, так мы долго молчали, а о Пушкине почти забыли, но нельзя затапывать их могилы, забывать имена и то, что они сделали для нас. Если больше некому, значит настал мой час.

— Мне бы хотелось тебя остановить. Но они с небес на меня взирают и не дают этого сделать.

— Вот и замечательно, когда за ними такая сила, то ничего не страшно.

— Как я останавливал его, когда мы писали Руслана и Людмилу, он меня послушался, и остались от славянских сказок только 14 строчек, а все остальное —мифы севера. Но он был слишком юным. А ты уже не мальчик, а муж.

— За нами правда, и нечего бояться. Сибирь, так Сибирь\

Тень мечется по дому. Они оба вглядываются. Пронзительно закричал рыжик кот, за окном взвыл пес. Но Иван дописывает некролог.

— Вот послушайте, ну что здесь такого крамольного: *«Гоголь умер! Какая русская душа не содрогнется при этих двух словах?.. Да, он умер, этот человек, которого мы теперь имеем право, горькое право, данное нам смертью, назвать великим»*.

— Могу предположить, что они поставят в вину «он называет великим писателя, который смеялся над порядками империи. Тургенев проявил «неуместный восторг» по поводу писателя, чей талант был направлен на осмеяние государственных устоев. — запиши дословно, потом сверишь их вердикт, с тем, что я говорил, не думаю, что будут большие различия в формулировках

— И все-таки это невероятно и невыносимо слышать.

А не я ли был учителем императорских детей. Вот и научил на свою голову.

Глава 19 Арест В Москве

Василий Андреевич угадал все до деталей, кажется жандармы появились в доме через несколько часов и настроены они были решительно

— Вот предписание Государя Императора об аресте. Вы не должны покидать дом до особого распоряжения, заявил жандарм, вваливаясь в комнату, где были Иван и Николай

— А изволите узнать, что я натворил, кого убил или ограбил? За что меня арестовывают? — стал спрашивать Иван, для него это не стало неожиданностью

— Не надо с ними так разговаривать, братец. Василий Андреевич тебе обо всем сказал заранее.

— А как мне с ними разговаривать? За что они меня арестовывают, может ты подскажешь?

— За Гоголя, статья не успела появиться, а ты уже под арестом. Цензор Львов, ее пропустивший, уволен вовсе. Власть не дремлет, — читал постановление Николай.

— Так вот как их пугает писательское слово. Ну что же, мне это даже забавным кажется. Я ощущаю себя героем и арестантом.

— Тут мало забавного, надо Василию Андреевичу обо всем сказать.

Он удалился вместе с жандармом. Иван остался в доме один

— Так вот о чем меня предупреждал наш Учитель. Наверное, я и правда от жизни сильно отстал.

Тогда он и услышал голос Пушкина

— Ничего нового нет у нас в России. Но я бы тоже написал реквием, если бы смог. Он был таким славным, забавным, и как он мог им помещать?

— И что дальше, в Сибирь сошлют?

— Это вряд ли, ты успел стать знаменитым писателем в Европе, а они не захотят портить отношение и выдавать тьму, в которую погружены многие годы. Император наш беспокоится о том, что его братья немцы да французы скажут.

— Значит Спасское. Я бы и сам с великой радостью туда отправился, хоть завтра. Но теперь надо сидеть и ждать величайшего позволения,

— А они меня тогда спасли от восстания. Может и нас теперь уберегут от чего более страшного. Арест бывает полезен и для вдохновения, и для жизни.

В это время вернулся жандарм

— Проследуйте в полицейский участок, ночевать вам там придется, таково новое распоряжение.

Иван поспешно собирался и следует за ним

Надо будет изучить все заведения, никогда прежде я там не был, но делать нечего, придется побывать, — размышлял Иван.

Он понимал, что его жизнь резко изменилась и вероятно надолго

Глава 20 Камера полицейского участка

Он запоминал детали, которые его окружали, словно собирался уже теперь писать рассказ об арестанте. Кровать, стол, два стула. В сопровождении жандарма вошел Николай. Сначала он думал, что того тоже арестовали, но потом понял, что брат пришел на свидание

— Не так просто было до тебя добраться. Они меня обыскали, чтобы я не захватил чего-то запретного. Но это, а какой-то мере даже забавно.

— А что Василий Андреевич?

— Не удивился даже, он словно знал, да когда столько при дворе провел, то все прекрасно известно

— И что же мне тут делать

— Писать. Желательно что-то простое и ясное, о любви, о природе и разных внезапных поворотах в судьбе героя. Вспомни «Повести Белкина». Ты должен написать свои повести и подтвердить, что ты все усвоил и достоин нашего гения.

— О любви говоришь, о природе, напишу — ка я ту историю, которая нас так потрясла с Варей, о погубленной собаке

— Ты снова за свое, хочешь здесь всю жизнь провести. Вспомни Пушкина, он так не упрямылся, и умел и в Болдино, и в Михайловском время с пользой проводить. А там глядишь, все и образуется.

— Хотела матушка, чтобы я писателем стал, вот и стану, тут больше все равно делать нечего. Но уж эта история будет первой.

Николай попросился, он все передал брату, что требовалось, и мог бы облегченно вздохнуть, но не спокойно было на душе у него.

— Какой он упрямый, кажется мягким и пушистым, но если прижать немного, так прям мраморным становится, Пиши, но спрячь хорошенько, чтобы не пропал твой скорбный труд, дум высокое стремление.

— Придет желанная пора, оковы тяжкие падут, темницы рухнут, и свобода нас примет ласково у входа. Только его стихами и придется утешаться.

Снова появился жандарм с новым предписанием

— Его Величество лично повелел вас отправляться в Спасское и жить там до особого повеления. Усадьбу не покидать, а столицах не появляться. Только в пределах Орловщины можно передвинуться

— Император каким был таким и остался, ничего не изменилось

Иван собирается в дорогу. И здесь учитель был прав, все закончилось так, как он о том и говорил. Ну что же, до Парижа было так далеко, и не один год пройдет прежде, чем он туда сможет добраться.

Глава 21 Здравствуй, Спасское

Иван отправлялся в ссылку по знакомой с рождения дороге. И все было так странно, и так забавно и так печально, что он не ведал, как ему быть и что делать дальше.

Когда же показался барский дом, то он прогнал все мысли дурные и внушил себе, что он просто вернулся домой.

Там все было как прежде, родные лица слуг верных — они все еще живы, Варя на высоком крыльце дома, и только жандарм нарушал всю эту гармоничные картину, когда вторгся в их владения.

— Его Величество лично повелел вас отправляться в Спасское и жить там до особого повеления. Усадьбу не покидать, а столицах не появляться

— Император каким был таким и остался, ничего не изменилось. Ну ссылка так ссылка, нам не привыкать, — снова услышал Иван голос гения, и говорил тот про императора.

— А вот мы и дома, не по собственной воле, но все-таки дома. Поселюсь я во флигеле, — повернулся он к жандарму и Варе, — ссылка так ссылка, а когда освободят, тогда и в родовой дом переселюсь.

Она так решил и возражать было бесполезно

— Я все приготовила, Ванечка. Вам тут будет уютно и надеюсь работаться будет легко. Как матушка говорила мол, не было счастья, да несчастье помогло. Вы дома, и я на седьмом небе от счастья из-за этого.

— Голубушка моя, не стоит так рисковать из-за меня и, из-за Гоголя, не хочу, чтобы жандармы и к вам пожаловали

— Ну о чем вы, это же наше имение, и почему бы мне здесь не бывать когда вздумается, у кого я должна разрешение спрашивать, чтобы домой вернуться? — усмехнулась Варя, повернувшись к жандарму.

— Смотрю на вас с Николая, и кажется, что это матушка со мной рядом стоит.

Там уже стоял письменный стол. Жандарм заглянул во внутрь и откланялся, ему хотелось поскорее покинуть это место.

Иван тут же повешал маску Пушкина над столом. Где бы он не был, все примерно так и было. И она неизменно появлялась на стене над столом.

Варя стояла молча и задумчиво смотрела на маску

— А мне кажется, что и он здесь, не знаю, как объяснить, но я чувствую, что он с нами. А что будет, когда перстень появится?

— Если бы вы знали, как я жду этого часа.

Варя отвернулась от маски, стала листать рукописи на столе, рассматривать рисунки на страницах.

— Это настоящее сокровище. Спрячьте хорошенько, когда они придут со своими проверками. Наверняка они охотятся за Пушкиным, а вы просто как его хранитель будете во всем виноваты.

— Вот и я не устаю повторять, какое это сокровище. А стихотворение «Я вас любил» давно стало заговором и заклинанием.

— Пока я тут порядок наводила, к нам заглянул сосед наш Афанасий Афанасьевич Фет. Вы наверняка о нем много слышали. Он такой забавный. Как узнал, что вы тут будете, обещал непременно заглянуть и во всем помогать, опыт у него в таких делах не малый.

— А вы объяснили ему, что я не просто так тут домой приехал, что у него из-за меня могут быть неприятности. Не многие решатся на этот раз тут побывать.

— Ну конечно объяснила, и про Гоголя он знает. Но он столько пережил в юности, что вряд ли его такое недоразумение остановит. Впрочем, я все передала, что он просил, а там разбирайтесь сами.

— Тогда ладно, все не так скучно будет. «Я вас любил так искренне, так нежно, как дай вам бог любимой быть другим»

Иван стал повторять на разные лады, прислушиваться, ему показалось, что кто-то вместе с ним повторяет эти строки. Это открытие не испугало, а только взволновало его, а потом позабавило немного. На два голоса стихотворение звучало громче и увереннее. На закате он отправился на старое кладбище

— Простите, матушка, все произошло так быстро, что я не успел на могиле вашей побывать. Но говорят, что и здесь можно душу вашу встретить. Дальше меня пока не пустят. Донской монастырь недоступен.

Он прислушался к шуму ветра и пению птиц, но ничего не слышит, ни шорохов, ни пения птиц. В один миг все стихло

— Там вместо меня братец побывает, я просил его о том, Василий Андреевич тоже свободен, а я пока узник в Спасском, но ни о чем не жалею. Не будут же они меня вечно держать тут. Успею у вас еще побывать.

Он прислушался, показалось, что ветерок коснулся его щеки и запела птичка рядом где-то. Природа встрепенулась, жизнь ожила снова и на фоне вечности все стало совсем другим. Необычным и новым.

Часть 2 Любовь и Свобода

Глава 1 Тень в старинном зеркале

Вечер, горят свечи, в комнате Иван. Он разбирает бумаги и старые письма. Тень в старинном зеркале, появляется перед ним. Он не сразу ее замечает, приглядывается и наконец видит все яснее и отчетливее.

— Это она, шепчет он

Помолчав недолго, повторяет

— Это она, несомненно

— Ну, здравствуй, сынок мой любимый. Думал, что мы больше не встретимся? Жива я или померла, как же я могла тебя оставить одного в этом мире, не бывать этому.

— Как же я долго тут не был. Да и теперь, если бы не ссылка, скорее всего не появился бы. А теперь деваться некуда.

— Я умерла, но ни там, ни здесь, я тебя не оставляла, сынок. А теперь мы и вовсе в нашем Спасском побудем вместе. Сюда мало кто доберется. Никто не нарушит твой покой.

— Не о таком я мечтал, семейная жизнь, монастыри, лечебницы — все едино. Есть только творчество. А тут еще и призраки

— . Я слышала, что ты там, в участке, рассказ написал про Андрей Немого и его собаку.

— Написал, а чем еще мне было там заняться? В участке мне так хотелось чувствовать себя свободным. А свободу дает только перо и лист бумаги, Николая мне все принес, вот и осталось только писать.

— И без меня не обошлось, в том рассказе, но я убедилась, что ты меня совсем не знаешь, разве такой страшной я была?

— А я думал она не увидит эту рукопись, но от матушки ничего не скроешь. Хотя сколько можно прятаться? — размышлял Иван.

— Я тебе всегда говорила, что смерти нет. Что мы возвращаемся на землю, пока нас помнят и любят или ненавидят, как ты. Но чувства и память заставляют возвращаться

— Да не было никакой ненависти, просто тяжело мне было с вами рядом, очень тяжело.

— Зато теперь я знаю, как ты на самом деле ко мне относился,

— И в чем я был не прав?

— . Да хотя бы в том, что никуда Андрей не ушел, он со мной оставался до последнего моего дня, в отличие от сына любимого.

— Но ведь нельзя так издеваться над людьми, лишать их самого дорогого и свободы, даже если они ваши крепостные.

— Волю дать предлагаешь? А кто о них заботиться будет, что они на той воле делать станут? Посмотрю я как ты их всех освободишь, а главное, что из этого потом выйдет. Многому тебя Париж твой научил, только годится ли это для нашей России-матушки?

— Наверное, я не о нем, а о себе писал. И только после вашего ухода я стал убивать в себе раба, очень медленно, шаг за шагом.

— Тебя ведь и на похоронах не было, умудрился не успеть, задержался где-то. А я тебя ждала, до последней минуты ждала, потом поняла, что все напрасно, не дожидаться. Герасим ушел от своей барыни и решил не возвращаться.

— И голос я обрел позднее, и дышать и писать стал свободнее.

— Хорошо. я уйду и больше не стану терзать тебя своей любовью и заботой. Но пообещай мне только одно.

— Что я пообещать должен?

— Сначала слово дай, а потом прощаемся. — упрямылась Варвара Петровна.

— А если я не смогу его исполнить?

— Сможешь, это не так страшно, как кажется, я не стану от тебя каких- то страшных жертв требовать.

— Хорошо, я обещаю, у меня все равно нет выбора.

— Все верно, сынок, у тебя нет выбора. Ну коли дал слово — ты от него не откажешься.

Таким оказался этот разговор за гранью бытия, матушка всегда умела потребовать то, что считала важным, добиться того, чего она хотела.

Глава 2 Письма матери

Иван был все в той же комнате. Перед ним ларец с письмами, и голос из зазеркалья

— Прочти эти письма. Когда человек уходит, то звучат они иначе. Может ты хоть что-то сможешь понять? Это последняя попытка поговорить с тобой, они писались в разное время, а потому это не вспышка любви или ненависти, в них вся моя жизнь и любовь к тебе. Как еще я могла поговорить с тобой, когда тебя все время не было дома.

Иван склонился над письмами, читает.

Ради бога, Иван, не скучай на чужбине. Вообрази, что это твоя служба. Не служат ли на Кавказе, не стоят ли полки армейские в глуши в Малороссии. Ты бы мог быть сын бедной дворянки, служить в армии и жить в курной избе около Киева... А ты осыпан милостями божьими, и не чувствовать это, не благодарить Бога и родителей... грех. — А ну же ты у меня руки отымаешь сими словами, а между тем всё-таки просишь денег 4.09. 1838 года

— Как же давно это было. Скука и тоска моя была страшной, особенно в первое время, мне все время хотелось домой в Спасское, и только вы меня утешали, как могли, друг мой, матушка. Только это и помогло мне там удержаться, закончить курс в немецком университете. Так, а что в этом письме будет такого?

Мой голубчик, моя Александровская колонна, мой безотчётный аккуратник. Денежки истратил, вот вам и сказ, а вы знайте, да вновь присылайте... Папаша бы не послал тебе денег, не получив в прежних отчёту. Надеюсь, что в будущем году из своего приходцу будешь жалеть расходничать. До нового году деньги посланы, да и с лиишечком, — более не требуй. 2 ноября 1838

И это правда, тогда я совсем не умел распоряжаться деньгами и снова приходилось к матушке обращаться. Она ворчала, но присылала. Знал, что все равно пришлет и не особо озабочен был.

Иван (читает)

В твоём письме какая-то грусть, или смерть Тютчевой причиной, или предчувствия... Ты пишешь, что будешь рассказывать, сидя за круглым столом в моём кабинете!.. Увы! Ни круглого стола, ни самого кабинета уже не существует. А кто знает, буду ли я существовать? — Ну!.. что же, я дожидаясь знать, что у меня хорошие дети. И уверена, что они вздохнут глубоко, вспомнив обо мне, и скажут: «Славная была старуха, брат»

Это о том самом жутком кораблекрушении, страшнее и не придумать ничего в моей жизни. Тогда я страшно испугался, и мне хотелось спастись и вернуться домой. Хорошо, что матушка моего малодушия не видела и не знала

Иван достал из ларца и читает очередное письмо

Знаешь ли ты?.. Знаешь ли ты?.. Как я тебя люблю. О!.. Ежели бы мог ты видеть моё сердце, моё бедное сердце... «Для твоего счастья, для твоего спокойствия живёт с тобою в разлуке сын твой». — Но!.. мой милый Иван, ты это писал, не думая, доживёт ли бедная мать. Мне иногда кажется, что всё мечта, что я никогда не имела мужа Сергея Николаевича, что это был сон, который исчез прежде, нежели я им насладилась. Мне иногда кажется, что я выдумала, что у меня сын Иван, которого страстно люблю. 8 декабря 1840

— Кажется, я не читал этого письма тогда или успел позабыть, выбросил его из памяти, неблагодарный сын. Это правда, мне стыдно и мучительно больно. Может быть прав был ее Андрей, а не мой Герасим. Матушка точно была права, она меня выдумала. А это августа 43 Что же там было, и не вспомнить даже (читает)

Мой милый Иван.

Я бы отдала половину моей жизни, чтобы ты мог жить со мною, чтобы я могла жить беспечно, не моё бы дело хлопотать, особенно при слабом моём здоровье. Одно, что меня утешает, это мысль, что я считаю за долг, за обязанность сохранить благосостояние моим детям, как пеклась о их воспитанье и ничего не желала

— Я никогда не задумывался о вашем слабом здоровье, матушка. Мне всегда казалось, что вы не можете болеть, что болезни обходят вас стороной, наверное, мне проще было так думать и легче жить, считая, что это только капризы и желание управлять мной. 7 июля 43 это письмо я помню хорошо. она написала о моей поэме, хорошо написала

Итак, твоя «Параши», твой рассказ, твоя поэма — «пахнет земляникою». Есть картины, которые бы можно было нарисовать из «Параши». Например, два лета — итальянское и русское. Ежели бы я была богата, очень богата, я бы заказала эти две картины Брюллова

*Не верите вы в русскую словесность —
И я не верю тоже, хоть у нас
Весьма легко приобрести известность...
Российские стихи, российский квас
Одну и ту же участь разделяют:*

В порядочных домах их не читают

— Я был счастлив и польщен тогда, может быть в первый раз, и перечитывал это письмо снова и снова. Настоящее признание, хотя она знала, как я отношусь к мазне Брюллова. 15 февраля 44 Это последнее, читать больше не хочу и не могу

Позволь мне прижать тебя к сердцу, пока ещё дышу. Я не умею на тебя гневаться. Могу любить — люблю и буду любить до конца жизни. Прости меня, ежели я тебя чем огорчила, что очень может быть, я горяча, но! и сердцем моим к тебе горяча же. Твой верный друг и мать

Ну вот и все закончилась моя страшна пытка, я исполнил то, что ей обещал. И пусть в нее бросит камень тот, кто не был ее сыном. А мне надо было все это пройти в Спасском, в заточении, чтобы хоть что-то понять, научиться ценить то, что у меня было, и чего больше нет. Человек становится по-настоящему взрослым, когда он теряет своих родителей.

Глава 3 Фета пожаловал

Как и обещал Варваре, Фет появился очень быстро, чуть ли не на следующий день, когда Иван сидел за работой. Ему страсть как не терпелось узнать, что же случилось, и почему великий писатель оказался в такой опале.

— Приветствую узника, хоть расскажите, что же такое случилось, дорогой Иван Сергеевич.

— Обычное дело, впал в немилость государя, а тут еще наш Гоголь не вовремя скончался, вот все к одному. Но не стану на покойника грешить, это был только предлог. А вот публикация «Записок охотника» — это настоящее преступление.

— Неужели «Записки охотника» главная ваша беда. То ли дело мои стишки про шепот, робкое дыхание, трели соловья. Они там даже и глаголов —то найдут, а нет глаголов, нет и дела. Живу по соседству, но свободен, чего и вам желаю.

Фет пристально взглянул на маску Пушкина, рассматривает то с одной, то с другой стороны. Хотел что-то сказать, но никак не мог от нее отойти на какое-то расстояние. Она словно бы преследует и притягивает его к себе. Магия, да и только.

Видя все это, и радуясь, что маска приняла его за своего, Иван заговорил первым:

— Все верно, за мной еще шлейф от его тени тянется, а вы же знаете, как он был страшен и до сих пор пугает всех. Надо и нам жить так, чтобы и тени нашей жандармы да цензоры боялись

— Мистика, да и только, мне показалось, что он подмигнул, усмехнулся. Что это?

— То, что кажется порой совсем не кажется, я вас уверяю. Вот мне и вовсе сон был, будто Пушкин передает мне кольцо и говорит: **«Теперь твоя очередь хранить наш язык»**. Талисман — не просто украшение, а «проводник поэтической энергии. думаю, вы меня понимаете.

— Хорошо, что в свою усадьбу и отправили. То, что матушки вашей не удалось, — удержать вас в России, жандармы доделали за нее, и император помог, без него ничего бы не было вовсе.

— Своя —то своя усадьба, но странно тут узником оставаться, жандармов ждать, слушать их глупые речи, а они такие важные, напыщенные.

— А мы по очереди им будем стихотворения Пушкина читать, вот и пусть просвещаются, должна же какая-то польза быть от всего этого. Выбираем стихотворения и просвещаем наших тюремщиков, с вашим —то артистизмом.

— Мне нравится ваша легкость и веселость, но не навредить бы и вам.

— А вот о том не волнуйтесь даже, я и не такое переживал. Уж скучно точно не будет.

Варя сама накрыла на стол, и они садятся ужинать. И в тот момент так уютно, так хорошо было на душе, словно бы весь мир переменился, и покой усадьбы наполнил их души и тела.

— Как-то без матушки совсем пусто стало, — вдруг заметил Иван, хотя хотел сказать про другое, но вот эта фраза заставила и Фета вздрогнуть тоже.

— До последнего дня она ждала, а тут и ждать как-то перестала, махнула рукой, да и отправилась туда, говорит, что все давно там и мне пора. Так и сказала.

— **Чуть** о главном не забыл, завтра жандармы явятся, мне птичка на хвосте принесла, нам надо к встрече подготовиться.

Заговорщики оглянулись на маску Пушкина

— Буду премного благодарен, у меня опыт небольшой, да что там его совсем нет.

— **Вот** и славно. На рассвете ждите гостя, будем готовить торжественную встречу. И стихотворения повторите самые —самые.

Глава 4 Встреча жандармов

На рассвете в Спасском упорно трудились хозяин, ставший узником, и его гость, вызвавшийся ему во всем помогать.

— Уберите все, что с Пушкиным связано, если такие рукописи пропадут, **то** назад мы их не получим.

— Что-то еще надо спрятать? — стал размышлять Иван.

— Письма для вас дорогие или для них страшные, если есть такие.

— Да столько мест не будет, чтобы все попрятать.

— Найдем, главное, сохранить, и потом самим отыскать

— Книг здесь море — переплеты старых книг сгодятся, не любят они книги совсем. Ваши черновики я на время вывезу к себе, ко мне они не сунутся, а потом верну в целостности и сохранности.

— **Вот** и славно. Я всегда над ними трясусь, а последние рассказы, особенно страшно потерять

— Но у вас еще сумки охотничьи остались, бросьте сверху пару птичек, пусть они хорошо охраняют ценные бумаги, уж поверьте, они туда не полезут из суеверия и брезгливости к крови и смерти птишек бедных.

— Странно, но я об этом и не подумал даже.

— Учитесь, пока я жив, — задору Фета можно было позавидовать.

— Вроде все убрали. К ружьям они не полезут, ведь те и выстрелить могут, ну и в другие места тоже. Как же ловко вы со всем справились.

— Самое главное забыли — маска на самом видном месте осталась.

— А маска пусть остается на месте, перед гением неудобно. Его и без нас есть кому прятать да скрывать. Все только этим и занимаются.

— Тогда мне пора, вроде все предусмотрели. Вечером загляну, расскажете, как первое свидание прошло

Он вместе с огромной походной сумкой умчался прочь, не решился подводить Ивана, да и бумаги надо было держать от них подальше.

Глава 5 А вот и жандармы

На пороге появляются жандармы. Один из них направился к письменному столу и маске. Он долго на нее смотрел, потом повернулся и посмотрел на писателя, словно пытаясь понять, издевается ли тот или просто на столько рассеян. Его начальник предупреждал о том, что в усадьбе много с чем столкнуться можно, но он не думал, что прямо с ходу тут обрушится то, чего явно быть не должно.

— Приветствую вас, Иван Сергеевич, вы предупреждены о наших визитах. Служба, ничего личного.

— Что же делать, исполняйте, что от вас требуется. Не могу сказать, что для меня это приятно, но выполняйте то, что от вас требуется.

— Позвольте вопрос задать под протокол. А это что за язычество такое? Да еще на самом видном месте? Не положено, уберите немедленно. Я только один раз предупреждаю.

Иван резко повернулся к нему, и стал серьезным и сосредоточенным.

— Уж позвольте мне оставить дорогую реликвию, обещал покойнику, что хранить ее буду, не расстанусь с нею. Маска посмертная, так что как бы вам не навредила, потом пеняйте на себя.

Но хорошее настроение в один миг вернулось к нему, он едва сдерживал смех. И почти заикаясь, отвернулся, когда увидел, как жандарм отошел и перекрестился.

— Чтобы вам работать было не так скучно, я почитаю вам стихи. Вот послушайте, милостивый сударь

Высоко над семьею гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Как в небе реюший ковчег,
Парит, чуть видный, над горами.
Далекий, возжеланный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство бога скрыться мне!..

Жандармы переглянулись и поморщились, но перебивать и останавливать бего не стали, уж больно он красиво и артистично читал стихотворение о Кавказе, куда только чудом не попал. А как бы хорошо было, если бы он там оказался, совсем как мятежный гусар

А вот еще о Кавказе, куда я по вашей милости никак попасть не могу

Терек воеет, дик и злобен,
Меж утёсистых громад,
Буре плач его подобен,
Слёзы брызгами летят.
Но, по степи разбегаясь.
Он лукавый принял вид
И, приветливо ласкаясь,
Морю Каспию журчит:

«Расступись, о старец-море,
Дай приют моей волне!
Погулял я на просторе,
Отдохнуть пора бы мне.
Я родился у Казбека,
Вскормлен грудью облаков,
С чуждой властью человека
Вечно спорить был готов.
Я, сынам твоим в забаву,
Разорил родной Дарьял
И валунов, им во славу,
Стадо целое пригнал».

— Ну довольно, довольно на сегодня стихотворений ваших. Что-то голова кругом идет. Мне и самому на Кавказ захотелось, да куда угодно, только подальше от вас и от службы. Вот выпадет же такое счастье.

— Ничего, мы ж не в последний раз встречаемся. Я вам еще стихотворений напишу, не оставлю без пищи духовной.

Иван едва сдерживался, прикрывал рот, чтобы не рассмеяться и молил небеса о том, чтобы они поскорее ушли.

— Я бы вам посоветовал маску эту убрать, вы же великий писать, всей Европой признанный, христианин и такая бесовщина.

— Я подумаю, хорошо подумаю, и с ним посоветуюсь, как он скажет, так и будет.

Жандарм вытер пот со лба, прихватив бумаги и своего помощника, который за все время не проронил ни звука, уж не немой ли он оказался, и когда дверь за ними захлопнулась, Иван опустился в кресло, закрыл лицо руками и смеялся беззвучно. Вдруг они еще вернутся. И м это вряд ли понравится.

Глава 6 Вторжение Фета

Фет появился очень быстро, сразу же, как только они скрылись у перекрестка. То ли приехал давно и ждал, то ли он все это время прятался где-то поблизости

— **Никак** не мог пропустить такое представление, ну никак, вы уж меня извиняйте, дома скука, а тут такое.

— Они ничего не понимают, как я погляжу, как же там все запущено.

Фет оглянулся на дверь, а потом на маску

И не только тюремщики наши, думаю и князю Петру надо читать, и всем, кто гордился там, что с ним рядом были, увы. Сделают вид, что не узнали, никогда не слышали. И что за люди, порой диву даюсь.

— Кажется, умчались они, всё бесценное осталось с нами.

— **Но** надо быть бдительными. Они боятся даже посмертной маски гения. Что и требовалось доказать.

— Но сколько эту будет длиться? Париж снился, оттуда я рвусь сюда, а сейчас бы пешком туда ушел, но остановят. И срок только добавят, а я не могу так рисковать.

— Но что же там хорошего для русского человека, вот никогда мне не понять.

— Там Полина, она противоположна матушке во многом, добрая, внимательная, заботливая, она меня понимает, как никто. Она верит, что я великий, на самом деле. Как можно отказаться от такого чуда чудесного, от любви такой и нежности.

— И конечно, там свободнее дышится, климат мягче.

— И это тоже, я в Москву на могилу матушки выбраться не могу, словно насильник и убийца. Разве можно было подумать, что такое случиться может?

— **Она** все знает и подождет, пока все закончится. Вот хоть у гения спросите.

— Конечно, спрошу, с кем же мне еще беседовать долгими вечерами, — на лице его появилась такая невероятная улыбка.

— У жандарма была такая физиономия, когда он на маску смотрел. Мне кажется, он что-то увидел там этакое. А у вас железная выдержка. Я бы расхохотался и пешком в Сибирь отправился. А вы молодец, держались

— Я чувствую связь с ними, теперь, когда и матушка там, она усиливается. Так хочется с Василием Андреевичем поговорить, но нельзя ему сюда. Мы только в Москве перед арестом и успели парой фраз перебраться, а тут и началось

За окном завывает ветер. Они переглядываются. Природа словно бы тоже принимает участие в том, что происходит с людьми.

— Мне пора, хорошо все, что хорошо кончается, пробьемся, дорогой Иван Сергеевич.

И снова оставшись в одиночестве в огромном доме, Иван оглянулся вокруг. Он с тревогой подумал о том, что так хорошо все спрятал, что и сам не отыщет, вероятно. Но потом успокоился, память его пока еще не подводила, все успокоится на какое-то время и все найдется. С утра он этим и займется, а пока надо было отдохнуть, почитать, подумать о новом романе.

Глава 7 Иван и Фет снова в Спасском

Он знал, что Фет должен был отправиться в столицу по своим делам, и когда тот появился довольно быстро, странная тревога овладела его душой.

— И что же нового на воле, есть какие-то хорошие новости?

— Только скверные. Василий Андреевич Жуковский в Германии скончался. Я знаю, как он был вам дорог. Только что эта страшная новость пришла.

Иван долго молчал, он словно старался понять и оценить то, что только что услышал. Наконец он заговорил, но голос звучал как-то глухо.

— И что же, его там похоронили?

— Нет, к нам привезут. Только не знаю, когда. Путь —то не близкий. Да и там дела всякие по перевозке тела, сами понимаете.

— Я должен быть там, даже если для этого придется птицей или серым волком обернуться. Я должен с ним проститься,

— Вы хотите, чтобы вас в Сибирь отправили, тогда эта ссылка раем покажется. И кто сможет туда к вам отправиться? Декабристы все группами ехали, с женами, а одному там и пропасть не трудно.

— Да пусть будет что угодно, но я должен увидеть его в последний раз.

— Это невозможно и слишком рискованно. Поеду я и все расскажу. А вы не вздумайте с места сдвинуться. Жандармы могут быть и не такими добрыми и терпеливыми. Тогда никакими стихотворениями мы их не сможем умирить

— А вам извозчик не нужен?

— Не смейте даже думать о том, вы нам всем нужны живым и невредимым, особенно тем, кто хлопочет о вас, Алексей Толстой у императора который раз на приеме был, не отступает. И Пушкину нужны еще больше, его —то вы возвращать будете, больше некому. Если с декабристами его туда не отправили, то с вами —то тем более не нужно. Не подведете же вы и живых, и мертвых.

— Придется смириться, даже в наряде холопа мне не хватит духу там появиться. А он бы бросил все и помчался.

— Из вас холоп, как из меня император. А перстень ваш, вернее Пушкина, придется подождать еще немного, если сын его не согласится со мной сюда проследовать. Но он слишком юн, вряд ли пока стоит его в это впутывать.

— На это я не смею даже надеяться. Наверное, потом еще время не пришло.

— Парень не из робкого десятка, да и кого ему бояться? В память об отце император его не тронет. Так что надейтесь и ждите, а мне надо в дорогу собираться. И за себя, и за вас там буду.

— Я никого так не ждал, даже Полину.

— Это мне льстит. Но я знаю причину вашего ожидания и не обольщаюсь сильно. Но все будет хорошо. Он не допустит ничего такого, а с небес ему все видно. Прощайте пока, и ничего не натворите тут без меня. Никаких побегов, никаких дуэлей.

— Прощайте, как же долго будет время тянуться, но я ничего не натворю, не бойтесь. Ведь я жду такое сокровище и обязательно его дождусь

Глава 8 Император и цензор

Император пребывал в скверном расположении духа. Дел меньше не становилось, но от него уходили самые верные и преданные помощники. А уж когда пришло известие о смерти Василия Андреевича, он посчитал это величайшим предательством, да он отпустил его в Германию отдохнуть, но тот обещал вернуться, и не было никаких сомнений в том, что вернется, как же он мог нарушить обещание? Смерть ему не казалась уважительно причиной, в такие тяжелые и смутные времена.

Он на самом деле так думал, почему он должен оставаться совсем один, не так уж и стар был Василий Андреевич, мог бы еще какое-то время пожить.

Но словно опомнившись и понимая, что не может упрекать Учителя за то, что тот умер, он решил кое что для него сделать, тем более после того, когда увидел его во сне.

Он позвал к себе цензора, и решил, что настала пора что-то важное сделать, такое, чтобы император оставался доволен.

— Мне снился сон. Мой дорогой Учитель молча стоял и смотрел укоризненно. И никак этот сон не идет из головы. Сразу чувствуется, что недоволен он мной. А что там наш ссыльный?

— Да вольно ведет себя, над моими людьми издевается, стихи Пушкина всем подряд читает. Так и не исполнил предписания — маска бунтовщика так и висит над его столом. А ведь каждый раз его предупреждали, ничего не понимает и не исполняет. Не чувствует он никакого наказания, Ваше Величество. Мало кто у него бывает, но и это его не волнует. А поэт Фет, тот самый, во всем ему помогает.

— Они вроде по соседству живут. На него никаких жалоб не поступало, может не все так страшно.

— Если бы, порой кажется, что они заговорщики.

— И что же вы предлагаете? Фета тоже под арест посадить?

— Да так-то не за что вроде. Стишки у него самые невинные, ничего такого не найти там. Шепот, робкое дыхание, трели соловья.

— И что тогда? Ну если сажать не за что, что делать станем и с узником, и с Фетом?

— Отправить узника подальше, чтобы мало не показалось. Пусть свои «Записки из мертвого дома напишет»

Молчание повисло в воздухе, цензор пытался, но не мог понять, какое же решение примет император.

— Подальше говорите, на Кавказ в Сибирь?

Император достал из папки и бросил пачку прошений на стол.

— И это только от наших, а что говорить о загранице. Они требуют его освободить Флобер, Золя, Ж. Санд, В. Гюго, Полина Виардо. Вам эти имена ничего не говорят, как я посмотрю, но мы на весь мир опозоримся с господином Тургеневым. Это вам не с Пушкиным, Лермонтовым, Достоевским бороться — это мировая величина. Он все верно рассчитал, прежде, чем бунтовать. Никакого Кавказа, никакой Сибири. Не смейте даже думать об этом, забудьте.

— И что же мы станем делать? Нельзя так просто отпускать.

— Освобождайте, посидел и довольно. Из-за него и Гоголя до сих пор помнят, а так бы давно позабыли.

Цензор ушел, прихватив бумагу об освобождении. Он ушам своим не верил, но слушаться никак не мог. Освободать, значит освобождать. Но при этом он почувствовал себя проигравшим.

Глава 9 Обед в Спасском

Давно не было вестей от Фета, он оставался все это время в столице, и обещал вернуться, когда похоронят Василия Андреевича. И в тот полдень, когда они тихо говорили о том, что может там происходить и куда вообще катится мир, он и появился наконец.

— Ну что же там было, рассказывайте скорее.

— Привезли с почетом нашего Учителя, торжественно похоронили, народу было много, поэтов мало. Кто больным казался, кто в отъезде Иных уж нет, а те далече, как князь Петр говорит. Сам он явился не запылится, словно хотел убедиться, что Учитель и на самом деле умер, а он все еще жив и невредим.

— А мы так и не поговорили. Пара слов, печаль какая-то страшная в его душе, но представить себе, что все так обернется было невозможно.

— Не думайте о том столько встреч было за эти годы, он все успел сказать, даже подарки вон какие получили, и еще получите. А ведь вам повезло с самого начала быть в зоне его внимания.

— Да я все понимаю, только принять его уход никак не могу. Ценить мы начинаем, только когда теряем. А тут еще эта заварушка с арестом, все к одному.

— Я видел его сына, он сам сказал о завещании отца, о перстне. Он заверил, что передаст вам при первой возможности талисман.

— Надо подождать пока все уляжется. Пусть еще немного он у него остается, а как только они меня отпустят, так все и решится.

— Он совсем не похож на своего отца, там и слухи, и похождения, и дуэли, так что яблоко от яблони далеко упало, одно могу сказать. Но паренек талантливый, говорят, больше надежды подает, как живописец.

— Нам ничего не остается, только ждать и снова жандармов встречать.

— Ну а почему так грустно, жандармы все-таки не палачи. Хотя кто знает с чем они явятся, все непредсказуемо тут.

— Чтобы я без вас делал, дорогой Афанасий Афанасьевич.

— Только мне показалось, что маска мне подмигнула и улыбнулась?

— А я боялся, что вы начнете меня сумасшедшим считать. Теперь нас таких по меньшей мере двое.

— Если бы мне кто-то сказал, что из всех литераторов, в ссылку окажетесь вы, Иван Сергеевич, то я посчитал бы его сумасшедшим, а что же получается? Князь Петр, что бы не творил, с него как с гуля вода. То ли серьезно к нему не относятся, то ли везет ему во всем.

— Мне кажется или есть еще какая-то важная новость?

— Сияла ночь, луной был полон сад, — стал распевать Фет свой романс, а потом резко оборвал песню.

— Вы хотите сказать?

— Не хотел говорить, но вы ведь мне не простите потом, ваша Полина приезжает в Москву совсем скоро. Об этом там все говорят. Билетов уже не достать, впрочем, все, как всегда.

— Я должен увидеть ее. Не останавливайте меня, ничего не говорите.

— Император вам этого не простит, это не с жандармами шутить. Тогда уж точно придется писать «Записки из мертвого дома». А соседство с маркизом де Садом вряд ли вам по душе будет, поверьте на слово. Хотя говорят его уже освобождают, на вольное поселение отправляют

— Не отговаривайте меня, не смейте, я должен ее увидеть, я ее увижу, чего бы это мне не стоило. Да кем я вообще буду, если так и останусь здесь.

Фет повернулся к Варе:

— Голубушка, я сделал, что мог, теперь ваша очередь, вы же понимаете, что это невозможно.

Он поспешно прощается и удаляется, раскланявшись. Варя поворачивается к Ивану.

Он жестом просит ее молчать, и сорвавшись с места убегает в парк. На лице у Вари появилось беспокойство и тревога, она никогда не была такой растерянной и какой-то бессильной.

Глава 10 Фет, Иван и Николай

— Не отговаривайте меня, я не смогу здесь усидеть, зная, что Полина так близко. Мня даже грозный император не испугает и не остановит.

— Это для нас с Николаем близко, для вас может отказаться очень далеко. Я не хочу в этом участвовать. И не потому что боюсь, а потому что знаю, чем это закончится, и простите, Иван, но вы мне очень дороги

Послышался какой-то шорох, и все невольно повернулись к маске. Они знали, успели убедиться, что в решительные моменты она подает им какие-то знаки, только бы разобрать какие.

— Что-то мне подсказывает, что наш гений поступил бы так же.

— Он так и поступил, когда отправился на дуэль. Но вы хранитель, вы не разрушитель. Вам о другом, надо думать.

— Я не могу с ней ну увидеться, кем я стану в ее глазах? Мы и так вечность не виделись. Любовь сильнее смерти, это не громкие слова

— Но как за иностранкой, за ней будет следить тайная полиция. Вы подвергаете и ее опасности. А может это ловушка для вас?

— Я сделаю все, чтобы с ней ничего не случилось, Николай мне в том поможет, за ним не такой надзор

— Хорошо, я не останусь в стороне, скажите, что надо сделать.

— Документ на другое лицо, ваших надежных друзей, хотя им лучше не знать, кто я такой. И одежду мещанина. Мои костюмы для этого решительно не годятся.

— Это не проблема, вон граф Толстой в лаптях ходит и рубахе холопской и испытывает еще какое удовольствие от того. Но одна лишь разница, он не находится под надзором полиции.

— Для кого-то игра, а для кого-то жизненная необходимость, — услышали они голос Николая.

— Почему —то я из всех вас самым трусливым оказался, но я представить себе не могу, если из-за такого каприза все рухнет, и вы на той самой каторге окажетесь, где были декабристы, только они из-за другого страдали.

— А у нас все еще тот самый царь, который их казнил. И Иван умудрился прослыть его врагом, — про себя отметил Николай. Но все его прекрасно слышали.

— Прорвись к Полине и поведай ей обо всем. Она должна знать, что я буду с ней, хотя бы день, хотя бы час.

— И вот надо было мне еще в такое вляпаться, проворчал Николай, но было понятно, что все, что затевалось было ему по душе и вполне устраивало.

Глава 11 Исчезновение

На рассвете к Спасскому подъехала простая, неприметная карета, на ней Варвара Петровна разъезжала, когда не хотела привлекать внимания. Со дня ее смерти она стояла без дела, и вот снова понадобилась. Первой в нее уселась Варвара, рядом с ней какой-то холоп в неприметном одеянии. Лапти и рубаху Толстого пришлось отложить в сторону. Сразу могли возникнуть подозрения. Одежда была именно мещанской.

Поэт верхом на черном коне провожал их до перекрестка, чтобы потом вернуться назад и встречать жандармов, если они захотят заглянуть в усадьбу.

— **Все**, дальше не поеду, а то будет подозрительно, если явятся жандармы, то скажу, что вам в больницу надо было, а Иван на охоте, но лучше бы не появились вовсе, — обратился он к Варе

— Приглядывайте за Спасским, мы вернемся, как только сможем, — она одарила его такой улыбкой, что он выпрямился и отдал ей честь.

— . Главное, будьте осторожны. Если что, скажите, что он немой, может они уже рассказ читали и знают кто он такой.

Варя улыбнулась еще раз, и они двинулись в путь.

— Ты мне хоть Расскажи, как немного изображать, — не выдержал Иван.

— Да вы ж все равно меня не слушаете, — тяжело вздохнула Варя.

— Не надо холопа на вы называть, смотри, чтобы мы не провалились на мелочи. Что-то мне тревожно становится.

Шутил ли он или говорил серьезно — не понять, не разобрать, но Варя и некогда было разбираться.

— Никаких тревог, хотя пока еще можно вернуться, мы Орловскую нашу землю не покинули.

И сразу праведный гнев появился на красивом лице Ивана. От тревог его и следа не осталось. Как она может ему такое предлагать:

— И не говори даже так, чтобы я от тебя ничего такого не слышал.

— Ладно, ладно, успокойся. Скоро уже Николай на извозчике будет поджидать, а я смогу назад вернуться.

Иван улыбнулся, решив сменить гнев на милость.

— Так может мне извозчиком и стать?

— Сиди тихо и незаметно, вот все, что требуется. Такие риски и все из-за Полины, вот уж точно, проклятая цыганка, как матушка говорила.

Они остановились на постоялом дворе. Николай что-то задерживался, но вместо него появился жандарм или кто он там был по чину. Варя не разбиралась в них, да и не хотела даже голову ломать. Но тут же она услышала довольно приятный голос:

— И куда вы направились, девица красная?

— В больницу, слуга у нас заболел. Да и мне к доктору надо. Вот и решили прокатиться немного до лечебницы.

— Из-за холопа в больницу, вам деньги девать некуда? — на красивом лице появилось явное недоумение.

Варя понимала, что надо быть убедительной.

— Покойной матушке он был очень дорог, она и с того света покоя мне не даст, если с Андреем что-то случится.

Она ведь даже не лгала, все так и было, только Андрей оставался в усадьбе и спокойно занимался своими делами. Здесь его и в помине не было.

— Не стоит так о слугах своих заботиться, это может показаться подозрительным, — услышала она голос полицейского, кажется он ей поверил, надо было укрепить его веру в то, что это чистая правда.

— Спасибо, что предупредили, премного вам благодарна. Но Андрей не просто слуга, он внебрачный сын моего отца.

— Тогда другое дело. Бывают такие случаи, в жизни всякое случается.

Кажется, он вспомнил о собственных грехах и о возможных детях, к которым судьба вовсе не была так благосклонная, как к рожденным в законном браке. Полицейский попросился, ему пора было отправляться в путь. Варя перевела дыхание. Но ничего сказать не успела. Появился Николай.

Они отправились в путь, а она заторопилась домой. Хватит с нее всех этих опасных приключений. Хорошего помаленьку. Теперь оставалось только сидеть и ждать пока Иван вернется назад цел и невредим.

На прощание она успела шепнуть Николаю:

— Уезжайте быстрее, а то у меня сердце от волнения разорвется. Потом расскажу, что мне пришлось врать и как выкручиваться, или немой слуга пусть тебе поведает. А с меня довольно таких испытаний.

Глава 12 Почти у цели

До столицы, где ему запрещено было бывать, даже мимо проезжать, они добрались без происшествий. Барин и его молчаливый слуга не привлекли внимания.

Комната была самой простой, без изысков, но впервые Иван даже не заметил этого, думал и гадал он только о том, сможет ли Полина сюда добраться, не остановят ли ее бдительные жандарм, не заставят ли вернуться в театр или гостиницу.

— Ну сколько же можно ждать. Это невыносимо, я просто сойду с ума. А если она не сможет или не захочет прийти?

Но условный стук в дверь заставил его резко к ней броситься и едва перевести дыхание. Николай только на миг заглянул в комнату и исчез, словно бы его и не было.

Полина перевела дыхание, обняла его и тихо рассмеялась.

От всего этого он потерял дар речи, и на помощь пришел Пушкин. А кто же еще мог понять его и помочь в трудной ситуации.

Я вас люблю, — хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!
Мне не к лицу и не по летам...
Пора, пора мне быть умней!
Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей:
Без вас мне скучно, — я зеваю;
При вас мне грустно, — я терплю;
И, мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!

Это же стихотворение он столько раз повторял по дороге, но тогда звучало оно совсем по-другому, ведь ее не было рядом, а теперь, он мог, но не смел ее коснуться. И только про-бормотал:

— Как же чудно звучит, как так вообще можно было писать? Так мог только он один.

— Но мы встретились, — улыбнулась Полина.

— Я не верил, что дожусь, только строки Пушкина помогли мне не умереть от печали.

— О, Иван, вас не узнать. Это безрассудно. Но так же нельзя, я чуть сама не умерла, когда ваш друг сказал, что вы покинули Спасское и находитесь здесь. А у меня еще спектакль. Как же я буду петь? От такого волнения и голос потерять недолго

Иван с испугом на нее взглянул.

— Не говорите даже так про голос. Я не мог там оставаться, зная, что вы так близко. И в театре появиться тоже не мог. А что еще мне оставалось делать?

— Вы хотите, чтобы вас навсегда заковали в кандалы и сослали лес валить? И только ради того, чтобы полчаса побыть рядом со мной?

— Я не думал о том, мне нужно было вас увидеть. Поговорить, а потом кандалы, острог, виселица, да все равно, что там будет потом.

— Я знала, что вы не очень разумны, но чтобы так. Я не хотела ехать сюда, ради вашего же спасения. Но что-то заставило меня забыть об осторожности. Страсть ваша заразительна. Она не дает размышлять здраво.

— Вы не хотели меня видеть? — в голосе Ивана послышались нотки невероятной печали.

Полине оставалось только порывисто обнять и утешить его.

— Если бы это было так, но ваш император так суров, а его жандармы, они видят все насквозь, а ко мне их внимание приковано постоянно. И это не может меня радовать, конечно, но что тут сделаешь.

Иван улыбнулся ее словам, и поцеловал руку.

— Они порой забавны, если бы вы слышали, как я читал им стихи Пушкина, когда они приехали с очередным обыском и проверкой.

Стихи Пушкина про Памятник? — улыбнулась Полина.

— Нет, про Кавказ, он дослушал до конца, но сбежал, боялся, что еще читать начну. Как мы с Фетом потом хохотали над всем, что творилось, хотя на самом деле смешного там мало.

— Мне кажется в вас поселился Пушкин. Раньше вы таким не были. А ведь переселение душ, это же случается. Я много раз о таком слышала.

— Как лестно мне это слышать, но нет, конечно, нет, я просто тот, кто вернет его в Россию. Но послушайте, это то, что он написал для вас

Когда я слышу из гостиной
Ваш легкий шаг, иль платья шум,
Иль голос девственный, невинный,
Я вдруг теряю весь свой ум.
Вы улыбнетесь, — мне отрада;
Вы отвернетесь, — мне тоска;
За день мучения — награда
Мне ваша бледная рука.
Когда за пальцами прилежно
Сидите вы, склонясь небрежно,
Глаза и кудри опустя, —
Я в умиление, молча, нежно
Любуюсь вами, как дитя!..

— Музыка чудесна, кое-что я даже понимаю, но не настолько хорошо, чтобы понять то, что вы мне хотите сказать.

— Вот и славно, мне совсем не хочется вас смущать. Наш поэт был очень смелым и откровенным человеком. Если бы можно было опубликовать его письма, вы бы это поняли сами.

— Но вы сделаете это, — улыбнулась Полина, и тени сомнения не было в ее голосе.

— Мы сделаем это вместе, дорогая Полина.

— И все же мне очень тревожно. Нам надо прощаться, иначе будет беда. И даже Пушкин нам не поможет, как он не смог помочь себе самому, — тяжело вздохнула Полина. — Еще бы до театра, а вам до усадьбы добраться без происшествий, я буду о том молиться.

— Хорошо, что вы так предусмотрительны.

В тот самый момент раздался условный стук в дверь. Иван замер, словно в него кто-то незримый выстрелил.

— Идите же открывать, — встрепелась Полина

— Да, сейчас. Еще одно мгновение

Сказать ли вам мое несчастье,
Мою ревнивую печаль,
Когда гулять, порой, в ненастье,
Вы собираетесь вдаль?

И ваши слезы в одиночку,
И речи в уголку вдвоем,
И путешествия в Опочку,
И фортепьяно вечером?..
Алина! сжальтесь надо мною.
Не смею требовать любви.
Быть может, за грехи мои,
Мой ангел, я любви не стою!
Но притворитесь! Этот взгляд
Все может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!

Иван обреченно пошел к двери и распахнул ее. На пороге стоял Николай. Кому еще было там быть, хотя случиться могло всякое.

— Вам пора, сначала мы вас доставим в гостиницу, потом я вернусь за Иваном. Негоже вам тут одной оставаться. А он сам захотел этого. Вот пусть сидит и ждет своего часа.

Николай был неумолим в те минуты. Иван бессильно опустился на диван, где еще витал запах ее духов и закрыл лицо руками. Он был самым счастливым и самым несчастным человеком в мире. Как хотелось пробраться в театр и послушать ее. Но от судьбы и удачи нельзя было требовать слишком многого, иначе она заберет и то, что успела тебе дать,

Ему оставалось напевать уже не Пушкинские строки, а свое стихотворение, ставшее знаменитым романсом.

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Вспомнишь обильные страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые,
Первые встречи, последние встречи,
Тихого голоса звуки любимые.

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное далекое,
Слушая ропот колес непрерывный,
Глядя задумчиво в небо широкое.

И романс странно успокоил его, надолго ли, кто знает, и все-таки дождался он Николая без всяких усилий.

Глава 13 Обратный путь

Словно в море все происходило на обратном пути. Сознание, что он отдаляется от Полины страшно его волновало и угнетало. Не помогали даже строки романса. Но надо было из райских наслаждений возвращаться к реальности. Ведь он может страшно подвести людей, которые ему помогали. Они остановились на том же самом постоялом дворе, где на этот раз в карете его дожидался Фет.

— Ну все, братец, наш бравый поэт Фет на месте, надо прощаться. Надеюсь, что вы вернетесь так же незаметно, и никто о пропаже твоей не догадается, а мне пора. Давно пора быть дома, пока я сам в ссылку не загремел.

— Спасибо тебе за все. Ты рисковал из-за меня многим, этого я не забуду. — Иван отходил от пережитого и возвращался постепенно к реальности.

— Не больше, чем, когда на Аннушке женился, вот тогда это был кошмар, а тут забавное приключение. Ты потом еще с улыбкой напишешь обо всем, и мы будем вспоминать о том, как это все случилось.

— Тебе совсем не было страшно?

— Не поверишь, мне казалось, что он нас охраняет и все время рядом. Я чувствовал присутствие гения, и потерял страх окончательно.

— Спасибо, брат, не думал, что все это мы пройдем вместе. А про Пушкина ты все верно сказал. У меня это ощущение есть всегда, если бы не было, я бы, наверное, не решился туда отправиться.

На этом они и попрощались.

На пороге барского дома Ивана встретила Варя.

— Неужели все обошлось, я днем и ночью за вас молилась. Но как можно быть таким безрассудным.

— И за Полину молилась, дорогая моя?

— За вас. Зная, что она здесь, они могли нагрянуть в любую минуту.

— Они искали меня в театре, но меня там не было, хотя так хотелось, только откуда у холопа Андрея деньги на такой спектакль?

— Главное не встретить жандармов по пути. Они не так глупы, как порой вам с Фетом кажется

Иван невольно повернулся к Фету.

— Ну вот и все, а мы боялись. Я всю жизнь тебе буду благодарен за **то**, что ты для нас и для него сделал, за мной должок.

— Мне не было скучно, разве не это главное, — улыбнулся в ответ поэт.

— А мне страшно стало вот теперь, бывает же такое. Полина меня назвала безрассудным. Но она радовалась, если бы вы видели, как она радовалась, когда увидела и едва узнала меня. Да я и сам смотрел в зеркало и ничего понять не мог.

— Значит, мы все хорошо постарались, чтобы все оно так и случилось, Но больше никаких приключений, пока император не освободит вас. Удача — дама капризная, и она может быстро отвернуться, глазом не моргнув.

Глава 14 Последняя проверка

И как только все благополучно закончилось с вылазкой Ивана на свидание с Полиной и возвращения назад Фет сообщил о том, что к ним снова направляются жандармы.

— Мне удалось их задержать, сам не знаю каким образом, но слишком долго это продолжаться не будет. Давайте спрячем все, что можно, и самое ценное — ваши новые рукописи, думаю, именно туда император и хочет заглянуть. Благодаря гению он сделался читателем и очень внимательным читателем, этому могут позавидовать другие.

— Увезите с собой рукописи, мне было бы очень жаль этих романов. Они ни в какое сравнение не идут с тем, что уже написано.

— Есть польза и от ссылки тоже. Вы так много и упорно работали, ни в каком Париже бы не было такого, я не сомневаюсь.

— И у него была, и у меня есть, кто же спорит. А после того, что мы с вами провернули, так этого и вовсе не забыть,

Утром они не спешили и не суетились. На пороге появился все тот же жандарм. Фет едва успел спрятаться. Но на этот раз он почти не слышал того, что происходило в комнатах.

— Пока вас искали там по приказу Его Величества, вы смиренно сидели здесь, как я понимаю. что же благоразумие ваше похвально, но оно удивило даже императора.

— И не просто сидел, я для вас новые стихи выучил и готов прочитывать, — всем своим видом он показал, что на самом деле готов это сделать.

— Не надо никаких стихов, оставьте своим крестьянам и барышням, у меня и так голова кругом идет.

— Не понравилось? А я ведь так старался, вам труднее угодить, чем барышням, ну что же вы так привередливы.

— Господин Тургенев, вы дадите мне хоть слово сказать? — возмутился жандарм.

— Так конечно же, вы тут начальник, а я только ссыльнокаторжный.

— Для него вы себя слишком вольно ведете, и ничего не помогает. Так вот, вышел высочайший указ о вашем освобождении из-под надзора. Пока в столицу ехать не советую, но по стране можете передвигаться без помех, хоть на Урал, хоть в Сибирь, хоть еще дальше.

Он положил бумагу на стол и посмотрел пристально на маску, словно хотел разглядеть что-то запредельное.

— Нет, спасибо, туда пока не хочется, тем более, если я свободен, а вот узнать, когда в столицах можно появляться очень бы хотелось. Надеюсь вы пришлете человека с таким радостным сообщением.

— Сам лично вам доложу, при условии, что вы не станете читать стихов господина Пушкина.

— Обещаю не читать. Так вы знали, что это Пушкин и молчали

— Пришлось познакомиться, как и всем остальным.

Жандарм махнул рукой на прощание и поспешил уйти, на этот раз он ничего не сказал о маске, хотя тут же появился Фет, и они дружно рассмеялись.

— Зря мы переживали, он знает Пушкина. Я в засаде чуть не расхохотался.

— Это и наша заслуга, вот что значит просвещение. И назовет меня всяк сущий в ней язык. Даже наш любезный жандарм назовет, что же о других говорить.

— Скучно мне будет, ведь в свой Париж умчитесь, а мы тут скучай в глуши останемся.

— Это еще не скоро случится. Еще успеем повеселиться.

Свобода — это сладкое слово свобода овладело его душой, он не хотел больше ни о чем думать, даже писать ничего не хотел, просто радоваться освобождению и дышать полной грудью, вот все, что доставляло настоящее удовольствие

Глава 15 1876 год Буживаль

Давно позабылись приключения в Спасском и русской столице. Иван наконец смог выбраться в Париж, почти все время там оставался, жил и работал. И только теперь дело о возвращении Пушкина сдвинулось с мертвой точки

Вот и Полина принесла ему добрую весть. Четверть века пришлось ждать этого часа, и все-таки они дождались.

— У нас сегодня на обеде будет гость из России.

— И кто же он такой? Почему решил со мной встретиться?

— Оказавшись за границей все ищут своих, но этот человек особенный.

Она продолжала говорить загадками, а Иван ее внимательно слушал и терялся в догадках.

Он невольно взглянул на маску, и странная догадка вдруг коснулась его души. Что же с собой может принести этот гость?

— Не может быть, у меня было странное предчувствие с утра, но старался об этом не думать.

— А вот и наш гость- Павел Васильевич Жуковский, торжественно объявила Полина.

Иван поднялся ему навстречу.

— Как долго я ждал вашего явления.

— Да, путь оказался долгим, но больше не стану ждать — сколько раз он повторял — передай перстень Ивану, это его талисман. А накануне и вовсе приснился. Ни слова не сказал, но я понял, что должен отправляться в дорогу.

Павел улыбнулся и протянул бархатный футляр, Иван смотрел на бесценную коробочку, не отрываясь, словно она могла раствориться в воздухе, исчезнуть.

— Какое это чудо. Мне казалось, что уже никогда этого не случится.

Полина ласково улыбнулась гостю

— Вы появились как раз вовремя. Сегодня к нам должна пожаловать Наталья Александровна. Давно идут переговоры о письмах Пушкина к жене. Теперь дело пойдет быстрее.

— Да, да это удивительное совпадение. Просто она долгожданный гость, а вы неожиданный, но не знаю, даже кому радоваться больше.

Полина долго рассматривала перстень, о котором они говорили постоянно, ждали столько времени, потом передала его Ивану.

— Теперь душа твоя будет спокойна. Не переживайте, Павел, он будет в полной сохранности и придаст сил и вдохновения Ивану Сергеевичу. У него впереди самые важные дела — публикация писем, и открытие памятника.

— Да, все верно, Полина права и точна, как всегда.

— Я надеюсь, что когда-нибудь он снова вернется ко мне, вы ведь о том позаботитесь.

Она только улыбнулась и ничего не успела сказать

Глава 16 Дочь Пушкина и сын Жуковского

Она впорхнула, словно птичка в эту гостиную, кажется все вокруг замерли и перестали дышать. Она была прекрасна, да что там, она была просто великолепна.

— Меня сюда привели все эти реликвии. Только теперь я это понимаю.

Она смотрела на маску и на перстень заворуженно. И кажется жизнь остановилась в те мгновения. По праву хозяина, Иван подошел к ней и заговорил первым:

— Мы с вами никогда не встречались, но я бы вас сразу узнал.

— **Я** принесла вам письма отца к матушке, только с вами они не пропадут, и вы сможете ими распорядиться как должно. Господин Жуковский думает так **же**.

Натали повернулась к Павлу и улыбнулась так, как умела делать только она одна

— Ваше доверие безгранично. Гений вернется, он вернется живым, а не бронзовым. И об этом мечтали слишком много людей: Василий Андреевич, моя матушка, Полина.

— Но многое будут против, князь Петр в ярости, я с ним беседовал накануне.

— Я должна вам довериться, думаю, он, — она кивнула на маску, — подскажет, как нужно поступить

— И нет границы моей, нашей благодарности, — он посмотрел на Полину, она тихо улыбалась.

— Он отправил меня к вам, и я не могла ослушаться.

— Я заверяю вас, что письма будут в сохранности. В Париже понимают, что такое реликвии. Вы сделали правильный выбор.

Она казалась богиней Ладой, готовой подарить этому миру свет и гармонию. Именно об этом подумал Иван, глядя на свою вечную любимую.

— Значит я могу быть спокойна. Я боялась все время, что их украдут, что они попадут в чужие руки, а врагов от друзей не так просто отличить. Но страдания и страхи мои закончились. Верните его в Россию живым, а не мраморным, дорогой Иван Сергеевич, только у вас это получится.

Иван был на седьмом небе от счастья, он поцеловал ее руки и проводил до кареты, потом вернулся к Павлу и к Полине

— Сегодня судьбоносный день, и я хочу, чтобы вы это запомнили. Но я не верю всему, что творится, это какой-то волшебный сон.

— Вы с ним так долго ждали и желали этого, что небеса услышали и помогли. Да рано или поздно исполняются такие страстные желания.

— Теперь главное успеть, не обмануть доверие.

Вы все успеете. Силы добра не так слабы, как кажется. А я смею думать, что мы все-таки играем белыми фигурами, и наши противники тоже это понимают.

Поздно вечером Иван записал подробно все, что случилось в тот славный день, ему не хотелось упустить ни одной детали, и потом оставить воспоминания о том, как все это было.

Глава 17 Иван и Флобер в кафе

На следующий день в кафе он встретился с Флобером, надо же было с кем-то поделиться такой радостью

— Вчера был судьбоносный день. Мне принесли перстень и письма Пушкина к жене. У нас были дочь Пушкина и сын Жуковского. Разве такое может быть?

— **И** это справедливо. Кому же еще нужно было хранить их и вернуть гения в Россию. О если бы у каждого из нас был такой хранитель, то и умереть было бы не страшно, Пушкину просто повезло с вами.

— Я был не один, матушка, Василий Андреевич, Полина, даже когда я готов был малодушно отступить, они не позволяли мне этого сделать

— Если бы вы знали, как я рад за вас, Иван. И что же теперь осталось?

— Открыть памятник в Москве, я готовлю речь и даже не знаю, как они меня там встретят, да еще после публикации писем. А они будут опубликованы, иначе просто пропадут, и мы все никогда не узнаем главного о нашем гении.

Иван посмотрел на перстень, от него исходил какой-то дивный свет. И оставалось только любоваться таким сиянием.

— Может там все не так страшно? Будем надеяться на лучшее.

— Да нет, когда —то он сказал, что меня будут окружать бесы, и мне одному придется им противостоять. Так все и есть.

— Но вы сильнее всех, как верит в вас Полина, и мы все вместе с ней. С вами свет, и не забывает об этом. Бесов много, они коварны, но они не всеильны. Да вспомните хотя бы Мефистофеля. В мире нет ничего нового. Тот. Кто творит зло, в отдельные моменты вынужден совершать Благо. Думаю, это и есть такой момент, иначе мир потонет во тьме.

— Почему вы так уверены?

— Я просто вижу свет, от вас исходящий. Да что я, мы все его тут видим. Потому писатели так к вам тянутся.

— Если бы его видели там, в России. Но только здесь я могу спокойно и уверенно работать. Ваше доверие и любовь творит чудеса.

— Они видят и знают, но зависть все сокрушает на своем пути, так вышло, что там вы чужой, а у нас здесь свой, так бывает. Но это не ваша вина, это их беда.

Глава 18 Вторжение генерала

Но те, кто играли черными, не заставили себя долго ждать.

Этот человек влетел, словно шаровая молния и оставил после себя полосу какого-то странного света, сделал круг в гостиной, словно хотел понять, куда ему можно приземлиться, где остановиться, и наконец выпрямился и встал напротив Ивана, понимая, что говорить придется с ним,

— Кто этот человек, почему он считает, что может врваться в наш дом? — удивленно спросила Подина.

— Это то, о чем я говорил, генерал Пушкин, вероятно, ему не по душе то, что письма его отца опубликованы

— Как вы смеете дойти до такой низости и на всеобщее обозрение показывать жизнь наших родителей. Если моя безумная сестра вам продала эти письма, то это ничего не значит, это наша личная жизнь. И вы немедленно все это уберете из печати.

— Этого не случится, генерал. Пушкин — народное достояние, и нам всем он дорог живой, а не бронзовый вове. Он не запретил мне это делать. И матушка ваша тоже.

В этот момент они оба оглянулись на маску, издававшую странные звуки. Это слышали и Иван, и генерал, и Полина. И у всех троих это вызвало священный трепет. Но генерал слышал все в первый раз и никак не мог понять, что тут творится. Он услышал снова то ли смех, то ли плач, и только после этого смог что-то сказать.

— Что это за чертовщина, а перстень, откуда у вас его перстень? Потрудитесь объяснить. Я хочу знать.

— Он тоже вернулся ко мне, а не к вам. И это была воля Василия Андреевича. А передал его Павел Васильевич

Это ничего не значит, — с этими словами генерал бросился к маске.

— А скажите мне, генерал, почему ваша матушка не сожгла письма, а передала их дочери, а отец просил хранить их, а не уничтожать? Может ему хотелось, чтобы мир узнал его настоящего, живого, что же как не письма могут о нем нам рассказать?

Он хотел что-то ответить, но маска словно бы заставила его подойти еще ближе, и он подчинился.

Генерал, оказавшийся рядом с маской вдруг прижал руку к щеке, словно бы получил пощечину. Он оглянулся на Полину и Ивана. Оба стояли неподвижно и дотянуться до него никак не могла. Расстояние между ними было значительное. Тогда что же это было такое?

Что это было? — спросил Иван у Полины

— Откуда мне знать, я стояла рядом с тобой в другой стороне комнаты. Там что-то произошло, иначе бы он не отступил так просто.

— А, по-моему, его твои слова о матери так испугали, повергли в шок. Ведь и в самом деле она могла сто раз уничтожить эти письма, а не сделала этого.

— А как ты хорошо сказал — он наше национальное достояние и принадлежит всем. Я запомню эти слова, если что.

— Мне нынче приснилась матушка, в первый раз за все время, до сих пор ни разу не снилась. И она улыбалась, взяла полевые цветы, которые я ей принес, и сказала, что я поступаю правильно.

— Я могу сказать тебе то же самое, но раз она сказала, то не сомневайся даже. Она тебя не оставит.

— Нас не оставит, ведь мы с тобой одно целое, она видит, что ты моя хранительница, да и не только моя, а всего, что у нас с тобой есть.

— Хорошо бы, коли так.

Глава 19 Москва 1880 Памятник Пушкину

Вот и наступил тот самый день, которого Иван Сергеевич ждал почти всю свою жизнь. Площадь в Москве. Народ на площади. Иван перед памятником Пушкину 1880

— Он возвращается, он наконец возвращается, такой молодой и такой прекрасный. Как же долго пришлось ждать этого часа, всю мою жизнь. Тридцать лет после ухода матушки и Василия Андреевича и сорок три года после его ухода

Иван искал в толпе Достоевского. Они посмотрели друг на друга, так сходятся свет и тьма. Тот все-таки явился, хотя он просил, чтобы их не оказалось в одном месте в этот день, пусть приходит позднее, если ему не видится дома.

— Что за бессильная злоба в этом человеке? — не выдержал Иван.

— Я правильно его написал в «Бесах», надо бы еще что-то такое создать с этим гением, вылетевшим из богатого дворянского гнезда. Если бы он побывал, там, где был я, куда бы его лоск делся?

— У Достоевского произошло расстройство психики на почве зависти и религиозного фанатизма. Он — «русский маркиз де Сад» — размышлял Иван, это уже было написано в одном из писем, и могло стать достоянием общественности, в чем он не сомневался. Почему-то вспомнилась его последняя встреча с Дантесом, и он пытался понять, кто из них страшнее, он видел и первого и второго, и у него не было ответа на такой вопрос.

— Как он смеет присваивать себе Пушкина? — вопило все в душе маркиза, но ему казалось, что никто не может и не хочет его слушать в этом мире, конечно, где он, а где этот французский барин со всей его свитой европейских и писателей. Он был чужим среди них и никогда бы своим не стал.

А потом была речь о Пушкине, куда Достоевский в тот день пробраться не мог.

— Пушкин был первым русским художником-поэтом. Художество, принимая это слово в том обширном смысле, который включает в его область и поэзию, — художество как воспроизведение, воплощение идеалов, лежащих в основах народной жизни и определяющих его духовную и нравственную физиономию, — составляет одно из коренных свойств человека. Уже предчувствуемое и указанное в самой природе, художество — искусство — является, правда, тоже как подражание, но уже одухотворенное в самой ранней поре народного существования, как нечто отличительно-человеческое

Поэт, не дорожи любовью народной!
Восторженных похвал пройдет минутный шум,
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.
Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.
Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд,
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?
Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник

Только потом, когда он вышел из здания Благородного собрания Достоевский пробрался к нему в толпе, они остановились друг перед другом, молча постояли, он увидел, он что-то увидел за спиной Ивана — священные тени и отошел куда-то в сторону.

Иван же почувствовал могильный холод, хотя на улице было жарко, поежился и отошел в сторону

— Ну что я могу сказать о нем, это наш самый странный и больной гений, он может вызвать массовый психоз и задевать самые темные порывы души. Ни он не нужен Пушкину, ни тот ему, даже гусар казался светлее и ярче, мне пришлось ему подражать и потом от него уходить, а тут все мрак и никакого света.

Позднее, когда ему сказали о смерти Достоевского он пожал плечами и не выразил даже дежурного соболезнования. Иван не стал кривить душой, но сам факт смерти его вызвал удовлетворение, черные уходят раньше. Себя он чувствовал человеком, который выполнил все, что от него требовалось.

Глава 20 Возвращение в Спасское

В Спасском было все так же спокойно и тихо. Иван брел по лугу и за ним следовала тень Старухи

— Вчера на кладбище был, а теперь в поле чистое подался. Каким ты был сынок, таким и остался.

— Находиться и надышаться не могу. Все здесь дорого, все мило душе, в Париже такого и не встретишь никогда

— Так почему же так долго не было тебя, если все тут любо и дорого? Уже и меня тридцать лет нет на земле, а тебя все не дожидаться.

— Все спрятаться хотел. Не понимал, что никуда мне не спрятаться от вас, матушка, и от России.

— Проклятая цыганка не отпускала?

— Да вроде нет, скорее вы пугали и грозовой тучей нависали.

— Никуда не отпущу, никому не отдам. На этом и том свете с тобой рядом буду.

— Да меня никто и не собирался забирать, кому нужен запуганный и раздавленный старик. Все прошло, почти все забылось, и только с вами мы так и остались неразлучны.

— Я дождусь тебя там, сынок. Никто не будет тебя любить так, как мать, никто и никогда не любит наших сыновей так, как матери.

— Я был 32 года с вами и столько же без вас. Но даже когда вы ушли, ничего не изменилось, я все равно оставался в вашей власти. Я еще в отрочестве дал клятву, что никогда не женюсь. И клятву эту исполнил, наверное, судьба такая. Всю жизнь оставался на краю чужого гнезда.

— Но ты женился на своей литературе. Я подарила тебе бессмертие, а ты мне. Хотя выгляжу я там ужасно, но уж какая есть. Даже любовь к твоей цыганке ничего не изменила, куда ей со мной тягаться.

— Она была только прикрытием, чтобы хотя бы на время спрятаться от вас. И еще тогда, при первой встрече, она все это поняла прекрасно. Бороться продолжала долго, но со временем махнула рукой.

— Она дарила тебе минутную радость, но не она подарила тебе этот мир, не она сделала тебя писателем, Пушкина к тебе привела не она. Если ты не был счастливым, то стал хотя бы писателем, а разве это мало? Ты Пушкина этому миру вернул в самом лучшем свете. Как же я гордилась тобой. Это у нас славно получилось, не так ли?

— Этого не мало, вы правы.

— И знай, что я тебя любила так, как никто и никогда любить не будет.

Тень внезапно исчезла. Появлюсь юная девушка

Глава 21 Писатель и актриса

К нему навстречу идет юная актриса

— Какая прелесть, на смену матушке, такая юная и очаровательная, уж не награда ли мне это за годы страданий?

— Лебедина песня, хорошо, чтоб она появилась так поздно. Она посильнее цыганки была бы в то время. А сейчас уж она точно мне не соперниц, — раздался голос издалека.

— Какое же это счастье, вас внезапно встретить, а мне казалось, что тут нет больше ни одной живой души, обратился он к Марии. Но слышала ли она его, или просто парила над полем бескрайним.

Он оглядывается туда, куда удалилась Тень. Вместо голоса девушки слышится завывание волка, так тогда в юности, он заставил себя повернуться и отправиться домой.

— Там матушка ждет, и она очень сердита, как всегда, уже распорядилась о розгах, смеется, какой же это ужасный смех, даже волк не так жутко воет.

Голос между землей и небесами.

— Не торопись, розг на этот раз не будет, руки у меня теперь коротки. Да и поздно теперь тебя воспитывать.

Иван замер и не может двигаться, что делать и как ему быть, остаться здесь или все-таки двигаться домой. Он снова не знает, как ему поступить.

— Но не забывай, что я тебя любила, так как никого и никогда не любила больше, ты был моим светом, жизнью моей. А может я тебя только придумала?

— Я знаю, меня любили прекрасные женщины, и вопреки всему, я все-таки был счастлив.

Призраки и тени как-то удалились, прямо перед ним появилась Варя.

— А я издалека тебя заметила, Ванечка, что случилось? С кем ты разговаривал, слов я разобрать не могла. Но сердце разрывалось от ужаса и боли. Здесь ведь никого не было больше.

Иван обнимает и гладит ее по голове.

— Ничего, ничего дорогая, это так, прошлые тени и страхи. Но мы вместе, и нам ничего не страшно. Помнишь, как там в романе?

— Да, конечно помню, как же мне не помнить. *Что подумали, что почувствовали оба? Кто узнает? Кто скажет? Есть такие мгновения в жизни, такие чувства... На них можно только указать — и пройти мимо.*

К ним подходит Николай и они долго стоят молча

Глава 22 Буживаль Последние дни

Сколько дней Иван не поднимался из постели. Он потерял счет часам и дням, и чувствовал, что больше не поднимется. Но это его не очень волновало, он сделал все, что от него требовалось.

— Я не могу отличить явь от сна. Что это было? Ворвался генерал, потом этот бес снова плясал передо мной, и прекрасная дама с письмами, она просила их забрать

— Все это было, только не в один день. Ты все сделал правильно, тебе не о чем сожалеть. Письма изданы, памятник открыт, Пушкин вернулся в Россию, у тебя остался его перстень. Он с нами и он счастлив.

— А бес тут не появится

— Он умер два года назад, тут он точно не появится. С нами только твой Пушкин.

— Я хочу его увидеть, поговорить с ним, как тогда на Лунной дорожке.

— Он придет. Он обязательно придет, — Отворачивается и плачет

— Не плачь, моя дорогая, если что, мы там встретимся. Ты моя Беатриче, ты поведешь меня в рай, а я пойду за тобой. Ведь солнце и светила движет огонь любви.

— Почему вы все меня оставляете? Как трудно оставаться, когда все ушли?

Она ушла в тень к окну. Перед кроватью остановился поэт.

— Мы прошли долгий путь. Но все заканчивается рано или поздно. С тобой я был в Париже, я видел, как ты вернул меня в Россию. Памятник наконец появился, свет победил тьму. Ты выдержал все, со всеми и даже с моим сыном справился. Он был не прав, он думал о себе, а не обо мне. Я мало чем мог тебе помочь, но я старался. И он все-таки остановился и больше не вмешивался в то, что творилось вокруг.

— Я был не один и на этом, и на том свете нам помогал Василий Андреевич и матушка. Я перед ними, особенно перед ней, так виноват. Не знаю, простит ли она меня

Полина стояла у окна, рядом с ней тень Варвары Петровны, поэт и Иван повернулись туда.

— Как же долго мы с вами не могли встретиться и не говорили

— . Мне не хватило духу встретиться там.

— А я была на концерте, Василий Андреевич не даст соврать, и слышала, как прекрасно вы поете, но обида была неодолима тогда.

— Это очень лестно от вас слышать. А если бы я пела плохо, это бы что-то изменило?

— Нет, конечно, но тогда он возможно не полюбил бы вас так и не остался с вами. И жизнь была бы совсем другой.

— Но что изменилось теперь. Я потеряла голос и больше не могу петь.

— Теперь нам нечего больше делить. Но вы так много сделали для моего сына, я бы столько не смогла. Только рядом с вами он сделал все это, а мы помогали, но могли уже не так много, как хотелось бы.

— Не могло быть по-другому, ведь меня выбрал не только Иван, но и его Учитель, и небеса, и тот, кто был с ним, Я это всегда чувствовала.

— . Я сразу должна была это понять, но слепая материнская любовь все заслонила. И хорошо, что Иван не свернул с пути.

Они замолчали Пушкин читает, Иван повторяет строки

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.

Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим

Сны и грезы Варвары Петровны

Глава 1 Ужин в семейном кругу

Варвара Петрова, Сергей Николаевич, Иван и Николай собрались за ужином летним вечером 1832 год тепло и уютно, шмели летают, птички поют. Ничто не предвещало беды в благородном семействе, но и покоя там не было с самого начала. В воздухе пахло грозой. Гроза исходила от матери семейства Варвары Петровны, все остальные должны были подчиниться тому, что происходило. Ни муж, ни сыновья не смели перечить. Она это знала и пользовалась своим положением — истинной хозяйки дома. Заговорила она первой, потому что молчание казалось слишком напряженным и становилось тягостным.

— Ну вот и собралась вся семья, а то и не дожدهшься вас, не дозовешься. И все бы вы бродили где придется, лишь бы дома не бывать. Одной со всем управляться приходится. Вот к чему мне все это?

— Когда это такое было? Летим по первому зову, и попробовали бы не прилететь, что тут начнется. Но кто виноват, что дома никому быть не хочется? Наша ли это вина, и ли все так ненавистно здесь. Но разве на в том признается, — размышлял неверный муж. Но вслух бы всего этого он никогда произнести не решился. Не в таком положении оказался.

— Что вы там шепчете, ненаглядный мой? Говорите громче, али от счастья дар речи потеряли? Здесь все свои, у нас семья дружная и секретов никаких нет, все самые близкие, свои люди.

Сразу видно, что хозяйка не верит ни одному своему слову, а произносила все это только для того, чтобы еще раз убедиться в своей власти над этими людьми. Такая игра продолжалась годами, и никто не осмелился бы нарушить ее правил. Хотя возможно однажды их терпение лопнет, и вот тогда все будет вовсе не так легко и просто. Но пока все идет по строго заведенным правилам, и она довольно тем, что видит и слышит.

— Молитву читаю, что мне еще остается, только молиться. Сам не знаю, что у Бога просить может смерти скорой?

Он произнес это вслух, но жена пропустила мимо ушей и тут же повернулась к сыновьям

— Молитву он читает, завтра видно снег выпадет. Да ладно, давайте уже трапезничать, а то с вами с голоду помрешь, неровен час. Еды полон дом, а мы все никак не можем собраться. А ведь когда-то я об этом только мечтать могла. Но к хорошему быстро привыкаешь. И лучше вам не знать, что я пережила.

— Что-то вы французский забывать стали, голубка моя. А ведь как перед свадьбой лепетали, словно из Парижа вас привезли нам всем на радость.

— Сыновьям хорошо бы и родной язык знать. В России мы живем и жить собираемся. Хотя, как знать, что завтра будет, куда судьба забросит. Но и немецкому, и английскому и французскому они обучены, не пропадут там тоже. А вот с холопами говорить научиться надо, иначе беда, по миру пустят. Им только дай волю, все к рукам приберут, и глазом не моргнут.

№№№№№№№№

Чтобы доказать, что и это у нее получается лучше, чем у всех остальных, Варвара Петровна повернулась к служанкам, так, что те невольно вздрогнули от ее взгляда, словно гром грянул.

— Несите все, что там наготовили. Есть очень хочется. Так голодом заморите любимую барыню, да еще и порадуетесь на поминках. Но долго ждать придется и не надейтесь.

Она взглянула на Ивана, тот невольно поморщился. Лицо Николая ничего не выражало. Он стучал вилкой по салфетке, обдумывая что-то и был безучастен к тому, что творилось за столом. Полное невнимание к матери. Вот за это она и не любила старшего сына. Он слишком

был похож на своего красавца-отца. И хотя сначала ей это нравилось, но потом стало раздражать, чем дальше, тем больше

— Отцу вашему нет до вас дела. Все на мои плечи ложится, как всегда. А ведь об образовании вашем подумать надо. Обо мне дядюшка заботился, а о вас и позаботиться никому, словно сиротки при живых родителях. Куда бы вы отправиться хотели? Да говорите, молча-ньем делу не поможешь. Где учиться будете?

— За границу. Лучше в Париж, — отозвался первым Иван.

— Вот еще. Для начала в Москву, а там видно будет, стоит ли вам по заграницам учиться. Я уже распорядилась дом приготовить, туда пока переедем, засиделись мы в поместье, пора и к городской жизни привыкать. Всю жизнь тут сидеть не будете, взрослые совсем стали.

Сергей Николаевич усмехнулся и передернул плечами, но ничего не сказал. Они вкушали пищу молча, служанки ловили каждый ее звук и жест, исполняли любое желание барыни. Никому не хотелось снова переживать те ужасы, которые она с какой-то радостью им дарила, все время подчеркивая, что они ее крепостные, она сделает с ними, что захочет. Но многие подозревали, что в этом доме крепостными были не только холопы и остальные члены семейства тоже

Глава 2 После ужина

Ужин закончился. Иван и Николай отправились в парк прогуляться, как они обычно и поступали, чтобы хоть немного воздухом подышать, поговорить без посторонних глаз и ушей. Таких разных не только внешне, но и по характеру братьев трудно было представить. И все же объединившись против матушки, они умели как-то договариваться,

— Кто тебя за язык тянул, братец. Матушка все равно все сама решит. И теперь нам Парижа не видать, да и Германии туманной, я так понимаю, тоже. А ты ведь только туда и рвешься. А мне не хочется уезжать, смотри, как тут все спокойно и красиво. Тишь да благодать. Когда-нибудь я тут навсегда поселюсь, и никакой Париж мне не нужен. Коли здесь родиться довелось так здесь и оставаться надо, — говорил Николай. Он злился, видя, что Иван совсем не слушает его советов и наставлений.

— Да она бы в ярость пришла, если бы я не ответил, а то ты не знаешь нашу матушку.

— Ты у нее любимчик, но подальше надо быть от ее любви и ненависти. Мы не успеем уследить, когда одна в другую перетекает. А конец всегда одинаковый, — розги, пока слуги ее не притомятся да не взмолятся о пощаде. Она их скорее пожалеет, чем нас.

— Не хочу я врать и притворяться. Не по душе мне такое. Спрашивает — отвечаю, как есть.

— Мало тебя на конюшне пороли. Ничего ты не усвоил, — тяжело вздохнул Николай

Они идут по темным аллеям в дальний угол парка. Все время хочется только одного — подальше уйти от дома

— Видел, как она на отца посмотрела? — вдруг спросил Иван.

— Ты весь в него. Он тоже врать не умеет, да и не хочет. Порой мне кажется, что ему нравится ее из себя выводить. Он словно мстит ей за что-то. Вот определенно мстит. Словно он холоп ее и женился не по своей воле, в чужое гнездо попал и вырваться из него хочет.

— За что же ему мстить? Она столько ему дала. Да если бы не она, где бы он был теперь? На какие деньги жил бы? Но гордыня порой берет верх над разумом. Вот тогда и хочется мир перевернуть, да как такое сделаешь?

— За что мстит, говоришь? А хватит ее удар, и он будет свободен наконец. Да и мы с тобой тоже. Вот о чем мечтать приходится. И не говори мне, что я в том виноват, что это я такой уродился, она нас сделала такими, бесценная наша матушка. Зря ты ее защищать собрался.

— Не копай яму на другого, тем более на матушку. Да и что нам с той свободой делать? Пусть она живет и правит, так с нас и спроса никакого, пока она жива. А потом ведь самим хозяйничать придется, но так как у нее все равно не получится, вот и останемся голодными да нищими, вместе с отцом.

— Да найдем что делать. Я на Аннушке женюсь сразу. И наследства она меня не лишит в тот же день. Ведь только это и останавливает, пока она жива. Но никакой другой жены мне не надо. И подальше от матушки быть, а с Аннушкой все время рядом.

— Это ты серьезно, женишься на камеристке? Иногда я понимаю нашу матушку, не зря она тебя невзлюбила. Да неужели о таком мечтать можно? — Иван возмущался искренне. Он и представить себе такого не мог.

— Ты мне просто завидуешь, потому что не было у тебя до сих пор никого. Откуда тебе знать, как это расчудесно бывает любить и быть любимым такой славной девицей. А вот когда заведешь себе Глашу или Марфушу, тогда и поймешь.

— А если и заведу, так прямо сразу и жениться? Нет, я никогда не женюсь. Не хочу быть на отца похожим, ироничным и глубоко несчастным, и бежать от жены, как от огня, ну что это за жизнь такая?

— А можно и не так, как отец. Он сам во всем виноват, боевой офицер, герой войны, выбрал себе барыню такую своевольную и жестокую. Ладно, пора домой. Мы ее не выбирали, но нам и достанется, на нас она зло и выместит. Все розги по ее велению холопы о наши спины сломают. А она будет смотреть и подливать масла в огонь, властью своей упиваясь.

Николай так тяжело вздохнул, что Иван невольно пожалел о том, что так доводил брата, ведь у него больше никого не осталось.

— Ты иди, а я тут побуду, воздухом подышу, на закат полюбуюсь, я один побыть хочу. Одиночество — это и есть счастье. Природа лечит все наши страсти и страдания.

— Какой ты романтик, братец. Но долго не задерживайся, я тебя искать не пойду, у меня свидание нынче. А это значительно приятнее, чем как волк по лесу рыскать. Да еще на волка и нарваться или на медведя

— Не задержусь, не бойся. Ты оглянуться не успеешь, как я уже буду дома, как же свидание с камеристкой пропустить. Только смотри, чтобы матушка ничего не узнала, а у нее везде глаза и уши.

— Не узнает, мы давно научились прятаться.

NoNoNoNoNoNo

Николай ушел. Иван еще долго любовался закатом. И вдруг он слышал вой волка, на небе появляется луна. Иван один остался на опушке леса. И это было уже совсем другое одиночество, настоящее, которое ему совсем не хотелось переживать.

— Зверь ли это или оборотень? Говорят, что если вытащить нож из пня и унести с собой, то он так волком и останется навсегда, и вернется, чтобы нож свой забрать. Как же жутко воет, словно беда какая случиться должна. Или домой меня загоняет? И на самом деле домой пора. Но как же идти не хочется. А ведь если матушка обнаружит, что меня нет дома, то сначала накажет тех, кто под руку попадется, а потом и мне достанется. Не стоит ее терпение испытывать, пойду, однако, пора.

Он торопливо шел в сторону усадьбы. Мелькает какая-то парочка, они укрылись в лесу.

— Счастливые, над ними нет такого Дамоклова меча, они могут делать, что им вздумается, вот если бы мне так жить. Да не будет этого никогда. Николай даже не скрывает, что он хочет освободиться от матушки. А мне и не хочется этого. Я знаю, что с ней плохо, но без нее будет еще хуже. Так жизнь устроена, то, что вчера казалось лихом, вдруг станет благом, как только что-то переменится. Не хочу я никаких перемен, пусть она живет и здравствует, и мы как-то с ней рядом проживем. Скоро в столицу переберемся, а там лучше будет, университет, библиотеки, вечеринки. Не будет же она меня все время при себе держать. Да и конюшни с розгами там нет, только здесь. Наладится все как-нибудь, а пока надо незаметно пробраться, да и поспать хорошенько — сон спасает от многих бед и невзгод.

Глава 3 Николай и Иван перед ужином

Октябрь, последние числа, ужин по поводу Дня рождения Ивана. Ему особенно тоскливо. Почти ничего в жизни не поменялось. И только мысли об отъезде немного согревают душу.

Но и отъезд затягивается. И так хочется, чтобы все закрутилось и завертелось поскорее.

— . Ну что, братец, сегодня твой день рождения. А я знаю, какой тебе подарок хочется. У меня дар ясновидения прорезался вдруг. И потом не говори, что я не угадал, — обратился к брату Николай

— Ты в мои письма заглядывал. Вот и весь твой чудесный дар.

— Заглядывал, врать не стану, да и без них ясно, что влюблен ты в нашу соседку Катеньку. Такого не скроешь. Еще как влюблен, не отпирайся даже. Лучше признайся сразу. Надеешься, что нынче она примет тебя, будет более благосклонна, чем всегда? Ты же ей написал о своем дне рождения.

— Надеюсь. Вчера она была так приветлива, сказала, что будет ждать после ужина на темной аллее сада. Как жаль, что их к нам пригласить нельзя. Это был бы лучший подарок, на разве матушка согласится? А ты не знаешь, почему она даже слышать о них не хочет?

— Этого только ты не наешь, — размышлял Николай, а вслух произнес:

— А ты попробуй, вот потеха будет. А то все такая тишина да покой, что не поймешь, на том мы свете или на этом. То ли жизнь, то ли сон. Хорошего скандала нам давно не хватало.

— Не пойму, почему матушка ничего о них слышать не хочет? Хотя других она принимает часто и обращается вовсе не так, как с нами. Они и не поверят, что со своими она такой становится

— Ты и правда не понимаешь, или только притворяешься?

— Да не лгу я никогда. На самом деле не знаю, какая черная кошка между ними пробежала. Вроде бы порядочные и милые люди наши соседи

— Не знаешь, так узнаешь, какие твои годы, — в голосе прозвучала ирония, — А когда узнаешь очень удивишься. Да что там удивишься, как бы тебя удар не хватил, и жизнь твоя не будет больше прежней.

— Ты, о чем, братец?

— Да так, мысли вслух. Всему свое время. Пошли, матушка нас уже заждалась. Может нынче ругать тебя не станет, это и ее праздник тоже. Но ведь будет и завтрашний день, а память у нее хорошая, слишком хорошая.

— Пошли, есть очень хочется, а там так вкусно пахнет.

— Хорошо наедайся. На такое свидание силы требуются и немалые

— . А тебе бы шутить все, насмешничать. Словно и не брат ты мне вовсе, а чужой человек

Слова и намеки Николая встревожили Ивана, только он ничего слышать не хотел пока, потому что оставался в неведении. Но тайное рано или поздно становится явным. Для него оно будет открыто очень быстро.

Глава 4 Ужин в Спасском

— Ну вот и явились, сынки мои дорогие, даже долго ждать не пришлось. С чего бы это? Завтра снег, наверняка выпадет.

— Исправляемся, матушка, а куда нам деваться. Да и проголодались мы с Иваном очень. Вот и торопились к столу.

— Сегодня вроде как ваш любимчик родился, я ничего не путаю? — обратился Сергей Николаевич к жене.

Она взглянула на него, как волк на овечку, не зная, как ему порезче ответить, если он позволяет себе такую дерзость, то пусть и получает по полной.

— Ничего не путаете, муж мой бесценный. Но не вы же его в муках рожал, тогда бы точно запомнили. А так ваше дело маленькое, вы мужи вообще беззаботные всегда, а все на женские плачи ложится.

— Давно это было, что октябрь тогда был помню, а вот числа путаются, прямо беда какая-то. Да и дни все одинаковые, ничего примечательного. Вы уж простите мою память хрупкую.

Парни смущенно переглянулись и начали вкушать ароматную пищу. Иван тайком посмотрел в сторону соседской усадьбы, он взволнован. От Николая не ускользнул этот взгляд. Он наклонился к брату и очень тихо произнес:

— Не торопись, поешь хорошо, вряд ли тебя там чем-то угостят кроме пустых обещаний.

— Перестань, тебе не хватает своих бед, мои еще решил добавить.

— А у меня все не так скверно, хотя, как сказать. Слух пройдет какой, и хуже твоего будет. Мы ведь все под присмотром остаемся. Недремлющее око, я бы так сказал.

— Вот к вечеру и узнаем, кто из нас был прав.

Варвара Петровна наконец обратила внимание на их разговоры, слов разобрать она не могла, но понимала, что говорят сыновья о чем-то важном.

— Это о чем вы там шепчитесь, опять что-то замышляете? Говорила же бабушка моя: маленькие дети, маленькие беды, а я не верила.

— Да так, договариваемся, куда после ужина пойти прогуляться.

— Если мне еще раз скажут куда ты гулял, смотри у меня, потом на себя пеняй. Ни копейки не получишь, будешь жить как Бог даст.

А что уже и по усадьбе нашей пройти нельзя? Мы дальше и не гуляем, благо усадьба большая, есть где прогуляться. Вам не о чем волноваться, матушка

— По нашей можно, но лучше за ее пределы не ходить, так целее будете сынки мои бесценные.

Варвара Петровна убеждала себя, что бояться ей нечего, но и покоя на душе не было все равно.

— Я то и не собирался, это Иван все на охоту ходит. А там разные звери попадают, могут и загрызть, если зазеваешься. Но ему с ними уютнее, чем с нами, он их совсем не боится.

— Николя, на брата — то не кивай, не знаю, куда он там ходит, а все твои похождения мне хорошо известны, да и не только мне, сама не знаю, почему терплю до сих пор.

Понять о чем она говорила было не так просто, спросить ее они никак не решились, вот и сидели молча, думая о том, как им получше спрятаться от глаз служанок матушки

Они переглядывались в тот вечер, но молчали. Все позабыли вовсе про Сергея Николаевича, а он равнодушно смотрел в одну точку, жевал пищу и ни о чем больше говорить не собирался. Вот уж точно свой среди чужих, а еще точнее, чужой среди своих.

Глава 5 Иван и Николай, а саду

Оказавшись вне стен дома, парни решили поговорить о главном о том, что матушка не должна была услышать

— Ты пойдешь к ней? Я специально матушку позлить хотел, хоть какое-то разнообразие, а то ведь и заснуть за столом можно, вот тогда буря и грянет. И найдут наши молодые и красивые тела под солнцем палящим.

— Конечно, пойду, сегодня или никогда. Пусть она все решит за нас двоих. Так все решиться, или счастье безмерное, или беда страшная. Но только не это ожидание бесконечное.

Николай размышлял, шагая по дорожке все дальше от дома.

— Бедный братец, ты еще и не ведаешь, с чем, а вернее, с кем столкнешься там. Но я предупреждать не стану, скажешь, что я против твоего счастья, что завидую тебе. Но таких легкомысленных барышень, как Катенька еще поискать надо, хотя похоже она влюблена не на шутку, только вовсе не в тебя, дорогой мой

— Почему ты так упорно молчишь? — не выдержал Иван, — Пойду, приведу себя в порядок, ведь нынче судьба моя решается как —никак

— Давай, давай, надеюсь тебе повезет больше чем ему.

— Ты о ком, братец?

— Да это я так, мало ли у нее там кавалеров разных, предупредить хочу, чтобы ты на многое не рассчитывал. Ты многого не хочешь замечать, а со стороны виднее. А она еще и поэтесса, ни одного ее стихотворения не читал, но ее кавалеры так восторгаются ее писаниной.

— Не надо меня утешать, а и так подставляю себя под матушкин гнев, но по-другому никак не получится. Она так мила, так легка и так прекрасна, что если я не буду нынче с ней, то сердце мое разорвется от горя. Не жить мне тогда, не дышать вовсе.

С этими словами Иван торопливо ушел, Николай остался один на той самой дорожке, ведущей куда-то во тьму.

— Оно разорвется от ярости, ну и от горя тоже, оттого, что ты там увидишь. Хотя, что оттягивать эти мгновения, не нынче так завтра ты это все равно узнаешь. Хотя удивительно то, что ты не знаешь этого до сих пор. Но всему свое время. И что я так переживаю? Мне все это даже выгодно. Моя Аннушка цела и невредимая, и я не виноват, что ты влюбился не в ту девицу. Но мне нужно не о тебе, а о себе подумать хорошенько. Ведь матушка и про меня что-то прознала. Если верить ее словам за ужином, то о себе мне надо думать и беспокоиться, а о нем Катенька позаботится.

NoNoNoNoNoNo

На пороге появлялась матушка, и Николай улизнул незаметно, встречаться с ней лишний раз ему совсем не хотелось. Она посмотрела ему в след и усмехнулась.

— Как они ускользать и прятаться научились. Ну точно неуловимые какие-то. Иван правдив и неуклюж, у него так не получится. А муж и Николая освоили эту науку, словно я им зла желаю. Неблагодарные, сколько бы волка не корми, он все в лес смотрит. И что не сидится и не живет спокойно на всем готовом? Так нет, им все чего —то надо необычного. Да и то сказать, в чужом саду яблоки всегда вкуснее, вот и носятся, как угорелые по чужим садам, и Ванечку за собой тащат.

Надо Анну подальше отправить, пока беды не случилось, потом придется локти кусать. Да жалко, где я еще такую ласковую да услужливую девку найду, они все вон какие строптивые. Хотя кто сказал, что черти водятся не в тихом омуте?

Ничего, я вечером с ней поговорю, и забудет она барского сына, найдет себе ровню. Но Никола ищет себе такую, чтобы управлять ей можно было. В меня пошел старший сынок. Вот и не можем мы с ним договориться и ужиться никак. А вот Иван куда лезет? И не посмотри, что тихий и послушный. Но барышню эту никуда не отправишь, она не моя холопка. Ославить можно, так разве я этого не делала, а многое ли изменилось. Никакого толку, она как собирала у себя всех, да в странные игры играла, так и продолжает играть.

Но ничего, он и без моей помощи от нее, как от чумы сбежит, как только самое главное узнает.

А ведь порой мне кажется, что все это мне только приснилось, и муж и сыновья. Жизнь ли это или не жизнь на самом деле?

Барыня грозно посмотрела в сторону соседей, махнула рукой и отправилась в свои покои, притомилась, надо передохнуть

Глава 6 Вечеринка у княжны

А между тем у княжны Екатерины собирались как обычно гости — старые и новые знакомые.

Екатерина, Иван, и несколько других гостей разговаривали, затевали какие-то игры. Вечеринка в соседней усадьбе была в разгаре. Шумные игры, разговоры, среди других, и Иван тихо сидел в сторонке и смотрел на девицу влюбленными глазами. А что еще ему оставалось делать. Он надеялся, что после письма она встретит его в одиночестве. Но Екатерина не собиралась нарушать своих привычных правил. Наконец он не выдержал и подошел к хозяйке.

— Хочу остаться с вами наедине, у меня разговор и письмо. Вы же обещали. вы мне в том не откажете нынче?

— Конечно, конечно, я обещала, а обещания надо исполнять, — усмехнулась Екатерина, подарив ему новую надежду.

— Вот и славно, я буду ждать с нетерпением нашей встречи.

Иван на седьмом небе от счастья, но в дверях появляется отец. Все стушевались. Екатерина смотрит на Сергея растерянно. На глазах появляются слезы то ли радости, то ли печали. Но сразу понятно, что оказался он тут не случайно, что она ждала его вторжения.

— Как здесь шумно и весело. позвольте старику побыть среди молодежи. Я и сам моложе кажусь в такие минуты

Он оглядывается по сторонам, словно кого-то ищет, и находит

— И мой сын тут, как удивительно. Что же младшего сюда привело?

Иван поднялся и бросился к двери. И в один миг ему стало понятно, о чем говорил Николай, но почему он только намекал и ничего не сказал конкретно, как он мог так его дурачить? А еще брат называется.

— Так вот о чем мне братец пытался сказать, вот почему матушка на дух не переносит своих соседей. А я ждал приглашения их в гости. Интересно, почему я оказался так слеп и глух. Но ведь этого не может быть. Он мой отец, он муж, он старик, и чтобы так открыто вести двойную жизнь, да еще у нас у всех под боком. Интересно, зачем, он явился нынче? Она наверняка рассказала ему про мои письма, и они оба смеялись над моей влюбленностью и наивностью. Он так любит ее, что и дня прожить не может? А что он скажет завтра за завтраком? Будет делать вид, что ничего не произошло?

Не в силах больше оставаться в том проклятом доме, он готов был бежать из этого дома, но что-то удерживало на крыльце. За его спиной появился отец.

NoNoNoNoNoNo

Иван понял, что он не сможет просто так уйти, здесь и сейчас он должен был с ним поговорить, чтобы не остановилось его сердце от ярости и боли.

Зачем вы сюда пришли, батюшка? Вы же знали, что я буду здесь. Николай вам об этом говорил, вы все слышали за обедом, тогда зачем?

— Да мне просто надоело прятаться и скрываться. Мне хотелось быть наконец разоблаченным, тем более, всем это давно известно, ну кроме тебя, может быть. Так сколько можно скрываться?

— А матушка тоже все ведает, и каково ей?

— Она замужем, она получила то, что хотела. Но даже она не может запретить мне любить и быть любимым, тебе может, а мне нет. И я буду делать то, что хочу. У нас с ней негласный уговор.

Иван страшно побледнел и потерял дар речи. Потом он все-таки пришел в себя. И стал слушать исповедь отца, такую, какой никогда прежде не слышал, и даже не представлял себе, что может услышать от него что-то подробное.

— Я женился на ней, но не собирался лишать себя единственной любви. Жизнь и без того коротка, а она сократит ее вдвое. Но чего только не сделаешь из-за проклятых денег, благополучия. И я оказался слаб, не хотел в нищете дни свои влачить, а тут Екатерина.

— Вы разведётесь с маман?

— Еще чего, не собирался, да и она не даст мне развод. Да и я сам не собирался. Где и как я буду жить, скажи мне, ведь у меня ни гроша за душой. Куда я приведу свою молодую жену?

Он был настолько откровенен, что это не укладывалось в голове, и впервые за все время, Иван полез за словом в карман.

Чудовищно. И это семейная жизнь? Ради этого стоит жить?

— Чаще всего да. Твой братец женится по любви, но будет вести нищенскую жизнь, а я так не хочу, потому не разведусь я, не бойся. Мы будем и дальше мучать друг друга до самой смерти, только смерть разлучит нас. Или ты нее слышал слова этой клятвы?

Отец так громко засмеялся, что все перевернулось внутри у сына. А тут еще пронзительно крикнул ворона над головой. Как же сокрушал его и подавлял такой крик. Страшнее был только вой волка в Лунную ночь.

— Мне страшно. И я понимаю матушку, ее можно понять, а вот вас я никогда не пойму. Но вы мой отец, а родителей не выбирают.

Иван развернулся и зашагал к дому, отец пошел в дом Екатерины.

Глава 7 Ярость влюбленного

Иван в гневе вернулся домой, рвет все письма и прячет дневники, чтобы матушка, или отец их не прочитали. Николай издали за ним наблюдая, понял, что ему все стало известно.

— А что случилось, почему так рано, у тебя же свидание было назначено. Думал еще искать тебя придется, а ты уже дома. И видно, что-то пошло не так, верно.

Нет, никакого свидания. Все девицы отвратительны, я не хочу с ними иметь ничего общего. Не напоминая мне о них, мне никто не нужен.

— А может ты просто не тех дев выбираешь, у тебя в голове все перепуталось. Но это пройдет, уж поверь мне. Не может не пройти, иначе как жить?

— А ты правильных выбираешь, скажи матушке о свадьбе со своей Аннушкой. Посмотрим, что она ответит, если не прибьет тебя своими руками.

— Скажу, и не отступлю, если она лишит меня наследства. Ведь судьба нашего отца мне не нужна. Я буду жить иначе, в любви и радости. И плевал я на ее деньги. А тебя не лишит, не бойся, ведь ты-то никогда не решишься идти против ее воли.

— Зато и нищим никогда не стану, это твоя участь, — с досадой произнес Иван и устыдился того, что сердился на брата, который ни в чем не был виноват.

Иван отправился к себе, и лежал до рассвета с открытыми глазами. Потом он начал думать более-менее спокойно, нельзя же все время пребывать в ужасе и страхе.

Что это было? Как там мог оказаться мой отец? Ну ладно он, но Екатерина, как она могла его принимать. Неужели есть такая страсть, которая не перед чем не останавливается?

Но почему это терпит матушка, и если верить брату, она с ним не разведётся, чтобы считаться замужней. Но ведь это отвратительно. Это еще хуже, чем быть одинокой. Или не хуже? Почему так странно устроен мир. Они еще так молоды, и он уже ждет ее смерти, чтобы стать богатым вдовцом.

Но Бог все видит, и зная о страстном его желании, он просто заберет его раньше. Я даже не сомневаюсь в этом. Он сам говорил, что она сокращает его жизнь, и продолжает так жить.

К рассвету Иван провалился в сон.

NoNoNoNoNo

— Во сне я была на дуэли. Дуэль с отцом, да что же это такое. Катенька кажется раздавленной лягушкой, но к лягушке легче прикоснуться, чем к ней теперь, да именно так. Но что ей мои прикосновения, она-то во сне только его и видит. Я конечно не буду стреляться, но я напишу обо всем этом, чтобы как-то избавиться от боли и страданий. Ничего, мы уедем в Москву, и в той суете все быстро забудется. Никогда больше я не хочу с ней встречаться, никогда.

В комнату вошел Николай

Ну что проснулся, герой — любовник. Для разочарованного ты крепко спал, мне уж разбудить тебя хотелось.

— Уходи, и без тебя тошно. А все, что мне остается — так только спать и видеть радужные сны

— И что ты теперь делать собрался? Поговори со мной, так легче будет. Всегда надо поговорить с кем-то близким, а ближе меня у тебя никого нет все одно.

— Да то же что и мудрец Гете делал в свое время. Он писал, что если бы не уселся творить «Страдания молодого Вертера», то умер бы или сошел с ума. И мы бы лишились великого писателя из-за какой-то странной девицы, кто там она была? Вот и мне только и остается описать свою первую любовь, да и забыть о ней навсегда. Ничего в этом мире не меняется.

— Ты решил писательством заняться, а не жить дальше, чтобы и отца и нас всех на весь мир ославить? Я многое ожидал услышать, но не такое. По-моему, это не только глупо, но и подло по отношению к близким.

— Для тебя главное тайные свидания и скандалы, а для меня сочинения. И это не самый худший способ жить.

— Даже не знаю, что страшнее, если матушка узрит твои сочинения, то тебе мало не покажется, будь осторожен. Она тебя любит больше, чем всех нас. Но от любви до ненависти у нее один шаг, особенно если это касается ее бесценного семейства. А ты ведь не о Наполеоне, а о нас писать собрался. Но лучше о нем, так безопаснее.

— Ты прав, сочинения могут быть опасны, но нет у меня никакого другого выбора. Я слишком молод, чтобы умереть от своих страданий. Думаю, это огорчит ее еще больше. Не для того же она всю душу и розги в меня вкладывала, чтобы вот так похоронить в цвете лет.

— Тогда сделай тайник, чтобы никто не смог до них добраться, и ключ всегда носи с собой.

— Неужели писания настолько страшны, что хуже бомбы любой?

— Они и есть бомба, а скорее ядро от Царь пушки

— Но ведь оно никогда не стреляло

— А твое выстрелит, да еще как выстрелит. Весь мир содрогнется.

Глава 8 Прощальный обед в усадьбе

— Вот и все, нам пора отправляться в Москву, хватит тут прохлаждаться, парням учиться надо, а нам в свет выходить. Там много чего интересного творится, а все без нас. Василий Андреевич давно зовет и ждет.

— Надо так надо, кто с вами поспорит. Но что вы так встревожены-то, словно конец света не за горами. Сон дурной приснился или письма пришли убийственные?

— Зато вы спокойный какой, хотя бы заглянули, чем сыновья заняты. Вот все дядюшку вспоминаю, уж как он обо мне заботился, царство ему небесное. А ведь мог бы отмахнуться, да и все. Не отец родной и не муж, но человек был с большой душой. Теперь таких не найдешь днем с огнем. Измельчал русский род, особенно мужья наши беспомощны совсем.

— А что смотреть —то. Мне это совсем не интересно. Вот уж простите, такой я уродился. Пусть они растут свободными, им и вашего воспитания хватает.

— А станет интересно, когда они вас, да и меня тоже ославят на весь мир, на весь свет. Ванечка-то наш писательством занялся. И ладно бы писал он про Зевса или Аполлона, так нет, он хочет, чтоб весь белый свет знал о наших бедах и несчастиях. Ради красного словца не пожалеет и отца родного, хотя тот заслужил вполне стать героем его романа, а меня —то позорить за что?

Иван распрямив спину и отставив тарелку в сторону, взглянул на родителей, словно старался понять, что же ему сказать и как на это все ответить.

— Я должен был это написать, хотя вам, милая маменька, этого не понять. А Зевс и Тезей не интересны, про них все давно написано. А наши люди, как вы их холопами называете, чудо как хороши, разве они не достойны того, чтобы на страницах моих Записок оставаться?

— Ну как же я могу понять твои первые порывы, а то, что ты отца и меня позоришь, это ничего страшного? И так сойдет. Я забрала твою писанину, и ни одна живая душа ее больше не увидит. Нам и Пушкина хватит, был у меня Василий Андреевич, рассказывал, что совсем с ним замаялся, что ни день то дуэль. А с него как с гуся вода, только старику приходится хлопотать да оправдывать его перед императором. Словно других дел у него нет. Но терпение того скоро лопнет, вот тогда гром и грянет. Да и другие литераторы не многим лучше. Мой сын будет серьезным делом заниматься, а не писательством никаким. А слушаешься, слова за тебя молвить не стану, оставайся в Сибири, там быстро научишься и Россию, и матушку любить

— Отдайте мне рукопись, вы не должны так поступать. Хотя ничего другого и ждать не стоило.

— И не подумаю, как только до камина доберусь, так и сгорит она ясным пламенем, дьявольское это наваждение

Варвара Петровна, крестясь, поднимается, из-за стола

— Дожились, дописались, и дернул тебя черт заняться этим делом. А ведь тебя она простит, а страдать нам с Николя придется, попомните мое слово. Вот Бог сына подарил, писателя, — возмущался Сергей Николаевич, до него наконец дошло, о чем говорит жена. И более того, он понял, о чем может быть его новое произведение

— Вы ни в чем не виноваты. Она вас беречь будет, муж все-таки

— Так если бы были виноваты, то с тобой бы тут не разговаривали.

— Но она не может все это уничтожить, есть же Бог на свете. У меня больше нет Записок, все в одном только экземпляре.

— Не только Бог, но дьявол есть, а он всегда ближе, чем Бог.

Глава 9 Иван в старом парке

После объяснения с матушкой, переполненный обидами и злостью, мысленно попросившийся с рукописью, Иван отправился в старый парк. Ему хотелось побыть одному и подумать, как жить дальше.

Матушка могла делать что угодно, он привык к ее розгам, но как она может запрещать ему писать, хотя бы на бумаге говорить о том, что было, оставлять какие-то записки о прожитых днях. Разве это было бунтом с его стороны? Он просто рассказывал истории о тех с кем встретился, беседовал, сидел у ночного костра.

Вот если бы он решился написать о недавних происшествиях в доме княжны. Но поднимется ли у него на такое рука? Да нет. конечно, это просто невинные житейские записки о времени и о людях, живущих рядом. Да, он считал крепостных людьми, но неужели это преступление. Матушка помнит декабрьский бунт, когда ему было всего семь лет, но разве это имеет какое-то отношение к тем событиям, он пишет жизнь, ее печали и радости во всех проявлениях, и только.

Размышления оборвались, когда появился Николай

— Что ты нос повесил, а я же тебя предупреждал. Это она еще очень тихая была, не знаю почему. Но кто же поймет, что у нее на уме, чего она от нас добиться хочет?

— Дай мне побыть одному, и без тебя тошно.

— А мог бы и спасибо сказать, братец. Да ладно, держи, заглянул я туда, хорошо написано, если бы это нашего семейства не касалось. Я прямо зачитался, нельзя такое творение сжигать. Если бы я так писать умел, то ни о каком наследстве и думать бы не стал, у тебя настоящий талант. Вот и пиши, да храни все, что написано, нельзя разбрасываться такими сочинениями. Вот до Москвы доберемся и в журнал передай, там напечатают точно

— Спасибо, братец, ты вернул то, что я считал утерянным. Сам бы я не решился в покои ее пробраться. Но если что, скажу, что это я сделал.

— Это всего лишь книжка, и ничего страшного я там не вижу. Ей обидно досадно, но ты даже душой не покривил, когда писал все это. И люди у нас и места замечательные, как о таком мире не писать. Вот это настоящее преступление и будет.

— Вы с матушкой мои первые читатели, забавно и печально все это. Надеюсь, что будут и другие. Вон Пушкина сам император читает, хотя не знаю, что хуже, матушка наша или Государь. Но ему это точно страшно не нравится.

— И не самые худшие читатели, согласись. Ведь это наша жизнь и страдания наши, а император что, может только слогом твоим да мастерском восхитится. Ты против него ничего не пишешь, так что винить ему тебя не за что. У него и без тебя заговорщиков хватает.

— Согласен. Ты и вовсе подвиг для литературы нашей совершил. Вряд ли я смог бы так написать снова. Это была бы совсем другая книга. Но я уже собирался сесть за новый вариант повести, бумагу и перья достал. Хорошо, что пока этого делать не надо. Прямо сердце успокоилось.

Так день, начинавшийся с больших разочарований и обид, закончился прекрасным возвращением к жизни, и главное, что рукопись оставалась в целости и сохранности, и появилась надежда на то, что он еще сможет пописать и подарить миру свои великолепные труды.

Глава 10 Муж и жена

На прощание Варвара Петровна обходила усадьбу и вспоминала и доброе, и печальные события, тут с ней происходившие.

На этот раз она чувствовала, что уезжают они надолго, и только к лету она вернется назад, если все будет хорошо. А ведь срок не малый, всякое случиться за это время может. Она отдавала распоряжения управляющему и требовала от него четкого исполнения всего, что она велела.

Он кивал в ответ, со всем соглашаясь, давно знал все, что она скадет, и все-таки прислушивался к каждому ее слову.

А отправив управляющего подальше, она шла к карете, размышляя:

— Мой сын, мой единственный сын, в которого я столько вложила, станет писакой. Какие-то, комедии писать начнет, в театрах пропадать, с актрисами романы крутить. что в мире творится. Мужа я спасти не смогу, но сына надо спасать, Шекспир новый родился, да еще в моей семье, нарочно не придумаешь.

Она уселась в карету рядом с мужем и продолжала сетовать на свою несчастную жизнь. Сергей Николаевич заговорил первым:

— Я что думаю, дорогая моя, может мне остаться, хозяйством заняться, за всем приглядывать. Все спокойнее будет, не верю я нашему управляющему

— Хозяйством? А когда вы им занимались —то? Знаю я каким собирался хозяйством заниматься. А мне там в траур облачиться, вдову из себя изображать при живом муже? Садитесь и забудьте об этой скверной девице. Сын родной нас еще успеет опозорить, описав старые ваши похождения, а вы уже за новые взяться хотите. Садитесь и забудьте эту бесстыжую. Как их только земля носит. У вас в Москве столько этих девок будет, но там хотя не так все это заметно. И смотрите, если я узнаю...

В тот самый момент лицо Катеньки мелькнуло в окне. Она повернулась к ней спиной и услышала только тяжелый вздох мужа.

— Да не нужен мне никто, кроме нее. Кажется, я влюбился, а что еще хуже, оказался однолюбом. А в столице жизнь пуста и бессмысленна. И ведь сюда не вырваться. Она говорила, что ее отдают замуж. Вот и конец красивой сказке. И можно было бы придумать хуже, да некуда. Кончилась жизнь, совсем она кончилась, ничего больше не будет никогда.

— Что это с мужем такое творится, совсем ополоумел муж мой верный и преданный. Но ничего у нас с ним будет равный счет. Уж отгуляюсь за все, и никто мне не указ. А он пусть живет как знает. А мне пора и о себе подумать, и пожить в свое удовольствие.

NoNoNoNoNo

В Московском доме было уютно и красиво, отдохнув после дороги и приведя себя в порядок все собрались за ужином. Надо было как-то торжественно отметить этот переезд, почти переселение из одного мира в другой. И если для Варвары Петровны это было делом почти обычным, то для сыновей ее стало настоящим событием, значимым и очень важным.

Тревоги и волнения оставались где-то позади, хотя и впереди было много, очень много всего. И чтобы это пережить и прочувствовать, надо было хорошо подкрепиться.

— А куда наш студент пропал? Ждали его, ждали да так и не дождались. Слишком много себе позволяет, заставляет всех ждать.

— Да в библиотеке он, если не на лекциях, книжек гору прочитал, жизни радуется, разве вы не этого желали?

— Я его с Дунькой застала, и так они беседовали, что думала разрыдаюсь я от умиления, еле сдержалась.

— Так сами все говорите, что взрослый он стал, а значит не только книжки его должны волновать, но кое-что еще, чем-плохо-то? Вот если бы он девицами не интересовался, тогда можно было бы тревожиться. А пока все нормально у нас тут, как я погляжу. Мне бы его годы и его возможности.

— Но только один вон уже на холопке женился, ничто его не испугало, и этот туда же. Хотя есть кому им пример показывать.

— Этот туда не пойдет, не бойся, он слишком роскошь любит, и против твоей воли не пойдет ни за что, уж мне ли своего сына не знать?

— Пойдет не пойдет, а скандалу натворит. У них же в такие годы только одно на уме. Если, и старики туда же, то, что о молодых говорить. А приличные девицы их не интересуют, им куртизанок подавай, актрис да поэтесс, так и развлекаются.

Сергей Николаевич молчал, но про себя подумал:

— Катенька замуж выходит, письмо было оттуда. Она думает, что я все брошу, к ней приеду и уведу ее из-под венца. Да куда уж мне на такое решиться. Нет, я даже не нашёл, что ей ответить. Счастья пожелать или попрощаться навсегда, и то и другое невыносимо. Думал в Москве все пройдет, все позабудется. А ничего не проходит и не забывается. Жить тошно было с ней рядом, а без нее совсем невыносимо

— Да вы слушаете меня, или спите за столом? — возмутилась Варвара Петровна, она так и не могла привыкнуть к том, что муж ее все время витает где-то в облаках и на землю спуститься никак не желает.

Но только махнул рукой Сергей Николаевич и ничего больше не сказал, не было у него никаких слов, да и любые слова она по-своему истолкует, так что лучше уж и вовсе молчать, так спокойнее будет.

Глава 11 Опоздавший

Иван понимал, что он опаздывал к столу, и представлял, что ему за это может быть, но не торопился все равно. Что-то в душе его взбунтовалось против всего происходящего, и после спасения рукописи он стался уверить себя, что не так страшна матушка, как может показаться, и значит надо хоть немного расслабить те путы, которые сковывали его и порой не давали дышать.

Наверное, столичная вольность не давала ему возможности стать таких тихим и безгласным, каким он был прежде.

— Прошу прощения за опоздание, матушка, лекция затянулась, никак уйти не мог, очень уж интересно было дослушать до конца.

— Лекция? А не к братцу ли своему ты заходил? Деньги ему передавал поди? Узнаю, больше ничего не получишь, пешком ходить будешь. Он решил на холопке жениться, вот пусть по —холопски и живет. Да и ты подумай, стоит ли твоя Дунька того. Отец говорит, что ты к роскоши привык, так как у Николая, у тебя не получится все равно, так что хорошо подумай прежде, чем в болото любви прыгать соберешься.

Иван вздрогнул, ему казалось, что она ничего не знает и не ведает, но ей заранее все известно. Отец усмехнулся, на него глядя. Словно просил прощение за то, что он выдал страшную тайну. А ведь никакой тайны и не было. Просто он рассказал о том, что будет, чем сердце успокоится у ее любимого сына

— Вам не о чем волноваться, матушка, я таких глупостей не совершу.

— Вот только на это и осталась надежда. Но я ее на всякий случай назад отправлю. Тебе учиться надо, а не к белошвейкам бегать. Ты же писательством заниматься собрался, вот и пиши о лютой матушке-злодейке, которая шагу ступить не дает. Читать и рыдать будут все девицы. Так и прославишься, глядишь.

— Да нет, новый роман или рассказ совсем о другом. Не стану я о вас писать, не бойтесь. Может быть когда-нибудь потом.

— Думаешь с того света тебя не достану? А это мы еще посмотрим и почитаем. Кстати, героиня твоего первого романа замуж выходит. Воровать ее из-под венца ты ведь не станешь? Про это Пушкин уже написал, а стоит ли повторяться. Но и там она с постылым мужем осталась, а героя отправила подальше.

— Конечно не стану, ведь я не Пушкин, я другой. Да и воровать таких девиц, себе дороже. Вам нечего бояться.

Говорил Иван твердо и уверенно, не было причины не верить ему. Уж врать он точно не умел и не любил.

— Хорошо заговорил, правильно, отваги у тебя не много, так хоть мозгами бог не обидел, весь в меня пошел, и то радость.

Вроде бы все сказали, больше говорить было не о чем, они снова приступили к вкушению ароматных пирогов, и прочего, теперь каждый думал о своем.

Иван же твердо решил пробраться к белошвейке, которую барыня сначала называла Парашей, а теперь Дунькой — и это было в ее власти

Глава 12 Свидание с белошвейкой

Девушка сияла от счастья, уверенная, что он сделает ей предложение, как случилось со страшным братом. Это и было пределом ее мечтаний, когда она решилась на связь с любимым сыном барыни.

— А что ты сегодня такой печальный, случилось что? — девушка почувствовала какую-то затаенную печаль.

— Матушка, как всегда все узнала раньше всех о наших с тобой свиданиях. Ругалась припомнила все грехи, женитьбу Николая. Грозится тебя к родителям отправить.

— Вот значит, как, а я думала, что ты как брат твой поступишь. У него духу хватило жить с той, которую любит. Чем же ты хуже, чем он?

— Видел я брата, жалкое зрелище. Он старается, что —то делает, жизнь устраивает, но лучше в омут, чем такая жизнь. Передал ему немного денег. Но она предупредила, что если узнает, то и на извозчика я не получу больше, пешком ходить буду. Иногда мне кажется, что она все видит и все знает наперед.

— Пешком ходить полезно, зато брату помог, вы же родные люди.

— Да ты хоть представляешь, как велика Москва. Да ладно пешком, а в обносках в университете я появляется не могу. У матушки денег куры не клюют, а я буду в старом костюме там появляться, засмеют. Даже те, у кого денег нет, голодают, но костюмы стараются покупать дорогие и красивые. Это же совсем другой мир. А что мне без образования делать?

— Извозчик, костюм, не любишь ты меня совсем, Ванечка. Видно ошиблась я, поиграешь и бросишь. Хотя все меня о том и предупреждали, а я все никак поверить не могла, что так будет.

— Если бы не любил, не стал бы так рисковать, но и жизнь я тоже люблю. И никак одно с другим не вяжется. Да и Николай помыкается и домой прибежит, к хорошему быстро привыкаешь. А потом отвыкать тяжело.

— Не прибежит, он совсем из другого теста. Он точно не прибежит. Я как увидела его, так сразу поняла, что жене его повезло. Но и ты подумай хорошенько, может не все так страшно.

— Может из другого теста сделан, но я есть я. Другим я не стану в этой жизни точно. Батюшка хандрит, разлучили его с той девицей, я тебе рассказывал, а матушка только издевается над нами над всеми. Она и сама любви не дождалась, и считает, что и другим ее иметь не стоит.

— Ладно, давай не думать о грядущем. Пока мы вместе, и так хорошо, а завтра, да что завтра, как будет, так и будет.

Но вовсе не такой была на этот раз его возлюбленная, и в первый раз в общении с ней он почувствовал страшную вину, и решил, что ничего такого лучше не переживать и не испытывать. А значит с девицей придется расстаться и забыть к ней дорогу.

— Она не надеется, что я ее защитить смогу от расправы матушки. Скверно, когда девицы тебя слабаком считают. Но от правды не уйти и не скрыться. Но она права, жить надо вот такими минутами и не заглядывать вперед.

Глава 13 Тревожные дни и часы

Иван так увлекся учебой, что не сразу заметил, в их богатом и пышном доме что-то творится странное.

Впрочем так всегда там и было, но тут еще что-то особенное творилось, словно девица с косой прошла по полутемным коридорам и просторным комнатам и какие —то свои отметки везде оставила.

Он не сразу заметил, что они почти не виделись с отцом. И в это утро решил к нему заглянуть на минутку.

— Добрый день, батюшка, говорят, вы не поднимались нынче, что стряслось? Я даже не поверил, когда Марфа мне сказала о том. Но вижу, что не соврала.

— Совсем худо мне, сынок. Хотел подняться да не могу, Матушка за доктором послала, да что они понимают во всех болезнях наших. Не поможет тут никакой доктор, просто силы меня оставили совсем.

— Но вы не сдавайтесь, лечиться надо. Вы же не древний старик. Походите немного, от того, что лежишь все время, легче не станет. Надо двигаться, обязательно надо двигаться.

— Да хуже любого старика. Я старался держаться до лета, чтобы снова ее увидеть. А раз она выходит замуж, то и лето мне никакое не нужно, и там делать нечего, и тут нечего. Как меня семейная жизнь быстро в могилу загонит, но сам виноват, что тут сказать.

— Не думал я, что все так серьезно, он потерял смысл жизни, да было бы из-за кого. Но любовь не только окрыляет, как Николай говорит, она порой убивает. И эта Катенька свела его в могилу, а матушка помогла, — размышлял Иван с тоской глядя на отца, от злости, ярости больше не оставалось и следа.

— Ты, когда ее увидишь там, скажи, что я ее любил, только ее одну. Никто больше так не задел сердце мое, что оно остановиться готово.

— Не хочу я с ней разговаривать, много чести. Сколько она нам всем бед причинила, окаянная

— Не хочешь и не надо, но письмо передай. Я перед ней очень виноват. Она ждала, что я, как Дубровский, действовать буду, а такие, наверное, только в книжках бывают. Да может Пушкин бы так же поступила, я не ее герой, и не герой романа — это точно.

— И все-таки вы не отчаивайтесь, все может перемениться в один миг.

— Для тебя да, но не для меня. Будешь у Николая, скажи, чтобы он зашел, когда ее дома не будет. Поговорить с ним хочу, денег немного ему передам, он у нас оказался не из робкого десятка, вон каких дел наворотил. Остается только молча завидовать.

К комнате подошла почти бесшумно Варвара Петровна. Иван быстро разворачивается и уходит. Ему не хочется, чтобы маткушка знала, о чем они тут говорили с отцом.

— Что заговор тут устроили? Никак вас одних оставить нельзя.

Да поздно гневаться, барыня, с кровати подняться не могу, что уж теперь —то счета сводить.

— Ничего, доктор Берс скоро будет. Так просто и так быстро вы от меня не сбежите. Он свое дело знает. И вас вылечит.

— Ну девица с косой не в вашей власти, она всегда побеждает нас всех. А мне жизнь давно не мила, так что для нее я легкая добыча. А доктора могу вылечить только тех, кто жить хочет, сопротивляется, да и то не всех.

— Похоже он не притворяется, актер —то он всегда был никудышный. Но деньги творят чудеса, а большие деньги большие чудеса. Что —то вдовой мне становиться так быстро совсем не хочется. Вряд ли я еще такого мужа себе найду. Да прав он, с той девицей не поспоришь,

мы все в ее власти. Но пусть доктор свой приговор вынесет. А то будут говорить, что даже доктора не позвала.

Что оставалось делать? Барыня перекрестила мужа и ушла. Надо дожидаться доктора и спросить у него как все обстоит на самом деле. Ведь он молод, да и боевой офицер, разве может быть такое, чтобы вот так быстро оставил всех и растворился в метели?

— . Как ей не нравится, когда все не по ее милости случается. И не нужен я ей вроде, но и отпускать не хочется, вот где собака на сене. Так и с любимым ее Ванечкой будет, бедный он бедный. За Николая я спокоен, тот крепко на ногах стоит, а денег ему на первое время хватит, а вот маменькин любимчик будет гнуться да сгибаться, но против воли ее точно не пойдет, она его для себя родила, при себе и оставит. А когда отпустить захочет, то поздно будет метаться, жизнь уже и пройдет вся без остатка.

Глава 14 Барыня в трауре

Варвара Петровна стала вдовой в очень короткий срок, ее муж с постели так и не поднялся, а знаменитый доктор только развел руками, и на самом деле нельзя вылечить того, кто не хочет жить.

Николай жил отдельно. Варвара Петровна оставалась вдвоем с сыном, так и встретили они новую жизнь.

— Ну вот мы с тобой вдвоем остались. Дуньку твою я тоже к родителям отправила, как и обещала, нечего ей тут делать. Пусть замуж выходит, хватит ей тут прохлаждаться. Поиграли в любовь и довольно. Жениться ты на ней все равно не женишься, а что девке голову морочить?

— А как же Николай, он ведь тоже твой сын. А его будто и нет у тебя

— И знать его не желаю, пусть живет как хочет и как может, если мать слушаться не собирается. Там говорят, что отец твой яду принял. Так не правда это, пусть даже думать так не смеют. Болен он был, и доктор подтвердит это. Никакого яда никто ему не давал. И мне с ним было легче, чем без него. Любые деньги бы отдала, чтобы на ноги встал, да пожил еще хоть годков десять, ведь молодой совсем.

— Да пусть говорят, что хотят, мы с вами знаем правду. А говорить им все равно не запретишь, это и есть высший свет, куда вы так стремились, одна суета да сплетни.

— Поговорят и забудут. Не хотел жить, кто ж его заставит, но для тебя он был отцом и останется. А я проживу как-нибудь. И от света нам с тобой никуда не деться.

Иван погрузился в размышления.

— Те, кто это говорят, не так далеки от истины. Да с чего бы вдруг помереть от болезни, такому молодому и не бедному человеку? А если и была у него болезнь, то вовсе не от недуга какого, а от неразделенной любви и полной невозможности счастья человеческого он так быстро ушел от нас. Да и что за жизнь без любви? Я перед Дуней виноват. Но что хорошее ждало ее рядом со мной и с матушкой? А так забудет, да с мужем своим счастлива будет, еще спасибо скажет.

И Варвару Петровну мучали свои сомнения странные.

— Ладно отец, его уже не вернешь, но почему он так спокойно отнесся к изгнанию Дуньки? Видать совсем он ее не любил или просто не способен мне противиться? Как —то скверно этого для такого молодого и дородного парня, внешне кажется и горы своротит, а как копнуть, так и ни на что не способен. Дунька беременна, потому и нельзя ее здесь дольше держать, но ему знать это совсем не обязательно. А то тоже подвиги совершать броситься. Когда родится ребенок, я его заберу, пусть у меня остается, все-таки внук родной и единственный. Не дай бог, если девка родится, что тогда делать с ней? Ума не приложу. Интересно, о чем он думает? Только кажется, что я все о них знаю, а ведь ничего мне не ведомо.

Так в молчании ужин и закончился. Она только с ужасом подумала о том, что если Иван куда соберется, а он соберется, то совсем одна она за этим огромным столом куковать будет.

Глава 15 Встреча братьев

Чтобы не вызывать гнева и новых раздражений, Иван тайком зашел к брату на его съемную квартиру. Очень не хватало Николая в большом и уютном доме.

Что-то сжалось в душе младшего брата, когда он увидел ту обстановку, в которой оказался Николай и все из-за свои капризов.

— Ну вот и добрался до тебя. От матушки так просто не ускользнуть, она заранее все знает. Но иногда и ее обмануть можно. Жизнь чему только не научит, а не хочешь учиться — заставит,

— С нею многому можно научиться, а помнишь ты говорил, что врать и лукавить никогда не будешь?

— Так ради ее спокойствия. Если она знать будет, злиться, так и ее удар хватит, тогда мы с тобой совсем сиротами будем.

— Не бойся, она еще на похоронах наших простынет, такие долго живут, и ничего с ними не делается.

— Да пусть живет, пусть и нас похоронит, а то и хоронить некому будет. В последние дни с отцом она переменялась, не узнать даже. Почувствовала, что ничего в жизни хорошего не было. Жаль, что раскаянье поздно наступило.

— Но на похоронах его не была. Не странно ли это? Все ее приятели, и родичи чего только не говорил, — вдруг вспомнил Николай, словно старался в чем-то упрекнуть матушку.

— Не хотела она безутешную вдову разыгрывать, вот и удалилась на время, пока все это закончится. Да и корила она его за то, что он взял и помер и на нее тень бросил, а злые языки страшнее пистолета, — мы говорили с ней вчера об этом, мог бы и не так быстро уходить.

— И ты новую пьесу смотрел. Ой, Иван, не играй с огнем, император запретил ее ставить, и все списки велел уничтожить. Потом неприятностей не оберёшься. А ты у меня один остался. Матушка не в счет, она меня не видеть, ни знать не хочет и от своего не отступится.

— Но ты ведь знал, что шел, жаловаться не на кого.

— Я-то знал, а твою Дунечку отправили к родителям. Ты и слова не сказал.

— А что говорить, только хуже будет. Но кажется даже она удивилась, так посмотрела, словно я дом ее спалил.

— Она испытать тебя хотела, ты прошел испытание, все достойно выдержал. Верным сыном остался. Но за девицу все-таки обидно очень.

— А ей без меня лучше будет. Ты же сам это понимаешь, но все равно решил поиздеваться. Я в Париж хочу, а куда я ее с собой повезу? Не знает она такой жизни и никогда к ней не привыкнет. Рыдать будет, домой проситься, возненавидит всех, и меня в первую очередь

Заботливый какой, да только о себе ты заботишься, о своем спокойствии и благополучии. Ей там и правда лучше будет. Да и вообще, все, что происходит — все к лучшему. Пиши свои романы, их читает даже наша матушка, а там и до императора дело дойдет. Посмотрим, кто из нас окажется прав.

Глава 16 Петербург. Театр, Полина

Как и почему он в тот момент оказался в театре, сказать трудно. Пошел скорее от скуки и там ее и увидел в один миг.

— Я погиб, с первой ноты, с первого звука я у ее ног, и не будет мне спасения. Никогда бы не подумал, что со мной такое случится может, но вот ведь, произошло, — рассказывал он Николаю, задыхаясь от восторга и трепетной нежности.

— Спасибо, что ты вывел меня в свет. Она великолепна, но она божество, и она замужем. Хотя для тебя это, по-моему, в самый раз, ведь ты не собираешься жениться. Легче жить на краю чужого гнезда. Я сразу понял, что с тобой что-то подобное случится. А тут еще эта певунья.

— Да как ты так можешь говорить? Это же искусство. Мы слышим ангельское пенье. Я умру, если не познакомлюсь с ней, не паду к ее ногам. Для меня просто не будет жизни никакой.

— Я вижу его таким в первый раз. Неужели искусство может убить такого богатыря, как мой братец? Какая же у него должна быть сила?

Николай незаметно ушел. Он не хотел, чтобы матушка его увидела, и чтобы Ивану попало за то, что он привел его в театр. Сам бы он не смог такую сумму на билет выделить, это разочарование какое-то. Иван пробрался в гримерку. Полина улыбнулась и стала присматриваться к русскому богатырю. Потом она так и рассказывала, что он ввалился, как медведь и закрыл собой окном и весь белый свет. В комнате сразу стало темно. Но с ним не нужно было света.

— Вы должны побывает у нас. И я все покажу, это удивительные места. Кроме столицы у нас есть чудные уголки. Там голос ваш будет звучать иначе, он достанет до небес. И не вздумайте отказываться, я этого не потерплю.

— А это удобно? Мне бы очень этого хотелось.

— Вот и прекрасно. Я буду вас ждать с нетерпением, да хоть завтра

— Мы с мужем навестим вас непременно. Если не в этот раз, то в другой. Сейчас очень много всего, я и вздохнуть не могу.

Он убежал в карету, где давно его ждал Николай и напевает на ходу

— Вижу, она согласилась погостить в Спасском, иначе ты бы не был так восторжен и весел. Но этого не случится, матушке она явно не понравилась, ты поговори сначала с ней.

— Она согласилась, ты прав, братец. Жаль, что тебя с нами не будет. Когда еще услышишь ангельское пенье в нашей усадьбе.

— Ты стал бесстрашен и перестал бояться матушки? Думаешь, она остановится перед твоей богиней. Вкус у нее есть, конечно, пение она оценит. Но любой увидит, что ты влюблен и потерял голову. А вот этого она не потерпит, точно.

— Да какая разница, что она предпримет, перед Полиной она скандалить не станет, а потом я вырвусь в Париж. И буду рядом с ней столько, сколько она позволит. А матушка до меня не достанет.

— Наивный, да она где хочешь достанет. Хорошо, если она меня в театре не видела, а то готовься получить разнос и за эти шалости свои. Но даже если видела, она забудет, твоя певица затмит все.

— Да мне теперь море по колено, я влюблен и счастлив, я тучи могу разогнать руками

— Надеюсь, что это так. Только счастье всегда мимолетно.

Глава 17 Варвара Петровна и Иван

Матушка ждала Ивана и внимательно следила за всем, что творится вокруг, она заметила Николая и поняла, как он тут оказался, но когда Иван задерживался, это позабылось, что-то подсказывало ей, что он удалился к цыганке, так она окрестила ее в тот момент

Наконец, Иван появился, но это расстроило ее еще больше, худшие опасения оправдались в точности.

— А что это ты такой счастливый? В театре был, слышал эту наглуую цыганку из Парижа и совсем голову потерял? Хорошо, что меня там не было, доктор заехал, а потом Василий Андреевич, решила, что без меня обойдутся не велика потеря.

Она явно лукавила не хотела показать, что была в театре, но Иван пропустил все это мимо ушей.

— Велика, матушка. Ее надо слышать, потому я и пригласил Полину к нам погостить. Петербург Петербургом, а побывать в имении в глубинке, это совсем другое. Вот и услышишь, как она поет.

— Слышать ничего не хочу, тебе мало твоего отца, теперь еще эта проклятая цыганка, ты хочешь свести меня в могилу? Выбирай, или я или она. Хочешь встречаться с ней, встречайся в Париже, здесь, но не в нашем имении.

— Ты можешь здесь оставаться, если так настроена, но мы отправимся погостить в Спаское. Я сам ее позвал, не могу же теперь отказать. Да и не хочу вовсе.

Но в глубине души Иван понимал, что свидание, такое долгожданное и желанное не состоится. Матушка устроит что-нибудь такое, что Полина потом и знать его не захочет. Они чем-то были очень похожи, и оставаться ему между двух огней совсем не хотелось.

Она уже хотела пойти на попятную, сказать, что и ей туда давно пора, и что врагов надо знать в лицо. А то она и так пропустила слишком многое, потом расхлебывай.

Но Иван не настаивал, не просил, не предлагал, и ей пришлось остановиться на своем запрете.

— Пусть будет в другой раз, но тебе надо познакомиться с ангельским пением Полины. Такого нельзя пропустить.

— Как заговорил то, присушила она его, намертво присушила,

А ведь страшна, как сто чертей, горбата, лягушек ест ведрами. Так может потому и завожила, у нас таких девиц днем с огнем не отыскать. Но им все из Парижу подавай. Уж лучше бы на белошвейку согласилась, да поздно после драки кулаками махать, сама во всем виновата. Пока беда отошла в сторону, но надолго ли такое случилось? Судьба испытывает нас жестко, и придется все это пережить.

Она тогда все еще не знала и не думала, что переживать это придется до последней минуты ее жизни. Нет, так далеко Варвара Петровна не загадывала

Глава 18 Первый сон Варвары Петровны

И снилась Варваре Петровне Усадьба. Лунная ночь. Рояль, гости, пение Полины. Полина и Иван, Варвара Петровна где-то вдалеке беседует с кем-то из соседей. Полина поет

— Распелась змея подколотная. А мой-то Ванька растворился в ней, того и гляди, что упадет и помрет, глазом не моргнув. Но откуда она взялась, как они могли встретиться, ума не приложу

— Впервые у нас в усадьба ангельское пенье, этого только глухой слышать не может. А песня летит высоко-высоко в небеса и тает где-то вдали, какая прелесть, какая благодать.

— Да лучше быть глухим, чем все это слышать, и видеть. Можно ли так прогибаться перед этой проклятой цыганкой. Заворожила она всех тут, точно заморозила. Но меня ей не одолеть.

— Это не в вашей власти, матушка. Красота и музыка вечна, а нам только слушать и наслаждаться и остается.

Он уходит и подводит Полину к матери. Они стоят и светятся от счастья оба. Неужели и она любит или просто хочет увести ее сына?

— Матушка, это наша гостья, прошу любить и жаловать, никто нам не доставлял такого наслаждения. И какое счастье, что она с нами. Если бы можно было сделать, чтобы встреча длилась вечно, чтобы все так и было, как в этот вечер

— А как же та, которая померла при родах, как там ее звали, не могу вспомнить. Кто же о ней целую повесть написал, а тут уж роман наверняка будет или драма, вот почитаем, зима долгая. Так по мне лучше та, чем эта. Казалось хуже и некуда, а вот ведь и хуже быть может, значительно хуже, да как бы знать заранее.

— Значит умерла Екатерина. Почти в одно время с батюшкой, они слово договорились, или правда жить друг без друга не могли. Надо сжечь письмо, которое он мне для нее передавал, а то вдруг матушка увидит. Он там сам ей все сказал при встрече и без этого письма. Да уж новости так новости. А кто бы мог подумать, такая молодая, значит при родах умерла. Вот зол я был на нее, но вся злость прошла мигом, царствие им небесное обоим, может там будут счастливы, коли здесь ничего не получилось.

Варвара Петровна и Полина стоят в стороне от него. Он смотрит на них и видит, что они очень похожи.

— Вы хорошо поете, голубушка, очень хорошо, с этим не поспоришь. Все заслушались, даже я, врать не буду.

— Я рада, что вам понравилось, Иван говорил, что душой кривить вы не станете, скажете все как есть.

— Конечно не стану, скажу прямо — вы не получите моего сына, как бы хорошо не пели. Он только мой и никому его не отдам, а уж вам тем более. Можете не улыбаться так притворно, я вас вижу насквозь.

— Да я никого и не увожу, о чем вы говорите. У меня есть муж и дети, и я удачно вышла замуж. Вам не о чем волноваться, дорогая Варвара Петровна.

— Значит он все время будет на краю чужого гнезда, лучше отпустите его по-хорошему. Мой сын должен быть счастлив, я все для этого сделаю. Но без вашего участия, без вашего Парижа. У него есть свой дом, Спасское, нечего ему по Парижам за вами бродить и напрасно ждать милости.

— Она все для этого сделает, кто бы сомневался. Бедный Иван, он такой добрый, славный, но как ему жить с такой матушкой? Но она заставляет меня включиться в борьбу за него хотя бы ради его счастья и таланта, говорят, он очень талантлив. А коли так, то мы еще посмотрим, где и с кем он будет, с ней или со мной.

— Гости дорогие, проходите к столу, а то ужин стынет, а девицы мои старались. Лягушек у нас нет, привезти из Парижа не успели, но чем богаты, тем и рады. Прошу вас к столам, когда такие гости с нами, грех их голодом морить. Потом греха не оберёшься.

— Не сердитесь на матушку, она бывает слишком резка и откровенна, но у нее доброе сердце. И она вовсе не такая коварная, какой кажется на первый взгляд.

— Ну как я могу сердиться, такая добродушная хозяйка, и гостей вон сколько собралось. Вам не о чем волноваться, Иван. (притворно улыбаясь.) Здесь все замечательно, мне все очень нравится.

Глава 18 Второй сон Варвары Петровны

Ужин закончился, гости разбрелись про сад и парк. Иван спешит на свидание — беседка в темной аллее. Туда приходит и Полина чуть позднее. Ей давно хочется поговорит с ним наедине

— Если бы вы знали, как дороги мне. Я ни есть, ни пить, ни спать не могу, все мои мысли о вас, ангел мой, только о вас. Без вас жизнь моя пуста и никчемна. С первой минуты нашей встречи и до последнего вздоха я буду рядом с вами всегда. Я уродился однолюбом и другим мне уже не стать.

— Но вы же знаете, что я замужем, у меня прекрасный муж, дети, я не смогу их оставить даже ради самой большой любви на свете. Я хочу вас сразу о том предупредить, дорогой Иван.

— Да как не знать, я с вашим мужем познакомился раньше, чем с вами. Но вот только увидел вас, только услышал, и понял, что не жить мне без вас. Я теперь хорошо понимаю отца, почему он умер без своей Катеньки. Вероятно, он ее на самом деле любил больше жизни

— А если бы я не была замужем, вы бы женились бы на мне, Иван. Давайте на миг представим, что я свободна от всех уз, вы бы повели меня под венец?

Иван молчал, напряженно, потеряв дар речи. Он хочет и не может сказать хоть что-то. Сгорают в огне, тонет, но ничего не говорит. Тогда Полина звонко рассмеялась.

— Вот видите, друг мой, молчите и тогда мне пришлось бы уйти в монастырь. А мне совсем не хочется туда отправляться. Это точно не для меня такая жизнь. Бедные девицы, как им тяжело порой бывает вот с такими мужчинами. Я вас кажется люблю, и чувствую, что буду любить всегда, но не хочу с вами свою жизнь связывать. Это слишком хлопотно и утомительно. И положение в обществе, мы же все от него зависим, что было бы с вашей возлюбленной? Вы о том даже не задумываетесь.

— Но не прогоняет меня, ангел мой, Полина без вас мне нет жизни, нет и не будет.

На лице Полины грустная усмешка разочарования.

— Хорошо, что мы не встретились раньше, а теперь у меня все прекрасно, и монастырь пока отменяется, А может быть не монастырь? Я слышала вчера легенду о сгоревшей невесте вашего друга. Он кажется поэт, говорят, хороший поэт. Там и правда случилась беда или это только страшная сказка?

— Да, так было. Теперь об этом все рассказывают. Но он не мог жениться, у него совсем не было денег, и положение в обществе двойственное. Тогда он был незаконнорожденным, лишенным всех прав. А у девушки не было приданного. Никакой возможности быть вместе.

— Бедняга, мне очень жаль. Но у вас все это в достатке и деньги и приложение, а ваша невеста тоже могла сгореть от разочарования и досады. Наверное, главное все-таки не состояние, а что-то иное чего вы не можете им дать. Русские мужчины такие добрые и красивые, но они, как бы это сказать, бесхарактерные. А кто же должен принимать решение? Не жены же их.

— Но ведь этого с вами не случится. Мы будем жить долго и счастливо и умрем в один день, в Париже, в Москве, да где пожелаете.

— Загадочная русская душа, и бедные ваши невесты и жены. Пошлите к гостям, Варвара Петровна ждет, мне не хочется опаздывать. Она ведь может быть сурова и не потерпит неуважения к себе

— А уж как мне не хочется туда возвращаться, кто бы это знал

Над головой пронзительно прокричала ворона. Полина посмотрела на дерево удивленно, а Иван невольно вздрогнул. Ничего хорошего в таком крике никогда не было. Это все перед очередной бедой.

Как она кричит, словно хочет нас о чем-то предупредить. Мне рассказывали про вещей птиц. Они остаются с людьми, чтобы те не надеялись на многое, как говорил Гете, их приносит

с собой Мефистофель и оставляет с человеком, как напоминание. Немцы суровы, но они так практичны. К ним стоит прислушаться, дорогой Иван

— **Не** надо о грустном, тогда оно и не сбудется.

— Но если предупрежден, то защищен.

Ужин в старой усадьбе, такой может быть только во сне или в другой жизни. Но Варвара Петровна так ясно все это видела, что не могла понять, было ли такое, будет ли потом, а может она все это только придумала?

Глава 19 Третий сон Варвары Петровны

Утром Иван с мужем Полины отправились на охоту. Пока мужчины на охоте, Полина познакомилась с дочерью писателя. За ними зорко следит Варвара Петровна

— Как эта девочка похожа на молодого барина. Не может быть такого совпадения, эта его дочь. Но почему он ничего о ней не сказал? Хоть бы словом обмолвился. Разве так можно относиться даже к чужим детям, а ведь это его ребенок, я сердцем чую.

— Потому что он ничего о ней не знает. Вот погулял с моей белошвейкой, да и забыл, а мне теперь ребенка воспитывать. А она как волчонок, сколько не корми, все в лес убежать готова. Но это же не его, а мои заботы. Ничего он знать и ведать не хочет. Всегда такой был, таким и останется.

— Но как же так можно к собственной внучке относиться. Ведь ребенок ни в чем не виноват, какая дикость, однако. А он за нее заступает, утверждает, что она добрая, только кажется злой. Девочку надо спасать, она мне потом еще спасибо скажет. Да и он тоже будет благодарен. Ее нельзя здесь оставлять.

— Зря я ей обо всем сказала, Ваня и знать ничего не желал, а теперь она заставит о девке заботиться. Хотя, говори, не говори, все давно догадались, что это за ребенок. А цыганка уже руки к нему протягивает, и выгоду свою подсчитывает.

Появлялся Иван и муж Полины Луи. Они готовятся к ужину. Варвара Петровна видит разницу между пожилым мужчиной и молодым, полным сил парнем.

— И что же вы тут нашли, пока нас не было? Не соскучились? А я только и думал о свидании, обо всем, что случилось и не случилось.

— Да много интересного нашла, скучать некогда было. Вот с дочкой вашей познакомилась случайно. Какая печальная девочка. Она ни разу не улыбнулась даже.

Иван вздрогнул. Полина внимательно за ним следила. Она не может понять и решить, знал ли он о том, что она появилась на свет, что она жила все время рядом. У него нет сердца или он просто ничего не знает и не ведает?

— Моей дочкой? Кто вам такое сказал. Этого не может быть. Вы надо мной поиздеваться решили?

— А это не трудно увидеть, если приглядеться. Она же ваша дочка, эта светловолосая девочка, не помню, как ее тут называют. И матушка ваша призналась, что ей приходится о ребенке заботиться.

— Я попал в глупейшее положение. И матушка хоть бы словом обмолвилась. А ведь Николай мне намекал на что-то, только я мимо ушей пропустил. Просто слышать не хотел. Он с самого детства издеваться и подшучивать любит. А разве Полина поверит, что я ничего не знал и не ведала

— Мне жаль бедняжку. Но если вы не будешь против, привезите ее к нам, она будет моей воспитанницей. Хуже ей с нами все равно не будет. Это я могу обещать.

— Вы так великодушны. Это было бы замечательно. Так вот о чем кричал ворон. Он тоже знал, что у меня есть дочка. А моя беспечность до добра не доведет.

— Он и на самом деле не знал, или только притворяется. Но не может же быть такого, девочке уже лет 7—8, а живет она в усадьбе, словно как холопка, как это у них тут называется — крепостная. Странная жизнь в этих барских усадьбах, как красиво все внешне, как богато, а если начать разбираться, то много что там найти можно дикого и страшного.

Она Увидела, как Иван разыскал ту самую девочку и о чем-то с ней говорит. И матушка тоже следит за тем, что творится с ее сыном, которому давно надо было обо всем сказать

— Знал ли он о ней или не знал, но на отца он совсем не похож, словно бы в первый раз с ней разговаривает. И она смотрит так испуганно, наверное, добрая бабушка ее обо всем

предупредила. Да ладно, что теперь прошлое ворошить, я сделаю все для его ребенка, в этой глуши она не останется. Из нее еще можно сделать человека.

Глава 20 Разговор с матушкой То ли сон, то ли явь

— Почему я только сейчас узнаю, что у меня есть дочь. Как ты могла это скрывать. Если бы не Полина, я бы этого никогда не узнал?

— А ты когда к Дуньке бегал, ничего не знал, что иногда дети рождаются от таких свиданий. Твой отец ничего тебе о том не рассказывал? Ладно отец, ему не до того было, а братец твой уже все знал наверняка, а вы с ним так много времени проводили. Неужели и это мне надо было растолковывать

— Что могут быть, знал конечно, но ты столько лет молчала о том, что она уже родилась, что она у нас живет. Неужели сказать нельзя было раньше, я бы посмотрел, как моя дочка растет.

— Цыганка твоя появилась здесь в первый раз, и ей все ясно стало с первого взгляда. А ты жил все время рядом и ни о чем не догадывался. Ты меня удивляешь. Я думала, что ты просто не хочешь со мной о ней говорить, а ты не знал, оказывается. О мужчины, как с вами жить прикажете. И конечно мы во всем виноваты, только ты в неведении пребываешь.

— А теперь я должен сказать о самом главном, я увезу девочку к Полине. Она хочет, чтобы у нее была воспитанница и росла она вместе с ее детьми.

— Зачем ты это делаешь? Думаешь ей чужой ребенок нужен? Она просто хочет во всем быть первой и привязать тебя к себе окончательно, ну и содержание тебе не дешево обойдется. Такая вот добрая и благородная твоя цыганка.

— Я не хочу, чтобы у моей дочери была твоя судьба, да и моя тоже, а там у нее будет совсем другая жизнь. Полина прекрасная мать. Она будет воспитывать и заботиться о ней. Да и я буду рядом всегда, по соседству. Теперь уж отвернуться и отказаться я не смогу. Даже звери о своих детёнышах заботятся.

— Твоя цыганка не получит ни гроша на этого ребенка. А если она помрет от голода, то не говори, что я в том виновата. Я отдам девочку, чтобы он убедился, что цыганка совсем не та, за кого себя выдает. Ты еще попросишь вернуть ее назад. И я верну и Николая верну, и эту девочку, у нас будет большая и дружная семья, как в самом начале.

Иван ушел к Полине и девочке. Варвара Петровна в ярости

— **Иван** говорил мне о любви, но какое чудовище ваша любовь. Он сбежит от меня в Париж к цыганке, и это все благодарность за что, что я его так любила. Мне не хотелось бы отдавать его любой Оленьке, Танечке, все они одинаковы. Но эта просто чудовище. Как он может с ней оставаться при живом муже, открыто, селить там свою дочь, нести ей деньги, бежать по первому зову. Так даже отец его не поступал со мной, старался что-то скрыть, спрятаться. Вот тебе, и любимый сын. Да как же жить дальше-то? Никому я не нужна, сколько не делай добра, все прахом пойдет.

Глава 21 Четвертый сон. Разговор с дочерью

— Они снова остались наедине, вот этого только не хватало. Никогда прежде не встречала такой наглой девицы. Но в Париже все такие.

— К беседке пошли, той, самой дальней. Там так уютно, особенно если поговорить о самом главном хочется.

— Я послала девку, пусть послушает, что они там говорят. Врага надо держать на близком расстоянии.

— И напрасно, они наверняка по-французски говорят, ничего она не поймет, даже если что-то и услышит.

— И верно, я о том и не подумала. Вот свалилась же эта лягушатница на наши головы. Жили, горя не знали, а тут распелась, только и слушай, и бегай за ней, чтобы чего не вышло. Девчонку она с собой забрать собралась, воспитывать будет. А он и рад-радешенек, сделает там из нее такую же, как и она сама, чтобы ни роду, ни племени не знала, нас всех позабыла.

— Да может и к лучшему, пусть на мир посмотрит. Она и языки хорошо знает, я сама с ней занималась.

— Так если бы она такая как ты была — добрая да послушная, а то вечно надутая, и все ей не нравится, никакой благодарности.

— Возраст у нее такой. Думает, что все мы враги. И то правда, любить ей нас сильно не за что.

— . А Полина эта только и подсчитывает, сколько ей денег перепадет, одним пением сыт не будешь, вот и нашла себе благодетеля. Влюбила в себя и теперь будет крутить и вертеть, как захочет.

— Все образуется, матушка, уедут они, а мы будем жить как прежде, посмотрите красота какая. Наверное, нигде нет таких чудесных мест, как у нас тут. И где бы не жил Иван, он все время будет к нам возвращаться. потому что здесь он родился, здесь его дом и его семья.

— Твои бы слова, да богу в уши. Ты любишь его сильно и ничего дурного не замечаешь. А с кем у меня было столько бед, сколько с ним, это же сто рублей убытку, а не сын. Маленький был — маленькие беды, большой стал и беды большие. Но ничего, мы еще посмотрим, кто кого. Много проклятая цыганка хочет, да мало получит. Уж я о том позабочусь

Варя молча улыбается. Варвара Петровна в тревоги проснулась. Она никак не может понять, что тут явь, а что сон. Полины нигде рядом нет, они, наверное, уже давно в своем Париже. Но ведь все как будто наяву происходило. Кто мог ее заставить задуматься, как это могло быть и что там было на самом деле.

— Это еще что, — подала плечами Варвара Петровна, — порой мне кажется, что все это я придумала, и Спасское, и семью и мужа и сыновей.

Часть 2

Глава 1 И снова в столице

Иван сожалел о том что так и не смог побывать вместе с Полиной и Луи в Спасском, познакомить ее с матушкой. Все это было только сном, странным и красивым сном. И в такие минуты ему совсем не хотелось просыпаться. Ведь во сне была настоящая, реальная жизнь, а здесь только какие —то скучные и порой печальные ее эпизоды, невзрачные и странные до боли.

Но в том его сне был еще какой-то очень важный момент, Полина говорила ему о том, что у него есть дочь, ей восемь лет, и живет она в усадьбе, как холопка.

Что это за фантазии такие странные? Откуда к нему пришли такие сведения, если учесть, что это был только сон и не более того?

И никак не в силах избавиться от него, он решил поговорить с Николаем, тот всегда знал больше, значительно больше, чем могло показаться. Он и пригласил его в Московский дом, где матушки не было пару дней.

— До тебя еще не дошли слухи, что у меня есть восьмилетняя дочь, и матушка даже слова не сказала о ней. Ну как такое может быть?

Николай так взглянул на него, что Иван сразу же понял, что сон перестал быть сном, и в каждом сне есть доза и доля правды.

— А ты ничего не знал и не ведал, даже не догадывался? Мне казалось, что я ничему больше не удивлюсь, но нет. С каждым разом дивлюсь все больше. У тебя хорошо это получается быть не причастным к жизни.

— Ты знал и молчал? Еще больше удивился Иван

— Ну как такого не знать, мы же не в лесу живем. А если и в лесу, то и там люди попадают, не только волки и медведи. Хотя для тебя они на первом месте. Ты же у нас охотник знатный.

Он еще пытался шутить, когда такие серьезные решались вещи.

— Не верю, этого просто не может быть. Полина предложила привести девочку в Париж и сделать своей воспитанницей. Я ей за это очень благодарен, такая самоотверженность. Она любит детей и заботится о них. Там дочке моей хуже не будет, куда уж хуже.

— А матушка как же к этому отнеслась

— Но это же был только сон. Но она отпустила, это меня тоже удивило. Правда сказала, что содержания она не получит. А жизнь в Париже сам знаешь, какая дорогая.

— Ты остаешься наивным романтиком, а они обе вертят тобой как хотят. Ну как так можно, Иван? Это же твоя жизнь, тебе давно пора думать своей головой, а не чужой. Они поубивают друг друга, а ты будешь стоять в стороне и руки разводить от полного бессилия, потому что никогда одну из них не выберешь. Но это будет уже не сон, это будет жизнь, невероятная и убийственная. Так бывает, к сожалению.

— Из двух зол я выбираю меньшее. И уверен, что это Полина. Матушка слишком обижена на нас на всех и на судьбу, она часто перегибает палку. Не надо моей дочери с ней оставаться. Ты бы оставил свою?

— Не оставил бы и не оставлял никогда. Но у меня не было такой странной любви к родительнице нашей, ты совсем другой.

— Так и я о том же.

— Но я и жену свою не оставлял. Она всегда со мной была.

— А я оставил, все правильно, но теперь решать что-то надо. Девочка все знает, но хуже холопки живет. А ведь она моя дочка, это несправедливо совсем.

— От матушки хоть знаешь, чего ждать, а Соловья этого ты совсем не знаешь. А в наших сказках Соловьи часто бывают разбойниками, да и не только в наших, у французов все еще страшнее порою.

— Ты меня успокоил по-братски.

— А ты с самого рождения в покое оставался, да и теперь из него выбраться никак не можешь. Я порой не пойму, живой ты или мертвый у нас?

— Ты же мой единственный брат. Живешь далеко от дома, но тебе больше известно, чем мне, как же так? Я оживаю, просыпаюсь, только когда на охоту отправляюсь. А как только домой возвращаюсь, матушку вижу, все обмирает в груди. И жизнь из меня уходит, как дым от костра. Вот такой я уродился, и что с этим делать?

— Из-за тебя она даже со мной говорить начала, хотя я не верил, что такое может быть. В ее глазах ты превзошел меня, братец, и скорее всего, она права. Просила внуков ей показать, опомнилась. С женой моей примирилась. Не скандалит, только смотрит так, что бедная Анна может в обморок упасть. Но она стойко все переносит.

— Я не могу и никогда не сделаю выбор между матушкой и Полиной, Меня не смущает то, что она замужем, потому что я по-прежнему не хочу жениться даже на ней.

— Кто бы сомневался, и не женишься никогда. Но страшно ведь в одиночестве оставаться, не по-людски все это. Пример семьи у нас был не самым лучшим, но мне всегда хотелось убедить себя, что семья может быть счастливой, вовсе не такой как у нас была.

— А почему я себя насиловать должен? Мне так лучше и спокойнее. И пишется, и дышится легко. Вот дочка есть.

— Дочке отец нужен, настоящий, заботливый, понимающий.

Такие вот открытия чудные были сделаны в те дни поздней осени. Сны бывают вещими, иногда они открывают нам какие-то неведомые дали, куда не может попасть простой смертный, и тогда только во сне вдруг тайное становится явным. Еще долго Иван молча смотрел в окно, словно там мог рассмотреть хоть что-то существенное.

Глава 2 Ссора в усадьбе Фета

Писатели жили по соседству в те времена и часто ходили в гости друг другу. Но порой такие похождения заканчивались ссорами. А там, где появлялся Лев Толстой, такое было почти всегда. На этот раз бурно обсуждали вопросы воспитания детей, коих у Толстого было больше, чем у всех, и он этим очень гордился.

— Посмотрите, какие благословенные места. Я всегда боялся, что по разным причинам придется уехать, жить в каком-то другом месте. Не дай Бог еще где-то за границей. Как можно оставить наш мир, можно ли еще где-то творить? Только здесь наши песни достают до небес, — говорил Фет, поглядывая на Льва и Ивана. Он чувствовал, что в бескрайних небесах может разразиться гроза. И вовсе не Перун е пошлет, а тот, кого называли Львом.

— И я всегда сюда стремился, куда бы судьба не заносила. Ничего не боялся, но не вернуться сюда, остаться на чужбине — ничего нет страшнее.

Иван прекрасно понимал, что это был камешек в его огород, но держался из последних сил.

— Наверное, только мне хотелось бежать, уехать подальше, хотя сколько часов провел на охоте, все исходил, все знаю, все люблю. Но все равно бежать и спрягается, да так, чтобы не нашли

— Наверное, никто никогда так не убегал. И ладно сам убегал, но дочка, твоя дочка, как она могла жить и воспитываться в Париже? Видел ее, она словно дикий зверек, от всех отбивается. Никогда ни от кого тепла не видела. Мать не знает совсем, тебя видит по праздникам? Как так можно обращаться со своими детьми, в чем они виноваты? Разве мы не в ответе за них?

Фет почувствовал, что все его дурные предчувствия сбывались и на этот раз, и резко повернулся к Толстому.

— Не говори так, теперь ее возвращать в Спасское было бы еще более жестоко. Она забыла и язык, и жизнь нашу, так между мирами и остается, бедняга. У меня все точно так же было, вы знаете. Сколько усилий нужно было, чтобы вернуть и имя, и земли свои. Но сытый голодного не разумеет.

— Да как вы смеете осуждать во всех грехах смертных, ничего не зная? У меня было и все, и имя, и родители, но порой мне было хуже вашего.

— Если не я, то, кто же, ведь сестра моей Софьи жила у вас совсем в других условиях. Варя же боготворит тебя, молится каждый вечер о здравии твоём и счастье. Но с ней рядом не только ты, а отец ее был с самого рождения. А здесь отцом были вы, милостивый сударь. Скверно ей было, пока вы ее вовсе не знали. А как только через восемь лет узнали, стало еще хуже. Из привычной среды ее вовсе в Париж вывезли, в чужой мир, к чужим людям, бедняжку

Да как вы смеете осуждать.

Он задышался от ярости, но ничего больше так и не мог сказать.

— Я —то смею, потому что на глазах у меня драма бедной девочки разворачивалась. Глядя на милую, добрую, веселую Варю, могу сказать, что ты был хорошим братом, она не зря тебя так любит. Но как при этом можно быть отвратительным отцом для единственной дочери? — сердито спрашивал Толстой, и похоже, что ничего он понимать не собирался.

— Замолчите немедленно, я ничего этого слышать не хочу. Вы ни к чему не причастны. Ничего не знаете, не узнаете никогда. Я больше не видеть, не слышать вас не желаю.

Иван поспешно убежал, не желая больше никого слушать. Все в душе его клокотало.

Фет взглянул почти яростно на графа

— Ну право, зачем же вы так, дорогой Лев Николаевич. Он лучший из наших писателей, но глубоко несчастный человек, разве вы все этого не чувствуете? Часто я слышал от приятелей, французы на него молиться готовы, да и не только французы

— Пушкин маялся над вопросом, совместить ли гений и злодейство, а в нашем гении они сошлись. Да и не гений он, вон и Иван Гончаров возмущен до глубины души, простить не может, что украл Иван идею его романа. Хотя там темная история, я не стал бы судить и рядить.

— Да в том споре, сам черт ногу сломит. И в чем он там виноват, время рассудит. А что касается родственников и дочери, как там в романе — каждая несчастная семья несчастна по-своему.

— Это ты о себе или о нем?

— И то, и другое. Мне факел Марии будет до последней минуты сниться. А его дочка жива. Но вот все думаю, а что я мог сделать тогда? Мог ли я все знать и угадать, как это повернется? А что он против матушки своей мог? То вы все не знаете, какой была Варвара Петровна, не дай бог никому такую.

— Я почти не знаком с ней, а мой свекор совсем другого мнения, и дочь у них расчудесная. Моей Софье хоть какое-то утешение, все не одна она в этом мире остается,

— Он слишком добр и может оправдать любую, но то, что пережил Иван в своей семье я знаю, уж поверь на слово

Наверное, ты прав. Я скорее погорячился, и достанется мне от доброго доктора и обеих его дочерей. Они видят, как он любит Варю. Он для нее какое-то божество просто, вот и обидно становится. Но и на солнце есть пятна, а на этом знаменитом писатели их столько...

— Я всегда был к нему не справедлив, но ты точно перегнул палку.

— Извиняться не стану. Пусть он помучается и поймет, что по отношению к дочери был не прав.

— Вы почти одна семья. Вам проще договориться. А Иван добр, он первым ссориться не станет.

— Не знаю, тяжело на душе после такого разговора, — признался граф и махнул рукой. А говорят, ты для Татьяны хороший романс написал, Софа рассказывала, она в полном восторге. Не умею я ничего такого писать, не умею и не хочу, что их баловать, так совсем от рук отобьются

— Хватит о грустном, посмотри, как прекрасна ночь

Они читают по четверостишию. Начинает Толстой, а Фет подхватывает

*Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали
Лучи у наших ног в гостиной без огней.
Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали,
Как и сердца у нас за песнею твоей.
Ты пела до зари, в слезах изнемогая,
Что ты одна — любовь, что нет любви иной,
И так хотелось жить, чтоб, звука не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.
И много лет прошло, томительных и скучных,
И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь,
И веет, как тогда, во вздохах этих звучных,
Что ты одна — вся жизнь, что ты одна — любовь,
Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нет конца, и цели нет иной,
Как только веровать в рыдающие звуки,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой*

Улыбка появилась на суровом лице графа

— А у нас недурственно получилось.

— А и не могло быть иначе, жаль, Иван нас не слыша
— И хорошо, что не слышал, он плохой поэт
— Но замечательный писатель, этого у него не отнять, не могут же все французы ошибаться.

Толстой усмехнулся и долго сидел молча.

Глава 3 Парижское кафе

Париж, в кафе после разлуки встречаются Тургенев и Флобер. Из всех французских писателей именно он был самым близким и душевным другом Тургенева. Встречи с ним ждал больше всего.

— Ну наконец-то, Иван, как долго мы тебя ждали, жизнь просто остановилась без тебя, все только и спрашивали, когда же ты вернешься снова. Наша черная дама извелась, так ей хотелось с тобой снова увидеться. Она даже музыканта своего забывать стала, хотя он никуда не уезжал

Иван тихо улыбнулся, ему лестно слышать такое. Только сейчас он почувствовал, как в Спасском ему не хватало и старого кафе, и теплых слов милого Гюстова

— Да я и сам рвался к вам сюда. Только печальные события остановили. Матушка умерла, нужно было дела в порядок приводить. Да и не мог я просто так уехать. Но как только все переделал, так тут и оказался, и сразу к тебе.

— О, сочувствую тебе, когда мать уходит, становишься сиротой Ты успел с ней проститься?

— Нет, был только брат Николай, говорит, она ждала меня, звала. Но откуда же мне было знать, что все произойдет так быстро. Она не так стара и не болела, так чтобы подумать можно было, что конец близок.

— Печально. Но ты же любил ее, как верный сын.

Иван помолчал немного, а потом признался:

— И любил, и ненавидел, скверный у нее характер был, и менялось все в одно мгновение. Даже сообразить не успеешь, а она уже бросается на тебя, как тигрица, и знать бы в чем провинился. А потом любит и обнимает, как ни в чем не бывало.

— Но вон какой у нее сын вырос. Не может быть, чтобы у плохой матери такой гений родился. Ты же всколыхнул все наше болото, перевел наши книги на русский язык, кто бы это еще сделать мог. А сколько трудился, да никому из нас такое и не снилось.

— Жаль, матушка тебя не слышит. Ты бы увидел ее, когда она мой первый роман прочитала, ногами топала, сжечь обещала. Я у вас тут оказался только потому, что хотел от нее сбежать навсегда, спрятаться. Но надолго не получалось. Только мой брат Николай, которого она не любила так, как меня, у нее там и оставался. Но может быть она поняла, что нельзя так властвовать. Мы не ее крепостные, она нас с ними и не разделяла сильно.

— Не стоит о грустном, теперь ты свободен, живи и радуйся.

— Я тоже так думал, когда письмо брата о ее кончине получил. Но обман все это. Она была и остается со мной, даже в Париже, никуда от нее не деться

— А я закончил свой главный роман про Эмму Бовари, под твоим влиянием. Помнишь, сколько мы говорили о судьбе женщины после замужества, недаром ведь все сказки свадьбами заканчиваются.

— И что же твоя Эмма?

— Она не может примириться с такой жизнью и шагает в пропасть и принимает яд от отчаяния. Долго над финалом думал, но так и получилось.

— Она должна уйти в монастырь, зачем же так расправляться с бедной героиней.

— Да никогда, уж лучше принять яд и со всем разом покончить, чем из одного кошмара в другой, и не понятно, что хуже. Для Эммы монастырь точно страшнее, чем уход из жизни.

— Как это жестоко. Я никогда бы так не поступил.

— А монастырь- тюрьма, это не так жестоко? Туда отправляют жен и подруг, когда они становятся ненужными, и только раздражают. И не интересуются мужи доблестные, каково им там, как живет.

— Но там все-таки жизнь, они будут молиться за нас за всех грешных

— Ну уж нет, никаких монастырей для моей Эммы. А ведь ты кажешься таким мягким и добрым. Но обрекаешь любящую тебя девушку на такие страдания. Иван, я вспоминал наши прежние споры, и понял, что не бывать ей в монастыре. Я не смогу с ней так поступить.

— Вот в этом и разница между нашими мирами. Пойду —ка я дочку и Полину навещу, что-то сердце у меня не спокойно. Я ведь как приехал, так к тебе и рванулся, а разве это правильно?

Они расстались, но договорились о встрече, надо было обсудить перевод и то, что за это время успел написать Флобер.

Глава 4 Свидание с дочерью

Недаром его так яростно упрекал граф Толстой. О своей дочери Иван думал меньше всего, и пока был в России почти не вспоминал, и прибыв в Париж, старался держаться подальше. Чувство вины и досады оставалось в душе, она вовсе не была такой, какой любящему отцу ее хотелось видеть. Полинет была похожа на него и бабушку, но при вечной угрюмости, она казалась такой одинокой и странной, что можно было пожалеть ее, хотя делать этого не стоило. Сколько Варя пыталась наладить с ней дружеские отношения, но ничего у нее не получалось. И когда девочку увезли в Париж, она только облегченно вздохнула и перекрестилась. Хотя не думать о ней вовсе не могла, потому что это была часть ее любимого Ванечки, но и спешить к ней в объятия тоже не собиралась.

Для Ивана это было одно из тех редких свиданий, когда ему хотелось поскорее уйти с чувством исполненного долга.

Его любили все женщины, души в нем не чаяли, только не его родная дочь. От такой мысли становилось горько и обидно, но ничего сделать он не смог бы со всем этим тяжким крестом, который никак не мог нести.

— Добрый вечер, дорогая, я обещал вернуться и вернулся, как только смог, а почему ты такая печальная, на тебе же лица нет, что случилось?

— Тебя не было слишком долго. Мне здесь пусто и одиноко, хоть в монастырь уходи. Но кто меня о том спрашивает. Уже и усадьба раем кажется, — говорила дочь, и с такими интонациями, что у него сердце кровью обливалось.

— Какой монастырь, о чем ты говоришь? Ты просто не знаешь, что это такое. Не думай даже о монастыре. Тебе надо замуж удачно выходить, детей рожать.

— Я бывала там с тётушкой, там тихо, спокойно, ангелы, как птицы поют, душа отдыхает, мне очень понравилось. Спасское почти каждый день снится.

Такой речи от дочери Иван никак не ожидал, она умела его удивляться, ничего не скажешь.

— Туда ты всегда успеешь, а пока надо выйти замуж, детишек родить, чтобы после нас хоть что-то осталось в этом мире.

— Я давно хотела спросить тебя о матушке, какая она? Почему ты не защитил ее от бабушки, не женился на ней? Ведь я ее и не видела ни разу, а так хочется. Страшно среди чужих оставаться.

— Матушке? Тихая, спокойная, покорная. Славная она, но она вышла замуж, не стоит ее тревожить. У нее своя семья, свои дети.

— Тебе бабушка запретила на ней жениться потому что она не ровня тебе была?

— Да нет, просто мне учиться надо было. Я обещал вернуться, как только курс закончу. Но потом уже все было другим и вернуться я никуда не мог

— А что же не вернулся?

— Она за это время вышла замуж. Мне не хотелось ее беспокоить.

— А как бы хорошо мы жили втроем, если она была такой, как ты говоришь. Да я верю тебе, ты меня никогда не обманывал. Просто оставил чужим людям, сиротой сделал.

— Ну не знаю, не знаю. Тебе здесь совсем не нравится? А ведь это Париж и Полина так прекрасна. Многие о таком только мечтать могли. Жить в такой семье — это же большая честь.

— Мне тут пусто, все чужое, и я для них чужая. Поехали в усадьбу, ведь там больше нет бабушки, и нам бояться нечего. А вдруг и матушка к нам приедет. Ведь дядя Николай живет со своей Анной и любит ее, я знаю.

— Но я не могу жить в усадьбе мне надо работать, с писателями встречаться. Я перевожу их книги, мы вместе творим литературу. Что мы будем с тобой в усадьбе делать?

— Неужели тебе книжки важнее, чем живые люди?

Больше Иван ничего не успел сказать, она убежала и готова была разрыдаться. Он остался сидеть неподвижно, кажется весь мир покачнулся и готов был рухнуть к его ногам, но удержался каким-то чужом.

Глава 5 Иван и Полина

Как только ушла дочка, оставив отца в полной растерянности, появилась Полина. Она понимала, что состоялся какой-то тяжелый разговор и поспешила к Ивану.

— Что случилось, дорогой, ты виделся с ней, надеюсь, ничего серьезного?

— Ей плохо здесь. Но должен ли я по требованию капризной девицы все бросить и оканзаться в Спасском? Когда —то мне там было хорошо. Еще как хорошо, но те времена давно прошли. В Париже творчество, жизнь, да Полина конце концов, и все это бросить? Да это же для ее блага. Она поймет и все оценит со временем. Хотя это я виноват, что она родилась такой дикой и капризной, но еще можно многое поправить. Ведь с Варей у меня все получилось, так что же не так здесь?

Иван даже не заметил, что весь этот монолог он произносил вслух.

— Что случилось, наша девочка рыдает. Ты ее обидел чем-то? До твоего приезда все было спокойно. Хотя порой трудно угадать, что не так, что случилось.

— Она тоскует по усадьбе и хочет туда вернуться. Ностальгия порой страшная штука. Хотя столько лет прошло, не думал, что она еще владеет ее душой. Память у детей короткая.

— Вот еще и не вздумай потакать. Просто она соскучилась без тебя, хуже стала заниматься, грубит сестре, но это пройдет. С детьми надо быть строже, они порой слишком много хотят, но не понимают, что для них же лучше. Ну что она там в глуши будет делать?

— Там замечательные места, там мы с тобой побываем и провели такие прекрасные дни. Там, правда только в моем сне пока, зародилась наша любовь, дорогая. Только подростку там точно делать нечего.

— О, Иван, нельзя жить прошлым, оно ушло и ушло навсегда. А Париж всегда останется Парижем. Флобер спрашивал о тебе, Жорж Санд, Гюго проходу мне не дает. Они так любят тебя, так ждут. Ты всех сумел влюбить в себя. Жаль, что Полинет не видит этого и не ценит.

Да, конечно, я с ним встречался, он полон сил и надежд, говорит, что главный свой роман дописал. С таким восторгом о нем рассказывал, аж дух захватывает.

— Печальный роман, его героиня не выдержала всего и приняла яд. Я убеждала его, что так не должно быть, в семейной жизни есть своя прелесть. Но он так упрям, спорить с ним бесполезно. Твои героини никогда бы так не поступили. Вот за что мне и нравится все, что связано с твоей Россией.

— Вот об этом мы с ним и спорили, я даже его в жестокости обвинил, а он меня. Но у каждого есть право быть собой.

— А что бы ты с ней хотел сделать? Подожди, дай угадаю, ты бы ее отправил в монастырь. У тебя так было в самом начале, я все помню. Твой «Дворянское гнездо» ведь о том самом. Возвращается воскресшая жена, и девушка, горячо влюбленная, отправляется в монастырь.

— Да чем плох монастырь для одинокой девушки, если она не может выйти замуж?

— Но ведь ни один твой герой не ушел в монастырь, только юные девы. А еще говорят, что ты лучше всех понимаешь женскую душу.

— Я стал в том сомневаться после беседы с вами.

— Скажи, а такая девушка на самом деле была, или это твои фантазии?

— Не девушка, замужняя дама, сестра писателя. Она была несчастна в браке еще до меня, а потом влюбилась, но я не мог ей ответить взаимностью, вот ей и пришлось уйти в монастырь.

— Ничего все пройдет и все забудется.

— Не пройдет и не забудется. Она замечательный славный человек, и я не мог о ней не написать. Хотя с писателем мы как-то разошлись, но Мария не изменила отношения ко мне.

— Как хорошо, что ты у нас есть.

Полина понимала, как ей повезло, и все-таки что-то ее терзало и мучило в те безоблачные и по-своему счастливые дни

Глава 6 Возвращение через 20 лет

Через 20 лет Тургенев вернулся из Парижа в Спасское

— Вот я и вернулся, не прошло и двадцати лет. А усадьбы жива, и кажется даже краше стала. Только грозная тень снова тут со мной. Нигде не дает покоя, никуда от нее не деться

Неожиданно появился Николай, как только узнал, что брат снова здесь, сколько же они не виделись

— Не думал уже, что ты вернешься. Но рад, как всегда, ты же мой единственный братец, хотя теперь знаменитый писатель. Порой даже не верится, что ты вместе росли. Париж гудит, наши тут ссорятся из-за тебя, копыа ломают

— И я рад тебе, кому же еще мне радоваться. Да и наше Спасское снится стала каждый день. Долго терпел, противился. Но где еще найти такие поля и луга? Только здесь у нас больше нигде нет таких. И так хочется услышать русскую речь. Никогда тоска так не терзает душу, как за рубежами, когда все на чужом языке говорят. А прозвучит русское слово — и ты счастливо, и обнимать готов незнакомого человека, только потому что он на твоём языке говорит. Так-то братец мой, постарели мы с тобой, сильно постарели, но это ничего не поменяло в душе.

— А я не знаю, что такое ностальгия, потому что уверен, что везде хорошо, где нас нет. Вот если бы мы родились в Париже, тогда может он другим бы казался. А так, чужое остается чужим, и родным никогда не станет.

— Я тебя понимаю и часто тайно завидую. Просто я привык от матушки бегать, чем дальше, тем лучше. Но думаешь, она меня там оставляла в покое?

— Это вряд ли, ей без тебя ни на то, ни на этом свете нет житья.

— Засыпал и присылался под ее присмотром, в мистику погрузился прочно. Но там было кому меня на свет белый вытаскивать. А тут бы долго не протянул, точно, заблудился бы где, да в болоте утоп. Вот и сейчас меня ноги ведут куда-то, сам не знаю куда. Если бы не пес мой верный, то, наверное, бы и не дошёл до дома, и заплутал бы окончательно. Только он один и выводит домой. Не забыл, сразу узнал, и спасает от всех бед.

— Ты у нас писатель, мыслитель, как тебе простую жизнь разглядеть. Но вспомни, ты и раньше таким был, а уж теперь — то, о чем говорить

— Я так и не стал поэтом, наверное, потому, что жизнь к этому не располагала. Но как живо все, что было в душе мальчишки. Мне порой кажется, что я не вспомню того, что вчера случилось, а вот то, что было в юности — все помню, словно всех этих лет и не было вовсе. Проснулся и снова влюбленный отрок.

— Ты о первой любви вспомнил?

— Не только вспомнил, вчера был на могиле Екатерины. Ноги сами туда привели, словно я ее хоронил и знал, где она покоится. Она навсегда останется молодой, а я старик совсем, в дедушки ей теперь гожусь.

— И что же ты ей сказал?

— Ты так рано умерла, и где-то вместе с батюшкой, наверное, вы там встретились и были счастливы. А у меня не было никакой возможности стать счастливым с тобой. Он тогда все-таки смог вырваться из плена матушки и уйти за тобой. Или ты за ним, неужели Флобер был прав, и смерть лучше, чем монастырь? Вот так примерно и сказал. Но только ворона на головой прокричала, правда я не понял, что именно она сказать хотела. А раньше каждый ее крик хорошо понимал.

— Я читал его роман, очень впечатлил, это лучшее, что он написал, на мой взгляд. Так вы говорили с ним о самоубийстве и монастыре?

— Говорили, он назвал меня жестоким, и сказал, что никогда бы свою Эмму не отправил в монастырь, чтобы умножить ее страдания, уныние —ведь страшный грех, тут с ним не поспоришь.

— В этом я согласен с ним, хотя ты мой брат, мне тоже всегда это было чуждым. Аннушку свою в монастыре представил и содрогнулся. Нельзя так с нашими замечательными, женами поступать, а тем более невестами, которые и женами не успели стать.

Глава 7 Выхожу один я на дорогу

В те дни много бродил Иван по заливным лугам, и смотрел в бескрайнее небо, словно там старался разглядеть кого-то и встретить. И в этих одиноких прогулках часто брела за ним и следила тень Старухи

— Вчера на кладбище был, а теперь в поле чистое подался. Каким ты был сынок, таким и остался, — неожиданно услышал он и голос матушки

— Находиться и надышаться не могу. Все здесь дорого, все мило душе, в Париже такого и не встретишь никогда.

— Так почему же так долго не было тебя, если все тут любо и дорого?

— Все спрятаться хотел. Не понимал, что никуда мне не спрятаться от вас, матушка и от России.

— Проклятая цыганка не отпускала?

— Да вроде нет, скорее ты пугала и грозовой тучей нависала. И хотел вернуться, а никак не мог духу набраться.

Никуда не отпущу, никому не отдам. На этом и том свете с тобой рядом буду. Я же тебе всегда это говорила, а ты не верил.

— Да меня никто и не собирался забирать, кому нужен запуганный и раздавленный старик. Все прошло, почти все забылось, и только с тобой мы так и остались неразлучны.

— Я дождусь тебя там, сынок. Никто не будет тебя любить так, как я, никто и никогда не любит наших сыновей так, как матери.

— Я был 32 года с тобой и столько же без тебя. Но даже когда ты ушла, ничего не изменилось, я все равно оставался в твоей власти. Я еще в отрочестве дал клятву, что никогда не женюсь. И клятву эту исполнил, наверное, судьба такая. Всю жизнь оставался на краю чужого гнезда.

— Но ты женился на своей литературе. Я подарила тебе бессмертие, а ты мне. Хотя выгляжу я там ужасно, но уж какая есть. Даже любовь к твоей цыганке ничего не изменила, куда ей со мной тягаться.

— Она была только прикрытием, чтобы хотя бы на время спрятаться от тебя. И еще тогда, при первой встрече, она все это поняла прекрасно. Бороться продолжала долго, но со временем махнула рукой.

— Она дарила тебе минутную радость, но не она подарила тебе этот мир, не она сделала тебя писателем. Если ты не был счастливым, то стал хотя бы писателем, а разве это мало?

— Этого не мало, ты права.

— И знай, что я тебя любила так, как никто и никогда любить не будет.

Иван ничего не успел ответить. Тень исчезал. Появилась юная девушка

Глава 8 Писатель и актриса

Но в одиночестве Иван оставался недолго. Тень растворилась в воздухе, а по земле шла юная тоненькая девушка. И о, чудо, она направлялась к нему. Наверное, заблудилась, просто не туда вышла.

— **Какая** прелесть, на смену матушке, такая юная и очаровательная, уж не награда ли мне это за годы страданий?

— Лебедина песня, хорошо, чтоб она появилась так поздно. Она посильнее цыганки была бы в то время. А сейчас уж она точно мне не соперница, — откуда-то издалека услышал он голос матушки.

— Значит все-таки ко мне, матушке оттуда лучше видно. Какое же это счастье, вас внезапно встретить, а мне казалось, что тут нет больше ни одной живой души. Все время появлялись только тени и призраки, я так привык к ним, с ними сжился, что о людях забыл.

Он оглянулся туда, куда удалилась жуткая тень. Вместо голоса девушки послышалось завывание волка, как тогда в юности, он заставил себя повернуться и отправиться домой. Подумал о том, что все возвращается на круги свои.

— Там матушка ждет, и она очень сердита, как всегда, уже распорядилась о розгах, смеется, какой же это ужасный смех, даже волк не так жутко воет.

— Не торопись, розг на этот раз не будет, руки у меня теперь коротки. Да и поздно теперь тебя воспитывать. Уж какой есть, таким и оставайся, сынок мой любимый.

Иван замер на мир и понял, что он не может двигаться, видно так и останется в чистом поле стоять памятником самому себе. Но тут снова раздался этот голос.

— Но не забывай, что я тебя любила, так как никого и никогда не любил больше, ты был моим светом, жизнью моей.

— Я знаю, меня любили прекрасные женщины, и вопреки всему, я все-таки никогда не был счастлив.

Он и прежде об этом думал часто, но никогда не произносил этого вслух, а теперь, что уж теперь, все так и есть.

В тот момент откуда-то взялась Варвара. Наверное, устала ждать и побежала его разыскивать. Да и не было больше никого, кто бы о нем смог еще позаботиться.

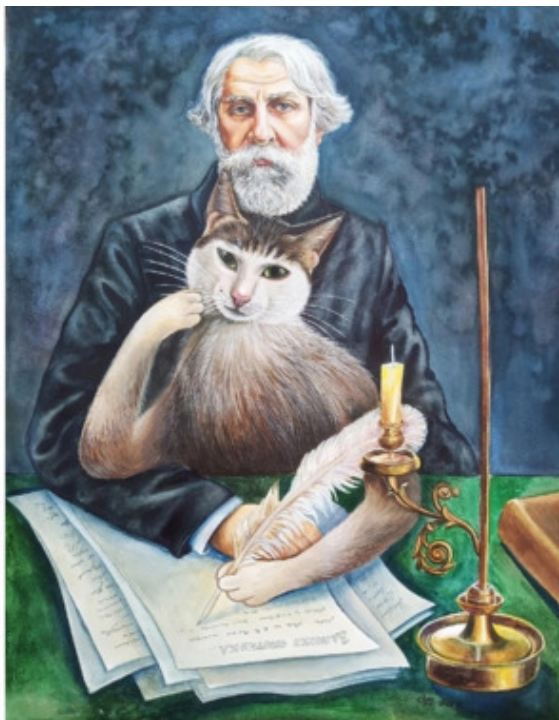
— А я издалека тебя заметила, Ванечка, что случилось? С кем ты разговаривал, слов я разобрать не могла. Но сердце разрывалось от ужаса и боли. Ты же знаешь, как мне за тебя все время страшно бывает. Нет, ты не можешь этого знать.

Иван крепко обнял ее и как в детстве погладил по голове.

— Ничего, ничего дорогая, это так, прошлые тени и страхи. Но мы вместе и нам ничего не страшно. Помнишь, как там в романе?

— Да, конечно помню, как же мне не помнить. *Что подумали, что почувствовали оба? Кто узнает? Кто скажет? Есть такие мгновения в жизни, такие чувства... На них можно только указать — и пройти мимо.*

Письма к жене. Подвиг Тургенева

В 1878 году в Европе и в Париже И. С. Тургенев встречался с детьми великих современников Пушкина. Это и Павел Жуковский (передал писателю Перстень Пушкина), Натальей Пушкиной — передала письма поэта к жене, Александром Пушкиным (сыном поэта) — настроенным категорически против их публикации, Клоди Виардо — младшей дочерью Полины, любимицей И.С.Тургенева. Тогда разыгралась у него на глазах вечная драма отцов и детей, и он стал очень активным участником этой драмы, главной идеей которой была страстная, активная борьба за Пушкина, о котором молчали с 1837 по 1870 год в России. Они боролись за то, чтобы он вернулся живым, ярким и неповторимым, а не только бронзовым памятником. И то, каким мы знаем Пушкина во многом было связано с детьми, за спинами которой стоял наш гений с момента похорон до этих лет, хранившего ПАМЯТЬ.

Появился в итоге знаменитый памятник в Москве, но был и другой, о котором мы знаем значительно меньше. Этот памятник нерукотворный и творили дочь Пушкина, сын Жуковского и оказавшийся в центре противостояния И.С.Тургенев, считавшийся в Европе первым признанным всеми (Г. Флобер, Ж. Санд, Г де Мопассан, Золя, В. Гюго) русским писателем. И конечно во всем ему помогала та самая «проклятая цыганка» Полина Виардо.

Роль же отцов, во главе с князем Петром Вяземским была скорее плачевна и ничтожна. Скандалы в связи с публикациями писем в «Вестнике Европы» прокатились по многим странам, и дошли до России. Но дело было сделано.

Там оказалась и самая трагическая фигура — Шарлотта — дочь сестры Натальи Николаевны Екатерины и Ж. Дантеса — отчаянно защищавшая Пушкина и оказавшаяся из-за этого на 28 лет в лечебнице. Единственный сын Дантеса и ее родной брат назвал ее ««русской до мозга костей»».

Так судьба поэта отражалась в судьбах и душах людей, которых поэт даже и не видел при жизни. Но стоит ли нам о них забывать.

Глава 1 1863 год. Дом генерала Ланского

Были такие дни в жизни Натальи Николаевны, когда она, отрешалась от мира и от реальности, и погружалась в прошлое: такое прекрасное, такое печальное, такое далекое.

Сколько бы лет не прошло, но жизнь ее теперь уже спокойная и счастливая, снова наполнялась теми страстями и теми страданиями. И она отдала бы все свои счастливые дни, за один тот день в его объятьях, разговорах с ним обо всем. Пусть там звучат шутки и гнев, даже гнев. Она согласилась бы на все, чтобы слышать его и говорить с ним.

И только в ночь дуэли ей не хотелось никак возвращаться. Потому что таких страданий теперь она бы точно не пережила, да и тогда едва вынесла. Но здоровье ее было подорвано, да и хотелось покоя.

А что ей осталось от тех счастливых времен?

Только письма поэта к ней — бесценное сокровище. Когда она спросила в шутку, что с ними делать потом, когда их не будет, он не задумываясь ответил:

— Пусть они будут опубликованы. Пусть они узнают нас такими. Уж если их читал сам император, то стоит ли нам бояться остальных. А он разрешения не спрашивал.

В последний день, когда она рыдала над его постелью, он тоже сказал о том, что письма надо сохранить и опубликовать, в них нет ничего такого страшного, о чем нельзя поведать миру

— Только там мы настоящие, — повторял поэт почти в забытьи.

Могла ли Наталья Николаевна не исполнить его просьбу? Тем более, она и сама считала примерно так же. Посмертная судьба поэта — может быть самое главное, что осталось хранить ей и детям, и людям близким.

Конечно, до самой смерти императора, имени его не произносилось ни в царском дворце, ни в свете. Но наступят другие времена. Даже если она до них не доживет, они все равно наступят. И вот тогда, она вернется молодой, страстный и прекрасный и любовь к его творениям вспыхнет с новой силой и ее костер уже не угаснет.

NoNoNoNo

С того рокового дня прошло 25 почти 26 лет. Вдова поэта все еще была по-своему прекрасна, печальна и чувствовала, что дни ее сочтены. Вот потому она и достала снова письма из заветной шкатулки, разложила их на скатерть, и смотрела на них завороченная.

В такие часы ее никто не осмелился бы потревожить, она была далеко, в том самом раю, где обитал ее муж, иногда он спускался к ней с небес. Хотя скорее всего ему было неуютно в генеральском доме, где не было ничего, ему принадлежавшего, кроме старых писем и каких-то вещичек, которые она забрала с собой и не собиралась с ними расставаться.

И все-таки у вещей была дивная сила притяжения, она влекла и манила, и ему хотелось хоть ненадолго коснуться земной жизни. Он рад был обманываться, представляя себя шестидесятилетним стариком. Хотя, как он мог представить такое. Нельзя вообразить то, чего не было в этом мире. И все же ему не хотелось быть молодым сейчас и здесь. Молодость не так прекрасна, как может показаться с первого взгляда, в ней таится много подводных камней и мрака, о котором хотелось бы забыть навсегда.

А Наталья Николаевна между тем взяла в руки одно из писем, ему не было видно, какое это было письмо. Но он скоро догадался, о чем она говорит.

— Это самое дорогое, что у меня осталось. И что делать? Как распорядиться? Они не могут обратиться в прах, сгореть, затеряться навсегда.

Тогда он решил, что не может и не хочет больше молчать. Он тревожился немного, не хотел ее пугать, но и молчать тоже не мог.

— О, Натали, ведь ты не хочешь уничтожить письма? В них для тебя оправдание. Пусть они увидят свет. Там нет ничего страшного, ангел мой. Я говорил это тебе тогда, могу в сотый раз повторить и теперь.

И он услышал в ответ (она не испугалась, даже не заметила, что голос живет отдельно от тела):

— Нет, нет, я даже о том и не думала, но кто их сможет сохранить и правильно распорядиться? Кто в года для тебя глухие сможет их опубликовать? Нам пока не удастся пробить эту каменную стену гробового молчания. Иногда мне кажется, что так будет всегда.

— Передай их Наташе, чертенку нашему. Только она не похоронит память о счастливых мгновениях. Я ей верю больше, чем сыновьям, вот и доверим ей наше сокровище. Они хорошие люди, но в них есть эта приверженность долгу, ложное понимание чести. Они так далеки от меня.

NoNoNoNoNo

Только теперь Наталья Николаевна поняла, что она беседует с мужем, и он ей отвечает, но даже бровью не повела. Ей не хотелось нарушать ту тонкую связь, которая между ними образовалась. Ведь случалось такое довольно редко. Если он замолчит, исчезнет, разве она сможет себе такое простить?

— Но ты же знаешь свет и поэтов, что они с нею сделают, если письма будут опубликованы. И враги, и друзья боятся их больше, чем огня. Они думают, что там скрыты какие-то их личные постыдные тайны. Скандал будет страшный. И все обрушатся на нее.

— Она найдет того, кто возьмет удар на себя. Она не ошибётся. И я ей в том помогу. Теперь, когда я не могу больше сочинять, это самое главное и важное дело в моей жизни. Я не оставляю ее без поддержки и защиты.

Наталье Николаевне осталось согласиться с мужем

— Ну если ты так думаешь, тебе оттуда виднее. Твоя воля- закон, мой дорогой.

— Я в этом уверен. Я оттуда прослежу, чтобы все так и было.

— Значит, я смогу умереть спокойно. Ни с чем не жаль расставаться, но письма, они не только мне принадлежат, а всем в России. И потомки только по ним тебя и узнают настоящего. Вот и придется все-таки расстаться, пусть они сослужат всем нам добрую службу.

Она так боялась, что он внезапно уйдет, что вся выпрямилась, и стала пристально смотреть туда, откуда раздавался голос. А он становился все тише и тише. Но она слышала его. Она слышала.

Нет, весь я не умру, душа в заветной лире мой прах переживет, и тленья убежит. А нигде нет столько души, как в этих письмах к тебе, ангел мой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.